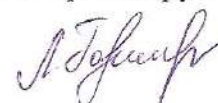

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ГОРДИЕНКО Елена Витальевна

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-
ЧУЖОЙ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

10.02.04 – германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент И.В. Фатьянова

Донецк – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ	18
1.1. Определения категории оценки. Основные положения теории оценки.....	18
1.1.1. Понятие оценки.....	19
1.1.2. Структура оценки.....	21
1.1.3. Классификация видов оценок.....	25
1.2. Средства выражения категории оценки.....	29
1.2.1. Лексические средства выражения оценки.....	30
1.2.2. Грамматические средства выражения оценки.....	33
1.2.3. Стилистические средства выражения оценки.....	35
1.2.4. Графические средства выражения оценки.....	35
1.3. Ключевые понятия медиалингвистики.....	39
1.3.1. Определение медиадискурса.....	41
1.3.2. Медиатекст и его характеристики.....	42
1.3.3. Подходы к типологии жанров медиатекстов.....	48
1.4. Особенности медиатекстов жанра <i>news report</i>	55
1.5. Особенности медиатекстов жанра <i>feature article</i>	58
Выводы по первой главе.....	61
ГЛАВА 2. МЕТОДИКА АНАЛИЗА АКТУАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ В ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В МЕДИАТЕКСТАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ КОНФЛИКТАМ	65
2.1. Понятие конфликта.....	65
2.2. Оппозиция «свой-чужой» в медиатекстах, посвященных конфликту.....	70

2.3. Метод квантового декодирования оценочных смыслов в медийном тексте.....	88
2.4. Характеристика материала исследования.....	95
2.4.1. Обзор источников корпуса эмпирического материала.....	95
2.4.2. Тематическая классификация отобранных медиатекстов...	98
2.5. Методика анализа эмпирического материала.....	99
Выводы по второй главе.....	102
ГЛАВА 3. ОЦЕНКА В ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ»	
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ ЖАНРОВ <i>NEWS REPORT</i> И <i>FEATURE ARTICLE</i>	
3.1. Модели реализации оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе.....	105
3.1.1. Параметры разграничения «своего» и «чужого».....	107
3.1.2. Конфигурации актуализации оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе Великобритании и США.....	110
3.1.3. Реализация моделей конфигурации оппозиции «свой-чужой».....	119
3.2. Реализация категории оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе.....	121
3.2.1. Средства актуализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в британском медиадискурсе.....	121
3.2.2. Средства актуализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в американском медиадискурсе.....	137
3.3. Поликодовые средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой».....	150
3.4. Типы модификаций оценочного значения в англоязычном медиадискурсе.....	156
3.5. Оценка и композиционные особенности медиатекстов жанров <i>news report</i> и <i>feature article</i>	163

3.5.1. Оценка и композиционные особенности медиатекстов жанра <i>news report</i>	163
3.5.2. Оценка и композиционные особенности медиатекстов жанра <i>feature article</i>	168
3.6 Тактико-стратегическая актуализация оценки в медиадискурсе Великобритании и США.....	171
Выводы по третьей главе.....	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	189
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ	218
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	220
ПРИЛОЖЕНИЯ	233

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена комплексному исследованию способов и средств актуализации категории оценки, реализуемой в лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе.

Работа выполнена на стыке аксиологической лингвистики и медиалингвистики и опирается на основные методологические достижения этих направлений современной лингвистики. Медиалингвистика тесно связана с аксиологической лингвистикой, так как в центре их внимания находится не столько собственно номинативно-языковая, сколько прагматико-языковая деятельность человека.

Оценка является универсальной языковой категорией, поскольку вряд ли существует общество и язык, в котором бы человек не оценивал окружающую его действительность и данные представления не отражались бы в языке. Многократное возрастание роли категории оценки в медиадискурсе связано с тем, что, обладая мировоззренческим ресурсом, современные средства массовой информации оказывают непосредственное воздействие на сознание личности, общественное сознание, формируют актуальное общественное мнение и речевую культуру. Медиатексты, фиксирующие происходящие события, являются одним из самых доступных источников информации, в котором путем осознанного отбора выделяются и могут субъективно интерпретироваться события окружающей действительности. Несмотря на то, что современные правила журналистики предполагают отказ от открытой пропаганды, оценка находит свое выражение в массмедийных текстах. Так, она может проявляться в выборе и классификации информации, фактов и явлений реальности, в их презентации под необходимым политикой издания углом зрения, в соотношении негативных и позитивных деталей, в специфических лингвистических средствах. Дискурс СМИ характеризуется целым рядом коммуникативных задач, среди которых определяющим

значением обладают «воздействие на сознание читателей, побуждение к действию, сообщение информации» (Швейцер, 2009: 155).

В современную эпоху «информационных войн» и непрекращающихся конфликтов различной интенсивности роль СМИ как никогда велика, поскольку медиадискурс, в целом, и медиатексты, в частности, описывая и оценивая наиболее актуальные события в жизни общества, отражают и раскрывают разнообразные системы ценностей представителей англоязычных лингвокультур.

Актуальность избранной темы. Актуальность представленного исследования обусловлена интересом к особенностям представления современных конфликтов в медиадискурсе с позиций ценностно-смысловой ориентации содержания, необходимостью дальнейшей систематизации накопленных знаний в области аксиологической лингвистики, целесообразностью интеграции дискурсивного анализа с методологическими подходами медиалингвистики, лингвокультурологии и стилистики декодирования.

Комплексное рассмотрение особенностей выражения лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в разножанровых медиатекстах, посвященных конфликтам разных типов, направлено на выявление глубинной связи между процессами познавательной деятельности человека и их отражением в языковой картине мира представителей англоязычного лингвокультурного сообщества. Преимущество комплексного подхода в исследовании реализации категории оценки в оппозиции «свой-чужой» заключается в возможности интерпретации специфики ее функционирования в медиадискурсе Великобритании и США путем рассмотрения конфигураций взаимодействия «своего» и «чужого», анализа моделей реализации оценочного значения в контексте, определения тактико-стратегической организации медиадискурса конфликтной направленности.

Степень разработанности проблемы. На современном этапе развития аксиологических исследований накоплен достаточный опыт, который

позволяет теоретически обосновать методологию исследования, выполненного на стыке аксиологической и медиалингвистики.

Деятельностная направленность современных лингвистических исследований фокусирует внимание на дискурсе как ситуативно обусловленной intersubjectной умственно-речевой деятельности. В рамках такого подхода дискурс определяется как социальное конструирование реальности и форма выявления знаний (Кубрякова, 1995; 2008; Макаров, 2003; van Dijk, 2014; ван Дейк, 2015; Fairclough, 1995; 2015; Chafe, 1994), а язык выступает как способ реализации деятельности человека в двух ракурсах: когнитивном (Кибрик, 2003; 2011; Манаенко, 2011) и общественном (Карасик, 2004; 2015; Миронова, 2006; Почепцов, 2015). В русле этого направления исследований выделены разные виды дискурса и подходы к его анализу (Карасик, 2004; 2015; Почепцов, 2015; Слышкин, 2000; Dyer, 1995; Cook, 1995; Fillmore, 1985).

Именно к деятельностному подходу относится изучение медиадискурса как реальности, созданной средствами массовой информации (Добросклонская, 2005; 2008; 2010; 2013; Караулов, 2016; Кириллова, 2005; 2011; Dominick, 2012; Fairclough, 1995; 2015; Fetzer, 2007; Weizman, 2008; Bell, 1993; 1997; Kress, 2003; Scollon, 2003), которые опосредуют продуцирование, хранение, распространение и использование общественно важной информации (Blommaert, 2005; Constantinou, 2005; van Dijk, 2014; ван Дейк, 2015). В рамках медиалингвистики ученые занимаются исследованием особенностей языка радио (Бернштейн, 1977) и телевидения (Лаптева, 2007), исследуют проблему контекстуальности массовой коммуникации (Чернявская, 2014), рассматривают понятие медиатекста (Сметанина, 2002; Beharell, 1980), изучают отдельные жанры медиатекстов (Воротникова, 2005; Тертычный, 2010; Тырыгина, 2010; Шмелева, 2012; Rogers, 2018), в том числе на материале разных языков (Костомаров, 2015; Рыжова, 2018; Черкашина, 2015), определяют их коммуникативную организацию (Гилева, 2005; Conboy, 2003), их распространение в цифровом пространстве (Романов, 2021) и т. д.

Современные исследования в области лингвистической аксиологии опираются на глубокие теоретические основы, заложенные в работах Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1983; 1988; 1990; 1999), Е.М. Вольф (Вольф, 2006), А.А. Ивина (Ивин, 2016), Е.С. Кубряковой (Кубрякова, 1995; 2008), В.Н. Телии (Телия, 1986), В.И. Шаховского (Шаховский, 2012), Г. Фон-Вригта (Wright, 1963). В лингвистических исследованиях, посвященных категории оценки, описываются виды оценочных значений и средства их выражения (Ретунская, 1996; Дементьева, 2009; Суджата, 1996; Ульянова, 2016; Bauer, 1996; Cava, 2010; Channel, 2007; Stump, 1993), рассматриваются связь оценки с модальностью (Коноваленко, 1997), особенности функционирования оценочных высказываний в разных типах текстов (Заятуева, 1999; Космеда, 2013; Лапшина, 2008; Погорелова, 2013), теория аргументации и аксиология (Белова, 1997), культурологический аспект оценки (Писанова, 1997), изучаются когнитивные процессы, лежащие в основе оценочных значений и оценочного дискурса (Бессонова, 2002; Бессонова, 2016).

Вопрос «своего» и «чужого» носит разноплановый характер и является междисциплинарным. Так, в философии изучение дихотомии «свой-чужой» связано с проблемами познания (Бубер, 2008; Gadamer, 2004) и самоидентификации человека (Habermas, 2008). Современные философские труды по данной проблематике сосредоточены вокруг зарождения и развития культуры, поиска путей преодоления современных проблем общества: социокультурного отчуждения, потери собственной идентичности, чувства тотального одиночества (Вальденфельс, 1999; Шипилов, 2008). Оппозиция «свой-чужой» как категория сознания является объектом изучения психологии, где она определяется как фактор, определяющий формирование психологических характеристик личности, обуславливает межличностное общение и отношение в рамках «я» (Петровский, 2003).

Анализ оппозиции «свой-чужой» характеризуется разнообразием подходов: с позиций социолингвистики (Duranti, 2015; Danesi, 2013), прагмалингвистики (Паршина, 2004; 2005; Шейгал, 2004),

лингвокультурологии (Гришаева, 2014; Иванова, 2010), коммуникативной лингвистики (Кислякова, 2018), этнолингвистики (Овчинникова, 2008), лингвосемиотики (Лотман, 2000; Олянич, 2014), когнитивной лингвистики (Алиева, 2013; 2017; Выходцева, 2006).

Несмотря на внимание лингвистов к данному явлению нераскрытыми являются глубинные механизмы реализации оценки в лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе конфликтной направленности, так как изучаемая оппозиция является конфликтогенным явлением.

Связь работы с научными темами. Диссертация отвечает направлению исследований, которые разрабатываются на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в рамках госбюджетной научной темы Министерства образования и науки ДНР № 20–1 вв/74 «Языковые структуры и значения в аспекте типологической, социальной и политической лингвистики» (номер госрегистрации, 0120D000009) и в рамках инициативной темы кафедры английской филологии «Лингвокультурологические и лингвокогнитивные исследования языковых единиц и категорий» (номер госрегистрации Г-18/42, 0118D000095).

Целью исследования является установление и описание средств актуализации оценочных смыслов в оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах жанров *news report* и *feature article*.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить теоретико-методологическую основу и терминологический аппарат исследования категории оценки, актуализируемой в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе;
- 2) разработать модель, с помощью которой выделяются оценочные смыслы, реализующиеся в медийных текстах, обосновать целесообразность применения методов квантовой поэтики при декодировании медиатекстов;

3) сформулировать критерии отбора языкового материала и сформировать корпус эмпирического материала, разработать методику описания оценочной реализации оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах;

4) выделить конфигурационные модели аксиологического взаимодействия «своего» и «чужого»;

5) проанализировать особенности реализации оценки в лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах конфликтной тематики по ряду критериев, установить сходства и отличия реализации исследуемой аксиологической оппозиции в медиадискурсе Великобритании и США;

6) описать особенности проявления категории оценки в медиатекстах жанров *news report* и *feature article*;

7) определить модели реализации оценочного значения в контексте;

8) инвентаризировать оценочные стратегии и тактики, детерминирующие коммуникативную организацию британского и американского медиадискурса конфликтной направленности, в котором реализуется аксиологическая оппозиция «свой-чужой».

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

– впервые осуществлен комплексный анализ реализации категории оценки в рамках лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе конфликтной направленности;

– на основе уточненных критериев разработана модель декодирования оценочных смыслов в медиатекстах;

– сформулированы конфигурационные модели взаимодействия «своего» и «чужого»;

– описаны средства выражения оценочного значения в оппозиции «свой-чужой» в англоязычных медиатекстах конфликтной тематики жанров *news report* и *feature article*;

– установлены корреляции между особенностями реализации оценки и жанром медиатекста, его структурной частью и вариантом языка;

- описаны модели реализации оценочного значения в контексте;
- рассмотрены оценочные стратегии и тактики в рамках коммуникативной организации медиатекстов, посвященных конфликтам.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном подходе к рассмотрению актуализации оценочного значения в рамках оппозиции «свой-чужой» с точки зрения выделения и декодирования оценочных смыслов и обусловлена его вкладом в разработку проблем описания категории оценки путем построения актуальной модели интерпретации выделенных оценочных смыслов. Предложенная методика многоаспектного анализа реализации категории оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе Великобритании и США представляет теоретическую ценность как инструмент определения набора оценочных средств, реализующихся в англоязычных медиатекстах, и исследования по широкому спектру параметров категории оценки, реализующейся в англоязычном медиадискурсе. Теоретические обобщения, наблюдения и выводы, сформулированные в результате исследования, расширяют методологическую базу лингвистической аксиологии, медиалингвистики, лингвокультурологии и являются вкладом в теорию дискурса, функциональных стилей и межкультурной коммуникации, конфликтологию.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов и выводов в преподавании курсов стилистики английского языка (раздел «Функциональные стили английского языка»), лексикологии английского языка (разделы «Лексическое значение слова», «Территориальная и региональная вариативность английского языка»), теории коммуникации (раздел «Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения»), теории межкультурной коммуникации (раздел «Взаимодействие и освоение культур»), в спецкурсах по медиалингвистике, дискурсологии, лингвистической аксиологии, конфликтологии, при написании учебных пособий, в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов.

Объектом исследования выступает категория оценки, реализующаяся в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе, **предметом** – средства актуализации и способы декодирования оценочного значения в рамках оппозиции «свой-чужой».

Методология и методы диссертационного исследования. Эмпирическую базу исследования составили 1200 англоязычных медиатекстов жанров *news report* и *feature article*, репрезентирующих ситуацию конфликта. Источниками отобранных медиатекстов послужили качественные и популярные издания Великобритании (*The Guardian, The Daily Telegraph, The Independent, Financial Times, Daily Mail, Daily Mirror, Daily Express, The Sun*) и США (*The Wall Street Journal, The Washington Post, The New York Times, New York Daily News, New York Post, USA Today*). Хронологические рамки определяются целью и задачами исследования и охватывают период с января 2018 года по апрель 2020 года.

Для решения поставленных задач в работе используются следующие **методы** лингвистического анализа: *метод дискурсивного анализа*, с помощью которого установлена взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной текста; *метод семантического анализа*, позволивший определить смысловое значение оценочных квантов в медийных текстах; *метод контекстуального анализа* – для определения эксплицитного и имплицитного способов реализации оценочных смыслов в контексте; *метод лингвостилистического анализа* – для описания языковых средств, служащих стилистическими приемами экспрессивности; *интерпретационный анализ*, направленный на выделение оценочных стратегий и тактик в анализируемых медиатекстах; *сопоставительный анализ*, с помощью которого установлены сходства и отличия реализации оценочного значения в качественной прессе и таблоидах британского и американского медиадискурса. *Метод количественного анализа* использовался для выявления и комплексного представления тенденций частотности разных аспектов актуализации оценочного значения лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой».

Положения, выносимые на защиту:

1. Конфликтная тематика интегрируется в концептуальное пространство англоязычного медиадискурса и языковое сознание лингвокультурного сообщества, поскольку основополагающей целью средств массовой информации представляется не только информирование населения, но и формирование общественного мнения, взглядов, убеждений, принципов, стереотипов, речевой культуры. Медiateксты жанров *news report* и *feature article* британского медиадискурса чаще посвящены внешнеполитическим конфликтам (80%), чем внутригосударственным (20%). В американском медиадискурсе внешнеполитическим конфликтам посвящены, 60% и внутривнутриполитическим конфликтам – 40% анализируемых медiateкстов. Направленность современной публикационной повестки изданий концентрируется на внешних конфликтах с целью отвлечения внимания лингвокультурного сообщества от внутригосударственных проблем.

2. В условиях гибридных войн, когда средства массовой информации рассматриваются как идеологическое оружие и как инструмент воздействия на общественное мнение, метод квантования и декодирования оценочных смыслов, реализующихся в англоязычных медiateкстах жанров *news report* и *feature article*, приобретает особую актуальность, так как способствует корректному восприятию и трактовке получаемой информации.

3. Лингвокультурологическая оппозиция «свой-чужой», реализуя аксиологический потенциал в англоязычном медиадискурсе, является основным конфликтогеном. Аксиологическая значимость данной оппозиции обусловлена тем, что действия «своих» рассматриваются как «правильные», «мирные», «дружеские», действия же их оппонентов – «чужих» ассоциируются с «неправильными», «плохими», «вражескими». Определяющая роль параметра «региональное сообщество» при дифференциации «своего» и «чужого» в медiateкстах жанров *news report* и *feature article* подтверждает доминирование внешних конфликтов в создаваемой СМИ идеологической повестке лингвокультурного сообщества.

4. Лингвокультурологическая оппозиция «свой-чужой» реализует аксиологический потенциал в англоязычном медиадискурсе в виде ряда конфигурационных моделей, представляющих оценочное взаимодействие «своего» и «чужого». Большинство актуализирующихся конфигураций ($C_1 \rightarrow + C_2$, $C_1 \rightarrow - C_2$, $C \rightarrow + Ч$, $C \rightarrow - Ч$, $Ч \rightarrow - С$ и $Ч_1 \rightarrow + Ч_2$) находят свое выражение как в медиатекстах жанра *news report*, так и *feature article*, то есть являются инвариантными. Вариативной (представленной только в медиатекстах жанра *feature article*) является конфигурация $Ч_1 \rightarrow - Ч_2$. В англоязычном медиадискурсе конфликтной тематики реализуется одноmodelный и многоmodelный типы оценочного взаимодействия «своего» и «чужого».

5. Набор языковых средств оценочной актуализации оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах жанров *news report* и *feature article* качественных изданий и таблоидов совпадает в британском и американском вариантах английского языка. Чаще всего оценка выражена с помощью лексических языковых средств, а также лексических и синтаксических стилистических приемов. Оценочный характер оппозиции «свой-чужой» последовательно реализуется во всех композиционных частях исследуемых медиатекстов.

6. При реализации дихотомии «свой-чужой» категория оценки проявляет контекстуально обусловленную смысловую динамику: знак оценки может меняться на противоположный, может происходить усиление или ослабление узуального значения в собственно-оценочной лексике, оценочное значение может возникать в языковой единице с нейтральной оценкой под влиянием контекста.

7. Коммуникативная организация англоязычного медиадискурса конфликтной тематики, в котором реализуется аксиологическая оппозиция «свой-чужой», определяется рядом оценочных стратегий и тактик, являющихся эффективным средством реализации прагматических намерений адресантов – субъектов оценки. Основными оценочными стратегиями, детерминирующими коммуникативную структуру британского и американского медиадискурса

конфликтной направленности, являются стратегии конфронтации, порицания, убеждения, манипулирования, позиционирования, утверждения однозначности позиции.

Степень достоверности результатов исследования. Убедительность и достоверность представленных в диссертации положений обеспечивается фундаментальностью методологической основы, избранным комплексным подходом к изучению средств актуализации категории оценки, объемом корпуса эмпирического материала, полученного из авторитетных источников. Разработанная методика, предполагающая комбинирование исследовательских методов, способствует более точной интерпретации полученных данных. Полученные результаты и выводы являются результатом исследования проблемы и отражают основное содержание диссертации.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации апробированы на следующих конференциях: II Международной научной конференции «Донецкие чтения, 2017: русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса» (г. Донецк, 2017 г.), III Международной научной конференции «Донецкие чтения, 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 2018 г.), международной научной конференции «Германистика, 2018: nove et nova» (МГЛУ, г. Москва, РФ, 2018 г.), XVI Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий», II Международном аспирантском семинаре (г. Донецк – г. Пятигорск, 2018 г.), I Молодежном форуме «Имя. Язык. Мир» (г. Ульяновск, РФ, 2018 г.), V юбилейной всероссийской школе-семинаре имени И.В. Арнольд «Слово. Текст. In Aevum» (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, РФ, 2018 г.), IV Международной научно-практической конференции «Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике» (МГИМО, г. Москва, РФ, 2019 г.), XXVIII Международной научно-практической конференции «Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и

русского языков», посвященной, 65-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора В. И. Карасика (г. Санкт-Петербург, РФ, 2019 г.), XXX Международной научной конференции «Лингвистика XXI века: традиции и инновации» (г. Санкт-Петербург, РФ, 2019 г.), XVII Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» – III Международном аспирантском семинаре (г. Донецк – г. Ростов-на-Дону, 2019 г.), XXXIII Международной научной конференции «Русистика XXI века» (г. Санкт-Петербург, РФ, 2019 г.), XXX Международной Летней научной Школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (г. Санкт-Петербург, РФ, 2019 г.), XXXIII Международной Зимней научной Школе «Языковые основы русской и тюркской ментальности» (г. Санкт-Петербург, РФ, 2019 г.), V Международной научной конференции «Донецкие чтения, 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 2020 г.), XVIII Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» – IV Международном аспирантском семинаре (г. Краснодар – г. Донецк – г. Пятигорск, 2020 г.), Международной конференции «Бренное и вечное: мифологии и социальные технологии цифровой цивилизации – 2021» (г. Великий Новгород, РФ, 2021 г.).

Основные положения и результаты исследования отражены в 16 публикациях общим объемом 9,1 п. л., в том числе, в 3 статьях, опубликованных в специализированных научных изданиях ВАК РФ, 1 статье в журнале, включенном в наукометрическую базу данных Web of Science.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка литературы, лексикографических источников, списка источников исследования, приложений. В первой главе раскрываются основные понятия, составившие терминологический аппарат исследования, формулируются основные положения теории оценки. Обсуждаются определения оценки, ее классификации в контексте современных лингвистических парадигм, средства

выражения. В главе представлены различные подходы к изучению понятий медиадискурса и медиатекста, критерии классификации медиатекстов, представлено теоретическое обоснование коммуникативного подхода к исследованию актуализации оценочного значения в англоязычном медиадискурсе. Во второй главе представлены различные подходы к изучению конфликта и его классификации, установлено значение конфликтной ситуации в реализации лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой», сформулированы критерии отбора языкового материала, описана методика его анализа. В третьей главе представлены результаты анализа аксиологической реализации оппозиции «свой-чужой» в британских и американских медиатекстах жанров *news report* и *feature article*, составивших корпус эмпирического материала. Разработаны модели оценочного взаимодействия «своего» и «чужого». В главе описаны разноуровневые средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой», выделены модели актуализации оценочного значения в контексте и выявлены оценочные стратегии и тактики, определяющие коммуникативную организацию англоязычного медиадискурса. В Заключении подведены итоги исследования, сформулированы выводы относительно многоуровневой реализации лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе, намечены перспективы дальнейшего исследования.

Глава первая

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В главе освещается современное состояние исследования категории оценки, в частности, представлены определения оценки с точки зрения различных подходов к ее изучению, описываются инвариантные и вариативные компоненты ее структуры, приводятся основные классификации оценки, рассматриваются разноуровневые средства реализации оценочного значения. Осуществляется обзор основных аспектов изучения медиалингвистики, даются определения понятиям «медиадискурс» и «медiateкст», представляются различные подходы к классификации жанров медиатекстов, приводятся основные характеристики медиатекстов жанров *news report* и *feature article*.

1.1. Определения категории оценки. Основные положения теории оценки

Оценивание мира является одной из важнейших составляющих когнитивной деятельности человека. Человеку свойственно не просто осознавать признаки и особенности присущие предметам, но и оценивать их с определенных позиций с точки зрения потребностей, стремлений и целей, определять достоинства и недостатки. На сегодняшний день в лингвистике разработано три основных взаимодополняющих друг друга подхода к оценке: логико-философский (Арутюнова, 1999), коммуникативный (Вольф, 2006; Маркелова, 2013; Телия, 1986) и когнитивный (Бессонова, 2002; Писанова, 1997). В рамках настоящего исследования используется коммуникативный подход, включающий несколько направлений. А именно, вслед за представителями функционально-семантического направления коммуникативного подхода (Вольф, 2006; Клобуков, 2007; Маркелова, 2013) ставится целью изучение системы разноуровневых средств языка, выполняющих оценочную функцию, а также вслед за представителями

функционально-прагматического направления (Гак, 1997; Телия, 1986; Шаховский, 2012), мы ставим своей целью раскрытие прагматического эффекта при декодировании тех или иных оценочных смыслов.

Оценка – универсальная категория, поскольку «вряд ли существует лингвокультура, в которой отсутствует представление о «хорошо / плохо». (Вольф, 2006: 9).

Антропоцентрический подход, который ставит в центр внимания исследователей вопрос познания человека, его жизнедеятельность и систему ценностей, является доминирующим в современной лингвистике. Так, Е.С. Кубрякова отмечает, что «антропоцентрический подход знаменует тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» (Кубрякова, 1995: 212). Отсюда, в контексте антропоцентрической парадигмы проблема категории оценки привлекает большое внимание ученых, поскольку оценивание различных фрагментов действительности является одной из наиболее важных составляющих когнитивной деятельности человека, ведь ему свойственно не только осознавать существующие признаки и особенности предметов, но и оценивать их с определенной точки зрения, определяя их достоинства и недостатки (Дормидонтова, 2009: 47).

1.1.1. Понятие оценки

Будучи основополагающей категорией человеческого сознания, оценка по-разному освещалась представителями различных направлений лингвистики, что свидетельствует о ее многоплановости. Долгое время данная категория трактовалась исключительно как логико-философская, т. е. в рамках логики, философии, аксиологии, этики, теологии. Только во второй половине XX века категория оценки оказывается объектом изучения лингвистов. Соответственно, понятие оценки пришло в лингвистику из логики оценок, где оценка в общем виде определяется как высказывание о ценностях (Маркелова, 2013), при этом под ценностью понимается предмет интереса, желания, стремления.

В логике оценка определяется как «акт человеческого сознания, заключающийся в сравнении предметов, сопоставлении их свойств, определении роли в жизнедеятельности субъекта, и его результаты, закрепляемые в сознании и языке в виде позитивного, негативного или нейтрального отношения» (Ивин, 2016: 223).

В лингвистику понятие категории оценки ввел Ш. Балли в начале XX века. По его мнению, оценка – это «своего рода реакция на выраженное словом явление или вещь в широком диапазоне отношений: вызывает ли вещь радость или страдание, полезна или вредна, хороша или плоха сама по себе, а также соответствует или не соответствует принципам морали» (Балли 2001: 208).

В лингвистике принято достаточно широкое понимание оценки. Так, С.С. Хидекель и Г.Г. Кошель отмечают, что под оценкой обычно имеется в виду общественно закрепленное отношение носителей языка (хороший – плохой, хорошо – плохо) к внеязыковому объекту и к фактам языка и речи. Оценка понимается как суждение о ценности предмета, о соответствии или несоответствии его качеств определенным ценностным критериям (хорошо / плохо, добро / зло, важно / неважно, полезно / вредно и т. д.) (Хидекель, 1983: 11).

В словаре О.С. Ахмановой под оценкой понимается «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. д.» (Ахманова, 1968: 305).

В словаре Т.В. Матвеевой оценка определяется как «отношение говорящего, его одобрение или неодобрение в качестве компонента лексического значения слова, смысла высказывания, содержания текста» (Матвеева, 2014).

Л.А. Сергеева отмечает, что оценка представляет собой «результат проявления особого, ценностного отношения субъекта к объекту, специфику которого составляет сознательная целенаправленность, заключающаяся в наличии определенной позиции субъекта, детерминирующей характер

данного отношения, то есть определенных «точек зрения», с которых производится оценка (Сергеева, 2003: 47).

В данной работе, вслед за В.Н. Телией, оценочное значение понимается как «информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, выделенному относительно того или иного аспекта рассмотрения некоторого объекта» (Телия, 1986: 54).

1.1.2. Структура оценки

Анализ литературы по проблеме исследования свидетельствует о том, что многие лингвисты сосредотачивают внимание на проблеме оценочных значений и способах их выражения в языке. Так, например, Н.Д. Арутюнова и Е. М. Вольф при рассмотрении семантических особенностей оценки отмечают необходимость и значимость исследования таких проблем, как соотношение субъективных и объективных факторов в оценке, а также разграничение оценочных и дескриптивных компонентов значения (Арутюнова, 1988: 23).

В лингвистической литературе часто подчеркивается субъективный характер категории оценки. Так, Н.Д. Арутюнова отмечает, что оценка выражает субъективное отношение к явлениям окружающего мира, а не отражает их объективные характеристики. Субъективный характер категории оценки объясняется зависимостью оценки от номинатора определенной реалии, его системы ценностей и отношения к миру (Арутюнова, 1988: 86).

Исходя из логического анализа категории оценки, представляется возможным вывести понятие модальной рамки, раскрывающей логическую структуру оценки, основными компонентами которой являются субъект, предмет, характер и основание оценки (Ивин, 2016).

Субъект оценки – это особа или социум, с точки зрения которого дается оценка (Вольф, 2006). Субъект (эксплицитный или имплицитный) может быть индивидуальным или же представлять собой коллективное мнение. По мнению Е.М. Вольф, субъект, оценивая события, опирается не только на личностное отношение к объекту оценки, но и на стереотипные представления об объекте (Вольф, 2006: 23). Субъектом также может выступать «неконкретизированная

языковая личность, которая выражает свое отношение, оценивая определенный предмет» (Бессонова, 2002: 27). Отсюда, языковая личность вслед за С.Г. Воркачевым понимается как «человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения...также совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная ... закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре – личность словарная, этносемантическая» (Воркачев, 2001: 65-66). Отмечается, что субъект оценки в масс-медиа носит коллективный характер, т. е. за мнением журналиста, выражающего оценку, обычно стоит редакция соответствующего издания. Например, в контексте *'Syria crisis: Turkish assault on Kurdish enclave threatens to open deadly new phase in bloody seven-year civil war'* (The Independent, 21 January 2018) субъектом оценки имплицитно выступает редакция газеты (в лице автора статьи – Патрика Кокберна).

Под объектом (предметом) оценки понимается личность, предмет, событие или положение вещей, к которому относится оценка (Вольф, 2006). По мнению О.Л. Бессоновой, объектом оценки также могут быть процессы, явления, идеи, действия, признаки и т. д. (Бессонова, 2002: 28). Так, в заголовке *'Jalalabad bombing: Gunmen clash with security forces after attack on Save The Children offices in Afghanistan'* (Jalalabad bombing: Gunmen clash with security...) эксплицитным объектом оценки выступают террористы, совершившие нападение на офис международной организации Save the Children («Спасем детей») в Афганистане, что реализуется лексемой *gunman*, имеющей в своем значении отрицательную сему ('a man who uses a gun to commit a crime or terrorist act') (ODEDT).

По мнению Н.А. Онищенко, оценка предполагает выбор критерия (мотива), т. е. основания оценки, сопоставление по оценочной шкале объекта с выбранной за исходную моделью, а также наличие оценочного стереотипа, т. е. стандартный набор оценочных признаков (Оніщенко, 2003)

Как считает А.А. Ивин, основание для оценки представляет собой то, с точки зрения чего происходит оценивание. Характер оценки показывает, квалифицирует ли оценка свой предмет как «хороший» или «плохой» или индифферентный (Ивин, 2016). Например, в контексте *Syria: Turkey warned US before strikes against US-backed Kurdish militia* (Syria: Turkey warned US before strikes...) характер рациональной оценки по отношению к курдам может быть расценен как положительный, поскольку используется причастие *backed* 'be given financial, material, or moral support' (ODEDT), имеющее в своем значении позитивнооценочную сему.

По мнению Е.В. Сенько, по характеру оценка может быть абсолютная и сравнительная. Первая предусматривает оценочные стереотипы носителей языка. Вторая же опирается на сравнение, суть которого лежит в том, что оцениваемый признак, свойство сравнивается со стандартом, примером, служащим нормой. Е.В. Сенько отмечает, что данное сравнение привело к введению понятия «оценочная шкала» как элемент структуры оценки. Эта шкала исполняет роль средства создания эмотивно-оценочных значений слов и выражений, содержит не только указание на степень нарастания/спада какого-либо качества, но и отображает определенную оценочную модификацию этого качества как стереотип или стереотипы, характерные для языковой картины мира определенного лингвокультурного общества, что отличает ее от собственно оценочной шкалы (Сенько, 2001).

Знакомство с литературой, посвященной разным аспектам категории оценки, показывает, что в вопросе о месте нормы на оценочной шкале исследователи разделились на две группы. Так, например, Н.Д. Арутюнова и Е.М. Вольф соотносят норму с позитивным краем шкалы (знаком «+»), т. е. то, что соответствует норме, выполняет функцию позитивной оценки, а то, что с

ней не совпадает – негативной оценки. Это дает основание сделать вывод о двухкомпонентной структуре оценки: позитивной и негативной, которую отображают знаки «+» и «-». Исследователи отмечают, что с понятием нормы связано и количественное преимущество негативной оценки над позитивной, ведь знаки «+» и «-» не являются абсолютно симметричными на оценочной шкале в естественном языке (Арутюнова, 1988: 23).

С.С. Хидекель и Г.Г. Кошель, в свою очередь, на оценочной шкале между знаками «+» и «-» выделяют посередине третью точку, которая служит отправным пунктом, эталоном, с которым связывают норму оценочного качества. Поскольку она лежит посередине шкалы, то ее называют «серединой», «нейтральной» или «нулевой»: позитивную и негативную оценки можно рассматривать как «полярные, допускающие какую-то нулевую оценку, которая выступает как точка отсчета при оценочной квалификации объекта» (Хидекель, 1983: 11). Соответственно, нулевая оценка, которая выражает нейтральное (безразличное) отношение носителей языка к признакам объекта, служит фоном, относительно которого воспринимаются оценочные отклонения в ту или иную сторону на оценочной шкале (Byessonova, 2012). На данной аксиологической шкале основывается трехкомпонентная структура оценки. С нашей точки зрения, наиболее последовательной является двухкомпонентная структура оценочной шкалы, в которой норма совпадает с ее позитивным краем.

Все названные выше компоненты являются инвариантными и создают модальную рамку оценки, от которой и зависит потенциал средств реализации оценочного значения (Оніщенко, 2003: 8). Однако, Е.М. Вольф также выделяет такие вариативные компоненты, как аспект оценки, который включает «все компоненты значения, на которые опираются дескриптивные признаки, входящие в оценочный стереотип» (Вольф, 2002: 64) и оценочный стереотип, под которым понимается «обобщение нормативных представлений ... сенсорных восприятий и социально-коммуникативной деятельности» (Шибкова, 2006: 193-194).

1.1.3. Классификация видов оценок

В зависимости от спектра научных интересов исследователи в работах, посвященных оценке, при анализе языковых явлений обращаются к различным классификациям оценок, в основе которых лежат различные критерии.

1.1.3.1. Первый критерий – аксиологическая интерпретация. Два значения аксиологического оператора – «хорошо / плохо» – позволяют в зависимости от знака «+» или «-» выделить два типа оценки: положительную (мелиоративную) и отрицательную (пейоративную, дерогативную) (Вольф, 2006).

Данная классификация носит наиболее обобщенный характер, т. к., опираясь на аксиологическую основу категории оценки, позволяет ответить на вопрос: положительно или отрицательно относится автор высказывания к объекту действительности, признает или не признает его ценность.

1.1.3.2. В зависимости от наличия или отсутствия эмотивного компонента оценка бывает рациональной (интеллектуально-логической) и эмоциональной (Вольф, 2006). Первая опирается на социальные стереотипы и выражается оценочным суждением. Вторая предполагает непосредственную реакцию на объект и характеризуется экспрессивностью (Фомина Ю., 2007).

Кроме того, некоторые исследователи выделяют следующие виды оценки, исходя из наличия в ней эмотивного компонента:

1) эмоциональная, отражающая эмоциональные характеристики, присущие человеку как биологическому индивидууму, так называемая биологическая оценка.

2) социально-оценочная, «оценочный компонент которой отражает идеологические, морально-нравственные, социальные, культурные и т. п. отношения между людьми», так называемая социальная оценка (Голованевский, 2002: 80).

Необходимо отметить, что биологическая оценка стабильна во времени, в то время как социальная оценка зависит от отношений между людьми,

изменяющимися вместе с социально-идеологическими процессами на определенных этапах развития общества (Прищепчук, 2008).

1.1.3.3. Третий критерий – соотношение объективного и субъективного факторов. Сложное взаимодействие объективных и субъективных свойств объекта позволяет говорить о его дескриптивных (собственные свойства объекта: *красное, круглое, спелое яблоко*) и оценочных признаках (свойства, приписываемые субъектом: *хорошее яблоко*). Обозначения первого ряда, содержащие оценочный компонент (*талантливый, усердный, добрый, нахальный, глупый* и т. д.), называют частнооценочными, а слова второго ряда (*хороший, отличный* и т. п.) – общеоценочными (Арутюнова, 1999).

Таким образом, в зависимости от характера оценочного признака, обусловленного взаимодействием объективных и субъективных факторов, выделяют две разновидности оценок: общая оценка (холистическая оценка, аксиологический итог) и частная оценка.

Финский логик Г. фон Вригт выделил общие и частные типы оценочных значений на основании концептов добра (на основе анализа прилагательного *good*) (Wright, 1963).

Взяв за основу характер основания оценки, Н.Д. Арутюнова предложила свою классификацию частнооценочных значений. В данной классификации представлены три группы частнооценочных значений (сенсорные, сублимированные, рационалистические оценки), которые в свою очередь могут быть конкретизированы категориями частнооценочных значений (так, сенсорные оценки делятся на сенсорно-вкусовые и психологические) (Арутюнова, 1999).

Классификация оценок Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1999) является наиболее детальной, затрагивает ряд аспектов и позволяет:

- во-первых, разграничить чисто оценочные признаки («хорошо / плохо») и признаки, сочетающие оценочный смысл с дескриптивным;
- во-вторых, определить характер дескриптивного признака (сенсорно-вкусовой, утилитарный и т. д.);

– в-третьих, проследить уровень эмоционального / рационального в частных оценках (в сенсорных оценках будет выше уровень эмоционального, нежели рационального).

1.1.3.4. Четвертый критерий – способ оценивания. В зависимости от формулировки оценочного высказывания выделяют два типа оценки: абсолютная и сравнительная оценка (Вольф, 2006).

В формулировках первой используются такие термины, как «хорошо / плохо», второй – «лучше / хуже». При абсолютной оценке речь идет, как правило, об одном оценочном объекте, при сравнительной – имеются по крайней мере два объекта или два состояния одного и того же объекта (Вольф, 2006).

Приведенная классификация позволяет говорить о конструктивно различных оценочных высказываниях (для выражения сравнительной оценки используются более сложные конструкции), а также о различии в семантике этих двух типов оценки (абсолютная оценка оказывается более сложной по семантике, т. к. в ней сравнение присутствует имплицитно и предполагается наличие фоновых знаний об объекте оценки).

1.1.3.5. Пятый критерий – влияние контекста. Учитывая влияние контекста на реализацию семантики оценочных единиц, различают две разновидности оценки: ингерентная (языковая, узуальная) и адгерентная (речевая,okkaзиональная) оценки (Якушина, 2003).

Большое количество различных типологий оценки можно объяснить нечеткостью лингвистического структурирования оценочного смысла. Т.В. Маркелова отмечает его языковую и речевую «вездесущность», реализуемую на разных языковых уровнях единицами, объединенными общей семантической ценностной доминантой хорошо / нормально / плохо. Поэтому насущной проблемой является систематизация средств выражения оценочных значений в русском языке, причем реальные проблемы воплощения этой цели требуют анализа взаимодействия всех трех аспектов функционирования

языковых средств – семантического, грамматического и прагматического (Маркелова, 2013).

Каждая из рассмотренных выше типологий построена на выделении одного классификационного признака и, следовательно, позволяет рассматривать оценку в выбранном аспекте. Однако часто для анализа языковых явлений (например, оценочного высказывания) недостаточно какой-то одной отдельно взятой классификации оценок. Представляется целесообразным создание многоаспектной классификации оценок, в которой будут учитываться различные средства выражения оценочного значения.

Примером такой многоаспектной классификации оценок может служить классификация Ю.А. Фоминой (см. рис. 1.). В ней учтены различные критерии, в том числе представленные выше (см. п. 1.1.3.1-1.1.3.5). Так, типология на основе критерия аксиологической интерпретации (выделение положительной и отрицательной оценки) является ключевой, т. к. признание или непризнание ценности объекта и есть суть акта оценки. Поэтому, говоря об оценке, всегда предполагается определение оценочного признака и размещение его на оценочной шкале. Остальные четыре типологии выделены в отдельные блоки, расположенные на соответствующих проявлениях рассматриваемого признака уровнях (Фомина Ю., 2007).

Рис. 1. Многоуровневая классификация оценки (Фомина Ю., 2007)

Названные уровни и блоки располагаются снизу вверх, т. к. с каждым уровнем меняется иерархия языковой единицы с оценочным значением (от слова к тексту). Так, представляется возможным определить общеоценочный или частнооценочный характер значения у одного слова, а является ли оценка языковой или окказиональной – только в рамках сложного синтаксического целого или текста (Фомина Ю., 2007).

Анализируемая классификация может быть положена в основу описания средств выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе, поскольку в ней соотнесены семантика и прагматика средств выражения оценки, что представляется актуальным для наиболее полной характеристики оценочных смыслов.

1.2. Средства выражения категории оценки

Категория оценки включает в себя как вербальные, так и невербальные средства выражения, целью которых является создание определенной положительной или отрицательной установки, направленной на оценивание объекта, события или явления в коммуникации со стороны говорящего

(субъекта) (Caffi, Janney, 1994). Соответственно, оценка может выражаться как языковыми, так и неязыковыми средствами. К последним можно отнести выражение лица как показатель оценки (улыбка, нахмуренность), голосовые или звуковые выражения оценки (дружелюбный, резкий, враждебный голос) и т. д. (Николаева, 2017).

Лингвистический аспект категории оценки составляет совокупность средств и способов ее выражения – фонетических, морфологических, синтаксических, лексических и т. п., отражающих элементы оценочной ситуации. Оценочные средства обнаруживаются на всех уровнях языка. Оценочный компонент значения языковой единицы, выражающий одобрение или неодобрение, может быть обусловлен ее лексико-семантическими свойствами, принадлежностью к тому или иному функциональному стилю и употреблением в определенном контексте, может быть частью денотативного и коннотативного значения слова, может создаваться словообразовательными средствами (Хорошилова, 2010).

1.2.1. Лексические средства выражения оценки

Основным языковым уровнем, на котором выражается категория оценки, является лексический уровень. Так, В.В. Виноградов отмечает, что «слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но и в то же время выражает оценку субъекта оценки» (Виноградов, 2001: 21)

Лингвисты сходятся во мнении, что оценочная лексика является универсальным средством выражения отношения к предмету. Так, К.А. Иванова пишет, что «способность лексем выражать оценку связана с тем, что в составе их значения присутствует оценочный компонент – дополнительное, коннотативное значение. У одной группы слов это значение выражено в большей степени, у других – в меньшей» (Иванова, 2015: 91).

Необходимо отметить, что оценка может быть компонентом денотативного, коннотативного или обоих аспектов лексического значения единицы (Хидекель, Кошель, 1983: 9).

Как отмечает С.А. Прищепчук (Прищепчук, 2008), что оценка выражается в семантической структуре слова в виде оценочного компонента, соответственно, выделяется несколько групп лексических единиц с различной позицией оценочного компонента:

1. Лексические единицы, значение которых содержит оценку, но не указывается, к чему она относится, то есть оценочный компонент является частью денотативного значения в семантической структуре слова, но предметная соотнесенность устанавливается только в контексте, соответственно, речь идет о функциональной оценочности (Маркелова, 2013).

2. Нейтральные лексические единицы, приобретающие оценочность только в контексте, нейтральная вне контекста лексема в различном языковом окружении может приобретать положительную или отрицательную оценочность. В таких случаях речь идет о коннотативной оценочности (Маркелова, 2013), то есть индуцируемой контекстом, который может быть, как широким, так и узким (вплоть до словосочетания).

3. В предметно-оценочных лексических единицах (Эпштейн, 2012), в значении которых совмещены предметность и оценочность, выражается отношение говорящего к обозначаемому словом явлению. Подобные лексеммы репрезентируют прагматическую оценочность.

Оценочный компонент в семантике слова эксплицирует позитивную или негативную оценку. Слова, содержащие положительный оценочный компонент, выражают доброжелательное отношение или симпатию говорящего к объекту оценки. Отрицательные оттенки (неодобрение, пренебрежение, презрение, упрек и т. д.) нередко, по замечанию А.И. Приходько, с трудом уловимы и изменчивы, исторически и контекстуально обусловлены (Приходько, 2004: 102).

Неоднородность оценочного компонента обуславливает его взаимодействие с другими компонентами в семантической структуре слова. Оценочный компонент, как справедливо подчеркивает Н.А. Онищенко, не выступает постоянным для определенной языковой единицы. Он проявляется

на конкретном историческом этапе, и в зависимости от контекста, изменяется в соответствии с уровнем материальной и духовной культуры общества и каждого индивида в частности (Оніщенко, 2003: 6).

Оценочный компонент коннотативного значения выражает положительное или отрицательное суждение о том, что называет то или иное слово (поэтому говорят о положительной или об отрицательной коннотации).

Согласно Н.Д. Арутюновой, для одних слов оценочное значение составляет их основное лексическое наполнение (*хороший, плохой, бесподобный, противный*), для других – выступает одним из составляющих компонентов их семантической структуры (*кляча, барахлить*). Каждый объект действительности (вещь или положение дел, человек или событие) обладает неопределенным по числу и составу набором аксиологически релевантных свойств, которые должны быть приняты во внимание при включении объекта в один из двух аксиологических разрядов (Арутюнова, 1988). Иными словами, любой предмет в зависимости от ситуации может получить положительную или отрицательную оценку, и в эту оценочную ситуацию может быть включен как денотативный, так и коннотативный компоненты лексем.

Тем не менее, как подчеркивает В.Н. Телия, данные компоненты имеют функциональные различия: «отличие субъекта оценки, объективируемой в денотативном компоненте значения, и субъекта оценки, выступающего как субъект коннотации, ... связано с тем, что первый выполняет две функции – оценочную и познавательную, в которой познавательная доминирует, а субъект коннотации выполняет три функции: познавательную, собственно оценочную, эмотивно-квалификативную» (Телия, 1986: 38).

Н.А. Онищенко отмечает, что оценочный компонент тесно связан с эмоциональной сферой говорящего, уровнем его знаний и коммуникативной целью высказывания. Кроме того, оценочный компонент не только выражает оценку увиденного или услышанного, но и предназначен для эмоционального воздействия на реципиента, на его чувства, мысли, представления. Именно

поэтому можно говорить о выполнении оценочным компонентом коммуникативно-прагматической функции (Онiщенко, 2003: 6).

Оценка может быть выражена различными частями речи: существительными, прилагательными, глаголами, наречиями, междометиями, местоимениями. По мнению Т.В. Маркеловой, прилагательные являются «основным средством номинации» оценочной семантики, а отсюда – наиболее употребительным (Маркелова, 2013: 87-88).

Следующим по частоте употребления лексическим средством выражения оценочного суждения является обширная группа имен существительных, которые обладают предикативной функцией, т. е. могут выступать в роли сказуемого в предложении (Солдаткина, 2016).

Еще одним средством лексического выражения оценки являются глаголы, в которых изначально заложено оценочное значение, и прилагательные наречия, которые упоминает Е.М. Вольф (Вольф, 2006: 132). Необходимо также отметить существование в английском языке группы глагольных предикатов с оценочным компонентом в семантической структуре (*to like, to adore, to dislike, can't stand*, и т. д.) (Николаева, 2017). Кроме того, оценочный компонент глаголу добавляют именно наречия образа действия (Солдаткина, 2016).

В некоторых случаях оценка может выражаться возвратными местоимениями, а также количественными или собирательными числительными (Солдаткина, 2016).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что основными классами слов, выражающих оценочные суждения, являются имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия. Менее активное участие в процессе актуализации оценочной семантики принимают местоимения и числительные.

1.2.2. Грамматические средства выражения оценки

Репрезентация категории оценки не ограничивается выражением только лишь на лексическом уровне, хотя многие исследователи относят

грамматические средства выражения оценки, которые, в свою очередь, делятся на морфологические и синтаксические, к вспомогательным.

1.2.2.2. Морфологические способы выражения. К одному из способов выражения оценочного значения относят словообразовательные возможности языка (суффиксация, префиксация, словосложение, превосходная степень прилагательных). Так, например, оценочное значение может быть мотивировано семантикой основы слова, а также оценочным характером деривационных аффиксов. Как отмечает А.И. Приходько, значение производных слов с отрицательной оценкой может быть мотивировано такими аффиксами, как: *-ard, -ling, -ster, -cide, -ice / ize, hyper-, mis-, dis-, un-, a-* и др. Значение слов с положительной оценкой мотивировано следующими аффиксами: *-kin, -esque, -hood, -ness, -ship, well-* и др. (Приходько, 2004: 16).

Однако, представляет интерес, тот факт, что в большинстве случаев оценочное содержание оказывается «закрепленным» за корневой морфемой. Так, О.Л. Бессонова приходит к выводу, что из 62 именных суффиксов в образовании оценочных наименований лица участвует 21, причем значение лишь 5 суффиксов непосредственно связано с оценкой, например, *-ling* (англ. *underling* ‘мелкая сошка’) (Бессонова, 1995). Соответственно, аффиксы являются тем мостиком, который в рамках оценочного слова соединяет оценочность с другими более крупными категориями.

1.2.2.1. Синтаксические способы выражения. Оценочное значение может быть выражено и синтаксическими средствами. Т.В. Маркелова отмечает, что «семантика оценки может быть представлена единицами синтаксического уровня – предложением и его речевой реализацией – высказыванием» (Маркелова, 2013: 92). Например, использование восклицательных и вопросительных предложений как средства выражения оценки обусловлено тем, что данные коммуникативные типы предложений усиливают эффект воздействия, а также способствуют выражению мнения / отношения. Предложения с измененным порядком слов (инверсией) также относятся

исследователями к синтаксически реализующим оценку (Добросклонская, 2010: 140).

По мнению Е.В. Николаевой, модальные высказывания, в которых отношение, выраженное модальным глаголом, оценивается как хорошее или плохое, можно отнести к «синтактико-семантическим» средствам выражения оценки (Николаева, 2017: 45). Кроме того, исследователь также относит синтаксические конструкции с повелительным наклонением к средствам выражения оценочного значения, т.к. их можно расширить словами *because it is bad / good*, например, *Don't put your elbows on the table because it is bad*. Автор подчеркивает, что данное средство формирования оценки сочетает оценку жизненной ситуации и оценку внутреннего состояния говорящего (Николаева, 2017: 46).

1.2.3. Стилистические средства выражения оценки

Важную роль в выражении оценочного значения играют стилистические средства языка, к которым относятся изобразительные средства или тропы, выразительные средства или фигуры речи. К тропам относятся метафора, метонимия, гипербола, ирония, антитеза, сравнение и т. д. Это преимущественно лексические изобразительные средства, в которых слова или словосочетания употребляются в преобразованном значении.

Так, метафора, к примеру, позволяет углубить содержание текста, в частности, медиа, с помощью ярких, культуроспецифичных образов (Добросклонская, 2010: 138).

Примечательно, что выразительные средства или фигуры речи не создают образов, а повышают выразительность речи и усиливают ее эмоциональность за счет использования особых синтаксических конструкций, таких как лексический повтор, параллельные конструкции и т. д. (Арнольд, 2002).

1.2.4. Графические средства выражения оценки

Графические средства способствуют внешней организации текста (способы размещения элементов и фрагментов текста, использование

каллиграфических средств).

Графические средства являются одним из видов паралингвистических средств, которые представляют собой средства письменной коммуникации для передачи информации без использования слов, а также включают в себя фонационные средства (темп, тембр, громкость речи, мелодика речи и т. д.) и кинетические средства (жесты, мимика). Функция использования графических средств заключается в передаче эмотивности высказывания и эмоционального состояния автора высказывания, в усилении текста и привлечении внимания читателя к тексту.

При исследовании графических средств интерес представляет изучение когнитивных механизмов и их понимание в процессе графического оформления электронного текста. Эмоциональное восприятие текста основано не только на восприятии лексических единиц, но также и на восприятии графического знака. Понимание содержания текста происходит через его зрительное восприятие. Графические знаки, их порядок, связь создают определенный смысл, в сочетании с лексическим значением элементов высказывания он получает эмотивный оттенок.

Круг графических средств является на сегодняшний момент неопределенным. В настоящей работе используется классификация графических средств А.Г. Баранова и П.Б. Паршина (Баранов, Паршин, 2018), согласно которой к графическим средствам относятся супраграфемные средства (шрифтовое варьирование текста, разрядка – разделение букв пробелами, совмещение кириллического и латинского шрифтов, астерикс, нижнее подчеркивание, сокращение слов, повторение букв, эмотикон); синграфемные средства (варьирование знаков пунктуации), топографемные средства (плоскостное варьирование текста) и архитектоника текста (внешняя композиция текста, деление текста на части).

1. Супраграфемные средства используются для выражения фонационных паралингвистических средств. Не имея возможности обмениваться голосовыми сообщениями, участники сетевой коммуникации

используют супраграфемные средства, чтобы выразить эмоции на фонетическом уровне.

Шрифтовое варьирование обладает следующими признаками: рисунок – *форма шрифта* (курсив, прямой); пятно – *насыщенность цвета* (светлый, полужирный, жирный); величина – *размер шрифта* (прописной, один кегль). Шрифтовые знаки выполняют экспрессивно-выделительную функцию. Использование курсива зависит от структуры медиатекста, жирный шрифт сильнее по восприятию, чем курсив. Он также используется в качестве особого выделения определенных отрезков текста. Шрифт больших размеров (прописные буквы вместо строчных) также используется для акцентирования внимания на определенном отрезке речи (как правило, трактуется как повышение голоса).

Астериск используется не только для подстрочных примечаний, ссылок на другие указания, но он также выполняет следующие функции: замещение слова в высказывании, замещение буквы в слове, чтобы избежать использования нелитературного слова, выделение слова в высказывании.

Сокращение слов – это графическое средство, характерное для разговорной речи. Выделяются следующие виды сокращений: буквенные сокращения (LOL (lol) – laughing out loud (lots of laughter), OMG – oh my God!, n – and, Ok – Okay, r – are, u – you, ur – your, you are, t – to, e – the, C'mon – come on, ain't – am not / are not, b – be), лексико-графические сокращения (B4 – before, @ – at, & – and, 4 – for, J – pounds, \$ – dollars), авторские сокращения слов, не принятые в лингвистической системе языка (wot – what, prob – probably, wud – would, shud – should). Данное средство помогает кратко и емко передать информацию и эффективно осуществлять коммуникативное общение.

Повторение букв придает высказыванию эмотивную окраску, однако данное средство эмотивности не является распространенным, поскольку встречается в единичных случаях.

2. В медиадискурсе используются не только установленные правила пунктуации, но «нерегламентированные правила», получившие в

лингвистике название **синграфемные средства**. Они включают в себя вопросительные конструкции, восклицательные конструкции, многоточие и факультативные кавычки. Это «нерегламентированная пунктуация», которая отличается от установленной правилами пунктуации. Синграфемные средства создают интонационный рисунок речи, что придает ей ритм и мелодику, повышает ее образность.

Вопросительные и восклицательные конструкции используются для придания высказыванию эмотивного фона.

Многоточие показывает незаконченность мысли и используется для того, чтобы дать читателю возможность подумать над концом высказывания либо, иногда, чтобы показать, что тема не закончена и можно перечислять или продолжать еще долго. Незаконченность высказывания может быть вызвана волнением говорящего, обрывом в логическом развитии мысли. Многоточие показывает паузы, прерывистость речи, указывая на эмоциональное возбуждение говорящего. Повтор многоточия указывает на усиление значения.

Факультативные кавычки используются для выделения слов, которые употребляются в необычном, условном, ироническом значении. Это помогает участнику разговора обратить внимание других на то или иное выражение. Один из основных критериев при употреблении факультативных кавычек «обычность / необычность» («привычность / непривычность»).

3. Архитектоника и топографемные средства раскрывают свой потенциал только в совокупности с содержанием текста. Архитектоника текста – это «членение текста на определенные части, их последовательность, взаимосвязь» (Николина, 2003). В большинстве случаев архитектура публикации индивидуально-авторская и служит для создания определенной атмосферы текста. Топографемные средства представляют отклонение от стандартного оформления полей текста, что помогает выделить графически определенную часть блога или комментария к нему. Такая «плоскостная

синтагматика» (термин О.А. Журтовой) придает образность тексту (Журтова, 2005).

Графические средства могут выражать оценку, придавать эмотивность и образность высказыванию, являются средством прагматического воздействия текста на читателя, способствуют передаче информации и влияют на закономерности текстообразования. Графические средства являются вспомогательными средствами и придают высказыванию дополнительные семантические и экспрессивные оттенки. Оценочное значение может быть выражено такими графическими средствами: супраграфемными средствами (шрифтовым варьированием текста (курсивом, жирным шрифтом, шрифтом больших размеров), астериксом, сокращением слов, повторением букв, эмотиконом); синграфемными средствами (вопросительными конструкциями, восклицательными конструкциями, многоточием, факультативными кавычками); топографемными средствами (плоскостным варьированием текста) и архитектоникой текста (внешней композицией текста, делением текста на части).

Интерпретация разноуровневых средств выражения оценочного значения в медиатекстах позволяет реконструировать оценочный смысл картины мира языковой личности, а также служит возможности декодирования отдельных оценочных квантов, заложенных автором и образующих целую систему кодов, которые могут быть расшифрованы читателем путем изолированного их рассмотрения посредством анализа различных средств реализации оценочного суждения.

1.3. Ключевые понятия медиалингвистики

Начиная со второй половины XX века внимание ученых приковано к исследованию языка СМИ. Прежде всего это связано со стремительным развитием традиционных СМИ (печать, радио, телевидение), а также появлением и распространением информационного пространства в Интернете.

Исследования языка медиа активизировались в западноевропейской науке с середины, 50-х гг. XX века, а с начала, 1970-х заняли существенное место и в российском языковедении. Однако, в XX веке язык СМИ изучался в рамках функциональной стилистики как язык публицистического и газетного стиля, который, вслед за И.Р. Гальпериным, понимается как «система взаимосвязанных лексических, фразеологических и грамматических средств, которая воспринимается обществом как особое единство, целью которого является информирование и инструктирование читателя» (Гальперин, 2018: 297).

Термин «медиалингвистика» (*media linguistics*) был введен британским лингвистом Дж. Корнером (Corner, 1998), отмечавшим, что медиалингвистика носит междисциплинарный характер и объединяет целый ряд исследований, посвященных изучению языка средств массовой информации. В отечественной лингвистике данный термин в, 2000 году первой применила профессор Т.Г. Добросклонская в своей диссертации «Теории и методы медиалингвистики».

Медиалингвистика – это наука о речевой деятельности в медиа, в широком смысле понимающаяся как совокупность всех научных дисциплин, изучающих массовую коммуникацию (Дускаева, 2018б). Предметом медиалингвистики является функционирование языка средств массовой коммуникации и текст как фактурная реализация языка СМИ (Петрова, 2013).

Составными частями медиалингвистики являются четыре вектора анализа медиаречи:

- 1) грамматика медиаречи или «медиаязыкознание» (Шмелева, 2012б);
- 2) медиастилистика;
- 3) медиалингводискурсология;
- 4) критика медиаречи.

Как отмечают исследователи, несмотря на то, что терминологический аппарат достаточно нового направления языкознания – медиалингвистики –

все еще находится на этапе становления, можно выделить ряд устоявшихся терминов, применяющихся для описания функционирования языка СМИ: медиатекст, медиадискурс, медиаречь, медиаландшафт, лингво-медийные признаки и характеристики, лингвомедийные технологии воздействия и т. д. Центральными теоретическими понятиями в медиалингвистике являются «медиатекст» и «медиадискурс».

1.3.1. Определение медиадискурса

Прежде всего следует рассмотреть понятие медиадискурса, которое является производным от понятия «дискурс». Медиадискурс – это объект медиалингвистики, который изучается в различных структурных проявлениях: от связанных на тех или иных основаниях высказываний до цельных текстов и совокупностей текстов; тип институционального дискурса, объективирующего в медиаречи журналистскую, рекламную и PR-деятельности, ориентированные на массовое воздействие через передачу информации (Дускаева, 2018а).

В результате проведенного анализа существующих на сегодняшний день концепций и толкований термина «дискурс», предлагается понимать дискурс как связанный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) (Арутюнова, 1990).

Дискурсивная практика, понимаемая как совокупность развивающихся дискурсов – это яркое свидетельство постоянного процесса обновления языка и речи. Сегодня невозможно представить себе язык, речь и дискурс как отдельные, замкнутые в себе системы, и поэтому они воспринимаются как целое триединство.

Рассматривая медиадискурс как производное от понятия «дискурс», придерживаемся точки зрения Т.Г. Добросклонской, которая утверждает, что

«медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» (Добросклонская, 2013). Медиатекст является дискретной единицей медиадискурса. Давая определения тексту, медиатексту и медиадискурсу, Т.Г. Добросклонская отмечает, что текст – это сообщение, медиатекст – это сообщение плюс канал, а медиадискурс – это сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации (Добросклонская, 2008).

Таким образом, мы выяснили, что центральными теоретическими понятиями медиалингвистики являются «медиатекст» и «медиадискурс». Медиатекст, являясь производным понятием от «текста», обладает его характеристиками, но при этом он может быть использован в разнообразных медийных сферах: газета, радио, телевидение, Интернет, мобильная связь. Медиадискурс, в свою очередь, характеризуется экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами и реализуется в сфере массовой коммуникации.

В данной работе мы исходим из определения медиадискурса как «связного, вербального или невербального, устного или письменного текста в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженного средствами массовой коммуникации, взятого в событийном аспекте, представляющего собой действие, участвующего в социокультурном взаимодействии и отражающего механизм сознания коммуникантов» (Желтухина, 2016: 293).

В.И. Карасик отмечает, что медиадискурс (массово-информационный дискурс), являясь формой институционального дискурса, социально ориентирован и задает общение в границах социальных статусно-ролевых отношений (Карасик, 2004).

1.3.2. Медиатекст и его характеристики

Медиатекст является объектом изучения многих наук, в первую очередь, лингвистики, а также философии, социологии, культурологии. Таким образом,

возникает необходимость комплексного подхода к рассмотрению этой единицы, т. к. изучение медиатекстов представляет собой основу для формирования представления о том, как реальность конструируется и репрезентируется в СМИ. Исходя из этого, Т.Г. Добросклонская настаивает на том, что подобные исследования нужно объединить в особую дисциплину «медиалингвистику», которая предполагает системный научный подход к изучению языка СМИ, а также наличие основной категории анализа – медиатекста. Однако прежде, чем приступить к исследованию этих категорий, следует определить характеристики понятия «текст», чтобы установить взаимосвязь и соотношение данных терминов.

Медиатексты, как справедливо отмечает Л.И. Гришаева, создаются для того, чтобы привлечь внимание читателя к обсуждаемой тематике, заинтересовать читателя предлагаемой информацией, при помощи разнообразных средств воздействовать на восприятие реципиентом сообщаемой информации, акцентировать внимание реципиента на отдельных аспектах описываемой проблемы или на трактовке события, создавать / поддерживать определенный образ единичного и/или коллективного субъекта, о котором сообщается в публикации, а также поддерживать устойчивое внимание реципиента к изданию (Гришаева, 2014: 39). Таким образом, для достижения необходимого эффекта и решения поставленной цели медиатекст должен:

- иметь специфическую текстовую модальность, характеризоваться уникальным типом речевого контакта адресанта и адресата, особым типом автора;

- представлять собой неразрывную связь вербальных и медиахарактеристик;

- обладать рядом поэтических, риторических и стилистических особенностей (Сальникова, 2010: 159);

- охватывать широкую аудиторию;

- отличаться однонаправленностью процесса, безличным, анонимным общением с читателем;
- оказывать влияние на аудиторию, иметь манипулятивный характер;
- стремиться к стандартизации формы написания (McQuail, 2018).

Важно отметить, что благодаря происхождению слова «медиа» (от лат. ‘media’, ‘medium’ – средство, способ, посредник) медиатекстом можно называть всякого рода носители информации: книги, произведения искусства, современные средства технического прогресса и т. д. Тем не менее, в качестве обобщающего термина, медиатекст зафиксирован именно за текстами, функционирующими в сфере массовой коммуникации.

В настоящий момент термин «медиатекст» имеет статус базовой категории в новых направлениях лингвистической, журналистской, педагогической, философской наук – медиалингвистике, медиакритике, медиастилистике, медиакультуре, медиаобразовании (работы Т.Г. Добросклонской (Добросклонская, 2010), Н.Б. Кирилловой (Кириллова, 2011), Г.Я. Солганика (Солганик, 2005), Л.Р. Дускаевой (Дускаева, 2011), А.В. Федорова (Федоров, 2010), А.П. Короченского (Короченский, 2007), Н.В. Чичериной (Чичерина, 2007), Т.В. Шмелевой (Шмелева, 2012а) и др.). Более того, теория медиатекста претендует на отдельную нишу в рамках теории текста.

Термин «медиатекст» оказывается в центре междисциплинарных исследований, направленных на установление в нем универсального и специфического, типологического и уникального. С одной стороны, формирующаяся теория медиатекста основана на отечественных традициях изучения языка СМИ, лингвистики текста, публицистического стиля, представленных работами В.В. Виноградова (Виноградов, 2001), В.Г. Костомарова (Костомаров, 2015), Ю.В. Рождественского (Рождественский, 1979), Г.Я. Солганика (Солганик, 2005), А.Н. Васильевой (Васильева, 1982), Г.О. Винокура (Винокур, 2006), М.Н. Кожиной (Кожина, 1999), В.В. Одинцова (Одинцов, 2014), Д.Н. Шмелева (Шмелев, 2002),

Т.Г. Добросклонской (Добросклонская, 2010), А.А. Леонтьева (Леонтьев, 2006), Т.М. Дридзе (Дридзе, 1990), Ю.А. Бельчикова (Бельчиков, 2000), С.И. Бернштейна (Бернштейн, 1977), Я.Н. Засурского (Засурский, 2005), С.И. Тресковой (Трескова, 1989) и др. С другой стороны, с точки зрения функциональной стилистики и социолингвистики медиатексты изучали такие зарубежные ученые, как А. Белл (Bell, 1997), Т. ван Дейк (Dijk, 2014; ван Дейк 2015), М. Монтгомери (Montgomery, 2007), Н. Фейерклаф (Fairclough, 2015), Р. Фаулер (Fowler, 1991).

Теория медиатекста интегрирует лингвокультурологические, коммуникативно-прагматические, когнитивно-дискурсивные научные идеи, рассматривая медиатекст как сложный коммуникативный феномен. В центре внимания стоит понимание текстовой модели, которая основывается на структуре коммуникативного акта и связывает текст с внешним миром и природой текстов, и которая включает в себя обстоятельства и условия коммуникации, говорящего / слушающего (автора / адресата), кодовую организацию текста, цели коммуникации, процессы вербализации и понимания.

Понимая распространение информации в СМИ как дискурсивную деятельность, исследователи подчеркивают, что, в первую очередь, необходимо исходить из того, что СМИ являются средствами «разъяснения и популяризации, передачи особым образом обработанной, препарированной и переданной информации особому адресату с целью воздействия на него. В этом качестве дискурс СМИ отражает определенные структуры знания и оценок мира, ориентирующих адресата на определенное осмысление действительности и, главное, на последующие действия, поведение» (Кубрякова, Цурикова, 2008: 184).

Медиатекст можно рассматривать с разных точек зрения:

– как текст «в универсальном, классическом значении этого понятия» (Мисонжников, 2001: 93);

– как уникальный или особый тип текста – в отличие от текстов других сфер коммуникации (научных, художественных и др.);

– как совокупный продукт трех глобальных подсистем массовой коммуникации – тексты журналистики, рекламы и PR, каждый из которых имеет свои специфические характеристики.

Ведущими признаками медиатекстов можно считать:

– медийность (воплощение текста с помощью тех или иных медиасредств, его детерминация форматными и техническими возможностями канала);

– массовость (как в сфере создания, так и в сфере потребления медиапродуктов);

– семиотическую интегративность текста (объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов (вербальные, невербальные: использование фотографии, таблицы, графического / шрифтового оформления));

– открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях (массмедийная интертекстуальность, в широком понимании термина).

В сфере коммуникации понятие текста не совпадает с традиционным лингвистическим определением, т. к. текст масс-медиа выходит за пределы знаковой вербальной системы. Лингвистический энциклопедический словарь определяет текст, «как объединённую смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» (ЛЭС, 2002). По мнению Г.Я. Солганика, «текст – это сложная, иерархически организованная структура, представляющая собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершенностью» (Солганик, 2005). А. Белл отмечает: «Определение медиатекста выходит за рамки традиционного взгляда на текст как на последовательность слов, напечатанных или написанных на бумаге. Понятие медиатекста гораздо шире: оно включает голосовые качества, музыку и звуковые

эффекты, визуальные образы ...» (Bell, 1997). Эту точку зрения разделяет Т.Г. Добросклонская, считая медиатекст объемным многоуровневым явлением, в основе концепции которого лежит органичное сочетание единиц вербального и медийного ряда (Добросклонская, 2008).

С точки зрения Я.Н. Засурского, медиатекст – это «новый коммуникационный продукт», который может быть использован в разнообразных медийных сферах: газета, радио, телевидение, Интернет, мобильная связь (Засурский, 2005). По мнению И.В. Рогозиной, медиатекст является вербальным речевым произведением, цель которого – осуществление опосредованной коммуникации в сфере средств массовой информации и социальная регуляция. Для медиатекста характерно наличие социально-манипулятивной природы. В современном массмедийном поле медиатекст используется как «уникальное средство интерпретации и репрезентации реальности, а, следовательно, и формирования у индивида картины мира, дает возможность массмедиа влиять на сложные социальные процессы, тем самым предопределять видение мира реципиентом» (Рогозина, 2001).

Для медиалингвистики важны следующие особенности медиатекста:

- медиатекст является фрагментом медиакommunikации, языковые средства в котором обретают специфические признаки, раскрывающиеся как в парадигматических, так и в синтагматических связях с другими тестами;

- медиатекст является носителем разнородной информации, который создается в разных композиционно-речевых формах, с использованием текстовых техник разной семиотической природы: паратекстовых, метатекстовых, собственно вербальных;

- медиатекст представляет собой коммуникативное социальное действие, объективирующее разные формы профессиональной речевой активности в медиасреде, представляет собой единство медийно-содержательной и речевой стороны, создаваемое средствами разных тестовых категорий;

– медиатекст является коммуникативной единицей, оказывающей эффективное речевое воздействие, ориентированной на предшествующий коммуникативный опыт в этой среде и на последующее ее восприятие гипотетическим адресатом (Дускаева, 2018: 74–79).

Вслед за Т.Г. Добросклонской, выделяем следующие традиционные признаки медиатекста:

- 1) массовая направленность и при этом отсутствие непосредственного контакта;
- 2) привлечение первичных текстов, которые соответствуют широким запросам массовой аудитории;
- 3) целенаправленное создание единой позиции массы по ключевым вопросам и интеграция ее в мировую аудиторию СМИ;
- 4) всеобщая доступность информации посредством различных каналов;
- 5) непрерывное и стабильное получение информации (Добросклонская, 2008).

1.3.3. Подходы к типологии жанров медиатекстов

Существуют различные классификации медийных текстов, которые основываются на таких критериях как платформа существования медийного текста, метод его производства, функционально-жанровый аспект, тематическая направленность и др. По мнению Г.Я. Солганика, идеальной представляется такая типология медийных текстов, которая осуществлялась бы на основе единого релевантного критерия, но, имея ввиду комплексность и разнообразие исследуемых текстов, выявить такой критерий пока не удаётся (Солганик, 2005: 7–8).

1.3.3.1. Так, Х. Бургер предлагает классифицировать медийные тексты на следующие типы: журналистские тексты; фикциональные тексты; объявления (без рекламы); рекламные тексты; спонсорские тексты; адресованные тексты (Burger, 2014: 361–362).

Журналистские тексты составляют основное содержание печатных и электронных изданий и повествуют о явлениях реальной действительности.

Фикциональные тексты, по утверждению лингвиста, представляют собой тексты из фильмов и сериалов, в печатных изданиях данную интенцию реализуют комиксы, публикуемые частями литературные произведения и т. д.

Объявления чаще всего встречаются в газетах и под ними Х. Бургер подразумевает объявления частного характера (брачные объявления, объявления купли / продажи), которые адресованы узкому кругу лиц.

Рекламные тексты, напротив, адресованы общественности и, как следствие, характеризуются стилистической разноплановостью с целью повышения экспрессивности высказывания.

Спонсорские тексты содержат в себе явные ссылки на заказчика.

Адресованные тексты Х. Бургер рассматривает как самостоятельный тип лишь условно. Под ними понимаются такие тексты, которые являются реакцией, ответом или дополнением к журналистскому тексту.

1.3.3.2. В нашем исследовании мы уделяем внимание журналистскому тексту как подтипу медийного текста, так как именно на его материале можно проследить направленность печатного издания по отношению к событиям реальной действительности. Газета – это особый стиль, внутри которого выделяются жанры. «Под журналистскими жанрами подразумеваются устойчивые группы публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками» (Тертычный, 2010: 54). Для каждого жанра специфичны: композиция, язык, размер, форма изложения. Жанры журналистики различаются:

- по характеру предмета изображения, познания (непосредственные факты и события – в заметке, корреспонденции, отраженные – в интервью, рецензии);

- по конкретным рабочим функциям (информационной, объясняющей, оценивающей, побуждающей);

- по масштабу охвата действительности, обобщений и выводов;

- по характеру выразительно-изобразительных средств (литературного языка, стиля, образности).

Определяется жанр не по какому-нибудь одному из этих признаков, а по всей их совокупности. Некоторые жанры обладают общими чертами. В связи с этим их обычно подразделяют на три большие группы: информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры.

Информационные жанры – заметка, репортаж, отчет, интервью – отличаются оперативностью, наличием в материалах событийного повода, рассмотрением отдельного факта, явления. Тексты, относящиеся к информационным жанрам, в количественном отношении составляют основную часть массовых информационных потоков. В периодической печати, как и в СМИ в целом, такого рода тексты выступают основными носителями оперативной информации, позволяющей аудитории осуществлять своего рода постоянный мониторинг наиболее значимых, интересных событий в той или иной сфере действительности.

Аналитические жанры – корреспонденция, комментарий, статья, рецензия, обзор печати, письмо, обозрение – имеют более широкие временные границы, в них содержится изучение и анализ системы фактов, ситуаций, обобщения и выводы. Сегодня исследователи журналистики расширяют диапазон аналитических жанров, вводя в их число беседу, журналистское расследование, эксперимент, версию, консультацию, социологическое резюме, аналитический пресс-релиз, рейтинг.

Художественно-публицистические жанры – очерк, фельетон, памфлет – сочетают в себе понятийные и образно-выразительные средства, обладают большой эмоциональной силой, раскрывают типическое через индивидуальное. Эти жанры обычно относят к «авторской» или «писательской» журналистике, подчеркивая тем самым их особый характер. Проявляется он, прежде всего, в повышенной требовательности к языку, художественной образности, эмоциональной насыщенности текстов, глубине авторского обобщения действительности.

1.3.3.3. Несмотря на то, что на данный момент вопросы типологии медиатекстов остаются в лингвистике открытыми, специфические черты

текстов, функционирующих в массовой коммуникации, также можно объяснять через модели коммуникации, предложенные американским политологом Г. Лассуэллом (кто (автор) – что сообщает (текст) – по какому каналу (канал распространения) – кому (адресат) – с каким эффектом) и российско-американским лингвистом Р. Якобсоном (адресант, сообщение, адресат, контекст, контакт, код). Элементы моделей коммуникации в полном объеме совмещаются с функциями массмедийного продукта, предложенного в социологии журналистики, где адресант – «издатель», «журналист»; сообщение – «текст»; адресат – «аудитория»; контекст – «социальные институты», «действительность»; контакт – «канал»; код – «язык» и другие семиотические системы (Социология журналистики, 2004: 90; Степанов, 2004).

Ставя в основу выделения текстотипов данные модели коммуникации, понимающиеся как образец построения и восприятия аналогичных текстов, можно предложить следующие категории:

1. Канал распространения – печать, радио, телевидение, Интернет;
2. Институциональный тип текста: журналистский, рекламный, PR-текст;
3. Типологические характеристики СМИ;
4. Сообщение (текст) – функционально-жанровая классификация текстов;
5. Код (язык) – вербальные, невербальные, вербально-невербальные (поликодовые, креолизованные) типы текстов;
6. Адресант (автор, производитель текста) – социальный/частный, в соответствии с чем в текстовой ткани формируется авторская модальность (объективное или субъективное отношение к действительности);
7. Адресат (аудитория) – массовый/специализированный;
8. Тематическая доминанта текста, отражающая медиатопику и формирующая национальный медиаландшафт (Добросклонская, 2010).

Разумеется, перечень категорий может быть увеличен за счет других коммуникативных элементов и признаков и не является конечным. Так, в своей работе Г.С. Мельник типологизирует медиатексты со стороны их воздействия на аудиторию. Лингвист выделяет четыре вида медиатекстов в зависимости от того, оказывают ли они воздействие на массовую аудиторию; конкретный социальный институт / конкретного адресата; те, которые требуют непосредственной реакции (вмешательства в реальную действительность); те, которые вообще не предназначены для воздействия (информирующие, нейтральные) (Мельник, 1996: 136).

1.3.3.4. Медиатексты могут быть систематизированы с учетом внешних (экстралингвистических) и внутренних (лингвоментальных) факторов. Данный подход использован, в частности, И.В. Рогозиной, которая предполагает выделение следующих разновидностей медиатекстов, отражающих типичную организацию их содержания: новостные, аналитические, критические, политико-публицистические и др. (Рогозина, 2003).

1.3.3.5. Медиатексты могут быть типологизированы и по таким признакам, как: обратная связь, которая учитывает эффективность коммуникации (коммуникативно успешные / неуспешные тексты); контакт (дистантная / интерактивная коммуникация); формы создания и распространения информации (устные / письменные тексты и их варианты), официальность / неофициальность общения и др. (Добросклонская, 2010: 55; Чернявская, 2009).

По нашему мнению, предложенные Т.Г. Добросклонской восемь параметров, учитывающие форматные, жанровые, институциональные, технические, коммуникативные, идеологические, содержательные особенности медиатекстов, позволяют распределять медиатексты в более широком масштабе.

1.3.3.6. При рассмотрении медиатекста как нового вида текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях,

встает вопрос об определении стилевого статуса языка массовой коммуникации, описание его с точки зрения функционально-стилевых особенностей.

Действительно, массовая коммуникация – это социально значимая сфера общественно-речевой практики. Особенности речеупотребления в этой социально значимой сфере обусловлены типичными особенностями самой массовой коммуникации, к которым в первую очередь относятся коллективный, коллегиальный характер производства текстов и направленность медиатекста на огромную аудиторию.

С одной стороны, язык СМИ обладает определенным единством, целостностью, что обусловлено особенностями речеупотребления в сфере массовой коммуникации, заданностью форм, устойчивой тематической структурой, а с другой – язык СМИ характеризуется достаточной степенью функционально-стилевой разнородности, что отражает универсальность тематики, открытость и подвижность медиатекста в смысле его взаимодействия со всеми прочими сферами речеупотребления.

Именно эта двойственность: конструктивное единство и функционально-стилистическое разнообразие и составляют важнейшую особенность языка массовой информации вообще, которая позволяет определить его как особый вид функционально-стилевых единств.

Вопрос об определении стилевого статуса языка массовой коммуникации имеет две стороны: 1) язык массовой коммуникации как самостоятельное стилеобразование в системе прочих, уже сложившихся функциональных стилей; 2) критерии внутренней функционально-стилевой дифференциации языка массмедиа.

Тем не менее, исследователи отмечают недостаточную разработанность проблем, связанных с внутренней функционально-стилевой дифференциацией языка массовой коммуникации. Это объясняется прежде всего тем, что язык массовой информации стилистически неоднороден, синкретичен в плане использования устной и письменной форм речи, характеризуется

взаимопроникновением стилей и их разновидностей, размытостью стилиевых границ. До сих пор нет достаточно полного системного описания языка массовой информации с точки зрения его внутренней функционально-стилевой дифференциации, хотя в этом направлении сделано многое, особенно в области изучения языка газеты. Газетные тексты и их функционально-стилистические особенности подробно рассматриваются в работах В.Г. Костомарова (Костомаров, 2015), А.Н. Васильевой (Васильева, 1982), И.П. Лысаковой (Лысакова, 2005), О.А. Лаптевой (Лаптева, 2007), Г.Я. Солганика (Солганик, 2005).

1.3.3.7. Для стилистического изучения медиатекста в его интегративной природе перспективно применение семиотических методик, в которых текст предстает как осмысленная последовательность любых знаков. Продуктивность такого подхода продемонстрирована при анализе Интернет-коммуникации (Дедова, 2006). Конечно, как методологические здесь могут быть использованы идеи семиотической стилистики М.Ю. Лотмана. В ряде работ намечаются подходы к разработке стилистического анализа креолизованного текста. Так, например, В.В. Варченко показывает, как визуальные компоненты – фотография, карикатура и шарж – дополняют и усиливают стилистический эффект подписей к ним, что, безусловно, приумножает воздействие газетного медиатекста (Варченко, 2012: 7). Е.С. Кара-Мурза, учитывая полисемиотичность рекламного текста, создаваемого средствами визуальной, звуковой семиотик, применяет такой подход к изучению стилистики рекламного текста. Лингвосемиотический подход позволяет анализировать совокупность разноприродных ресурсов означивания как единый язык, объединяя вербалику и невербалику (Кара-Мурза, 2007). Попытка исследования типичных для медийной сферы общения смысловых оттенков у медийных добавок, дополняющих типовую смысловую структуру газеты, представлена в статье Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой (Дускаева, Цветова, 2011). Думается, что продолжение исследований в этом направлении весьма перспективно.

1.3.3.8. В отечественной журналистике выделяются следующие группы медиажанров: информационные (заметка, новостное сообщение, репортаж, интервью), аналитические (комментарий, статья, обозрение) и художественно-публицистические (очерк, фельетон, памфлет, тематическая статья) (Темникова, 2016: 1000). Англоязычные ресурсы характеризуются несколько отличным жанровым делением на информационные (News Stories, Feature Articles) и информационно-аналитические (Opinion, Editorials) (Цыбикова, 2015: 108). Новостные жанры, в свою очередь, подразделяются на суб-жанры, такие как *news report*, *news interview*, *news headline* (Montgomery, 2007: 25-26).

Поскольку лингвистами отмечается отсутствие в отечественной журналистской практике абсолютных эквивалентов таким понятиям, как *news report*, *feature article*, *quality press*, *popular press*, для достоверности понятий, в настоящем исследовании мы используем англоязычные термины.

1.4. Особенности медиатекстов жанра *news report*

В многочисленных текстах, которые ежедневно производятся и распространяются СМИ, выделяются новость, информационная аналитика, реклама и публицистический текст, обладающие набором определенных характерных признаков. При этом *news reports* (новостные сообщения) считаются базовыми текстами медиадискурса. Это определено тем, что *news reports* наиболее полно реализуют одну из главных функций массовой коммуникации – информативную, также в таких видах СМИ, как печатные СМИ, радио или телевидение, *news reports* обладают определенным форматом, т. е. соотношением формальных признаков текста и компонентов его содержания. Более того, на уровне семантики *news reports* характеризуются устойчивой макро- и микроструктурой, естественным образом отражающий тематическую организацию информационного потока. Также стоит заметить, что *news reports* являются важнейшей частью культурно-идеологического контекста, являющегося результатом речевой деятельности того или иного говорящего коллектива. При этом англоязычные новостные тексты, в силу

чрезвычайно высокой распространенности английского языка в современном мире и того огромного влияния, которое оказывают англоязычные СМИ на организацию информационного потока сегодня, занимают особое место в формировании современной языковой картины мира.

Новостное сообщение – «рассказ о событии, начиная от самого важного в нем и заканчивая наименее важным» (Колесниченко, 2008: 8). Необходимо обратить внимание на тот факт, что данный рассказ опирается на особую композиционную структуру, «перевернутую пирамиду», в рамках которой читателям предоставляются ответы на 6 вопросов, выработанных в журналистской практике (Who? What? Where? When? Why? How?). Кроме того, новостной медиатекст должен отличаться четким и читабельным расположением, поэтому текст обычно делится на несколько колонок, для разных композиционных частей (заголовков, подзаголовков, основной текст) применяются разные размеры шрифта. Также новостное сообщение обычно сопровождается привлекающей внимание, броской фотографией.

Следует отметить, что главной функцией новостных сообщений является предоставление фактической, объективной информации о недавно произошедшем событии. Исходя из этого положения, автор новостных сообщений должен выступать в роли непредвзятого наблюдателя, который исключительно информирует читателя, не давая оценки и не комментируя произошедшее. Однако, по мнению А.А. Негрышева, новостные медиатексты также могут быть манипулятивными по своей природе, поскольку они воздействуют на читателя, «направляя определенным образом процесс осмысления действительности» (Негрышев, 2012).

Каждая новостная статья, как и любое сообщение, для достижения максимального эффекта воздействия должна иметь четкую форму (суперструктуру), которая представляет собой набор характерных категорий и правил или стратегий, определяющих порядок следования этих категорий. Имея четкую суперструктуру как основной шаблон, журналисты стараются искать информацию, которая соответствовала бы категориям данной суперструктуры,

что в значительной степени облегчает сам процесс производства текстов. Некоторые категории являются обязательными (например, категория краткого содержания), остальные – опциональными, что определяется принципом релевантности.

Таким образом, самая распространенная нарративная суперструктура новостного медиатекста, представленная ван Дейком, включает следующие категории:

- краткое содержание (заголовок и вводка; расположены в самом начале статьи; содержат самую важную информацию);
- обстановку (дает характеристику места, времени, обстоятельств и главных действующих лиц);
- направленность (общая установка на реализацию определенного результата посредством данного текста);
- осложнение (включает характеристику основных «катастрофических» событий);
- развязку (включает описание действий, предпринятых для преодоления препятствий, возникающих в результате описываемых событий);
- оценку (выражается на различных стадиях развития повествования; передает мнение рассказчика о событиях и тех чувствах, которые они вызывают);
- коду (связывает взаимозависимые события прошлого с реальным контекстом истории; осуществляется путем формулирования выводов; выражает намерения относительно будущих действий или рекомендации слушателям) (Дейк, 2015).

В современном мире повышенное внимание уделяется новостным сообщениям, распространяемым через Интернет, т. е. гипертекстам, сочетающим в себе все признаки «сетевого» текста (текста, производимого и функционирующего в компьютерной «сети») с формально-содержательными особенностями печатных медиатекстов.

Проанализировав основные характеристики текстов жанра *news reports* в системе медиадискурса, можно сделать вывод, что существует ряд правил организации новостных материалов. Эти правила относятся к композиционной и языковой специфике построения этого материала, что обусловлено психологическими особенностями человеческого восприятия и памяти. Тексты новостей, как базовый тип текста медиадискурса, реализуют одну из главных функций массовой коммуникации – информативную – и обладают определенным форматом, т. е. соотношением формальных признаков текста и компонентов его содержания.

1.5. Особенности медиатекстов жанра *feature article*

Интересным представляется отметить тот, факт, что в англоязычной журналистской практике понятие *feature article* является частичным эквивалентом понятия «очерк». В настоящем исследовании для достоверности за основу берем именно англоязычный термин: «a newspaper or magazine article or a broadcast programme devoted to the treatment of a particular topic, typically at length» (ODEDT). Из приведенного определения понимаем, что главной особенностью текстов *feature* является детальное описание какой-либо темы. В словаре Курьянова *feature article* переводится как «занимательная статья, занимательный очерк, газетная или журнальная рубрика» (Курьянов, 1993: 109).

Как отмечает Т.Г. Добросклонская, *feature articles*, в отличие от новостных сообщений не только объективно освещают фактологическую сторону произошедшего события, но также «делают акцент на факторе человеческого интереса, на индивидуально-авторском видении той или иной темы» (Добросклонская, 2010: 143). Другими словами, в данном типе медиатекстов присутствует анализ фактов и ситуаций, обобщения и выводы, кроме того, *feature articles* отличаются от новостных сообщений более широкими временными границами (Гедгафова, 2015: 14-17). Однако, в журналистских текстах анализируемой группы также важна своевременность

подачи материала. Это единственный общий момент, который связывает новостные сообщения с медиатекстами жанра *feature article* (Hodgson, 1984: 31).

О.В. Казиминова считает, что медиатекст жанра *feature article* «представляет собой наиболее сложную в содержательном плане жанровую форму, которая предполагает одновременно информирование, анализ, обобщение; очерк как никакой другой жанр публицистики отличается крайней степенью эксплицированности личностного фактора» (Казиминова, 2017).

Отличие *feature article* от прочих видов текстов массовой информации подчеркивается также тем, что *feature articles* в англоязычных газетах обычно публикуются на специально отведенных страницах в разделе, который называется *Features*. В этом разделе можно встретить самые разнообразные тексты: от краткой заметки, отражающей актуальную проблематику, до развернутого очерка, посвященного конкретной проблеме или персоне.

Исследователь В.Ю. Голубев называет *features* авторскими статьями, направленными «на то, чтобы вызвать интерес читателей к чему-либо, автор статьи может попытаться осветить в ней сложную проблему или отстоять точку зрения» (Голубев, 2001: 50-51). Ярко выраженная позиция автора, наличие оригинальной интерпретации, образность языка – все это обязательные элементы *feature*, в подобных материалах у журналиста, больше свободы в выборе методик написания и интерпретации события. Автор вправе создавать свою историю такими средствами, которые, по его мнению, помогут раскрыть тему глубже и расставить правильно акценты. Чтобы приблизить читателя к герою или описываемому явлению, используется прием «*human touch*» – акцентирование внимание на эмоциональной стороне материала. Суть приема в том, чтобы интерпретировать событие через восприятие самого автора (Ефимова, 2012).

В ходе анализа было установлено, что медиатексты группы *feature* по своей структуре, в отличие от новостных сообщений, строящихся по принципу «перевернутой пирамиды» (*inverted pyramid*), напоминают «песочные часы»

(hourglass structure). Соответственно, их композицию можно представить следующим образом: the top (вводная часть – лид и «nut graph») – the turn (переход к деталям сообщения) – the narrative (изложение события детально) (Scanlan, 2003; What is a nut graph).

Еще одним вариантом композиционной структуры текстов группы *feature* является вариант, предложенный Уильямом Бланделом: лид – вводный параграф (т. н. nut graph) – основная часть – окончание (Blundell)

Анализ подходов к структуре медиатекстов жанра *feature* показывает, что различные исследователи ориентируются на принцип «песочных часов», который можно описать следующим образом: вводная часть публикации (*the top*) состоит из так называемых «лид» и «nut graph», затем автор переходит к постепенному изложению событий (*the turn*) и непосредственно повествованию (*the narrative*), которое включает в себя основную часть (*the body*) и окончание (*the ending*), представляющее собой выводы автора.

В ходе исследования были выявлены основные виды *feature*-текстов исходя из цели публикации:

1. Профайл (*profile*). В Oxford Advanced Learner's Dictionary существительное *a profile* трактуется как «... описание кого-либо в газетной публикации» (Hornby, 2010: 1212). В основном героями профайлов становятся знаменитости либо личности, хорошо разбирающиеся в своем деле. К этим же текстам можно отнести так называемые «human interest stories» – истории о жизни обычных людей, их профессии, деле и пр.

2. Материалы рекомендательного характера. Тематика публикаций также может быть разнообразна: от проблемы возникновения заболеваний, связанных с использованием устройств, имитирующих виртуальную реальность до практических советов выпечки хлеба.

3. Анализ современных тенденций в различных сферах жизни, начиная с фэшн-индустрии, заканчивая высокими технологиями.

4. Анализ текущих событий/проблем. Здесь вполне могут освещаться вопросы, относящиеся ко всему мировому сообществу – от политики до остросоциальных проблем.

Как показал анализ медиатекстов жанра *feature article*, основными их функциями выступают информативная, аналитическая, развлекательная, рекомендательная и дескриптивная. Основная цель всех медиатекстов жанра *feature* – эмоциональное вовлечение читателя, поэтому структурирование большинства *features* осуществляется исходя из принципа «песочных часов». В ходе анализа отмечается, что особенность этой структуры состоит в том, что в начале текста автор публикации стремится заинтересовать читателя не только с помощью заголовка, но также лида и вводного параграфа «nut graph», переходя затем к основной части повествования, обязательно завершая публикацию ярким выводом.

Выводы по первой главе

1. Характер современных отечественных и зарубежных исследований в области аксиологии свидетельствует о разработанности методологической основы и терминологического аппарата изучения категории оценки. Анализ теоретических источников по проблеме исследования демонстрирует междисциплинарность феномена оценки, включенность категории оценки в активно развивающиеся современные антропоцентрические направления лингвистики.

2. Анализ определений понятия оценки и ее классификации позволяют говорить о различных подходах к изучению оценки. В широком смысле оценка определяется как информация, которая выражает ценностное отношение субъекта к свойствам объекта. При этом необходимо отметить, что инвариантными компонентами логической структуры оценки являются субъект, объект, характер и ее основание. В данном исследовании представляется целесообразным придерживаться многоаспектной классификации оценки, охватывающей такие критерии, как аксиологическая

интерпретация (положительная или отрицательная оценка), наличие эмотивного компонента (рациональная или эмоциональная оценка), соотношение объективного и субъективного факторов (объективная или субъективная оценка), способ оценивания (абсолютная или сравнительная оценка) и влияние контекста (ингерентная или адгерентная оценка). Лингвистический аспект категории оценки составляет совокупность способов и средств ее выражения, которые обнаруживаются на всех уровнях языка.

3. Медиалингвистика носит междисциплинарный характер и объединяет целый ряд исследований, посвященных изучению языка средств массовой информации. В современных условиях СМИ используется в качестве средства ведения информационной войны, «оружия», эффективность которого определяется поставленными целью и задачами. Общественное мнение является мишенью, виды СМИ являются средствами доставки, а информационная повестка – «бомбой». Воздействие этого инструмента ведения войны реализуется с помощью оценочных стратегий и тактик влияния на аудиторию. Ключевыми понятиями медиалингвистики являются «медиадискурс» и «медiateкст». Реализуясь в сфере массовой коммуникации и характеризуясь экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами, медиадискурс инкорпорирует медiateкст как дискретную единицу, как продукт речевой деятельности в сфере массовой коммуникации, транслируемый через один из медийных каналов, как объемное многоуровневое явление, в основе концепции которого лежит органичное сочетание единиц вербального и медийного ряда. Являясь сложным коммуникативным феноменом, медiateкст выходит за пределы знаковой вербальной системы и обладает такими характеристиками, как медийность, массовость, поликодовость, интертекстуальность.

4. Подходы к типологии жанров медiateкстов основаны на разных критериях классификации. Несмотря на то, что вопросы типологии медiateкстов

остаются в лингвистике открытыми, большинство подходов к их классификации основываются на различных коммуникативных элементах, признаках, моделях, которые понимаются как образец построения и восприятия аналогичных текстов. Наиболее последовательной представляется типология медиатекстов Т.Г. Добросклонской, в которой учитываются следующие параметры: канал распространения, институциональный тип текста, типологические характеристики СМИ, сообщение (текст), код (язык), адресант (автор, производитель текста), адресат (аудитория), тематическая доминанта текста. В англоязычном медиадискурсе медиатексты делятся на информационные и информационно-аналитические.

5. Медиатексты жанров *news report* и *feature article* являются наиболее популярными у массовой аудитории, публикуются изданиями разного типа и могут реализовывать как информационную, так и оценочную функции, влияя на общественное мнение в различных сферах общества.

5.1. Медиатексты жанра *news reports* представляют важнейшую часть культурно-идеологического контекста, являющегося результатом речевой деятельности лингвокультурного сообщества. В связи с огромным влиянием англоязычных СМИ на организацию современного информационного потока, англоязычные новостные тексты занимают особое место в формировании современной языковой картины мира. Характеризуясь устойчивой макро- и микроструктурой, естественным образом отражая тематическую организацию информационного потока и обладая определенным форматом (соотношением формальных признаков текста и компонентов его содержания), медиатексты жанра *news reports* наиболее полно реализуют информативную функцию.

5.2. В англоязычной журналистской практике понятие *feature article* является частичным эквивалентом понятия «очерк» или «тематическая статья». Данный тип медиатекста представляет собой наиболее сложную в содержательном плане жанровую форму, которая предполагает одновременно информирование, анализ, обобщение и отличается высокой степенью эксплицированности личностного фактора. В отличие от новостных сообщений

медиатексты этого жанра не только объективно освещают фактологическую сторону произошедшего события, но и реализуют индивидуально-авторское видение темы. *Feature articles* содержат анализ фактов и ситуаций, обобщения и выводы и отличаются от новостных сообщений более широкими временными границами. Сходство жанра *news report* с медиатекстами жанра *feature article* проявляется в своевременности подачи материала. Функциями медиатекстов жанра *feature article* являются: информативная, аналитическая, развлекательная, рекомендательная и дескриптивная. Основные функции – информативная и функция воздействия на читателя – реализуются с помощью разнообразной палитры языковых средств, многие из которых часто выполняют манипулятивную функцию.

Основные положения данной главы отражены в публикациях (Гордиенко, 2018а; 2018б; 2018д; 2019а; 2020а; 2020в; 2020д).

Глава вторая

МЕТОДИКА АНАЛИЗА АКТУАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ В ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В МЕДИАТЕКСТАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ КОНФЛИКТАМ

В главе представлены различные подходы к изучению конфликта и его классификации, установлено значение конфликтной ситуации в реализации лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой», сформулированы критерии отбора языкового материала, описана методика его анализа.

2.1. Понятие конфликта

Конфликт является яркой и неизбежной формой проявления природы человека и его отношений с окружающим миром, поэтому невозможно полноценно изучать понятие «конфликт» в отрыве от человека, его языка. Конфликт изначально антропоцентричен: он рождает, движим и разрешаем человеком (Бараева, 2009).

Конфликт как социально-психологическое явление понимается в значении «столкновения противоположных интересов, острого противоречия, серьезного разногласия, которое находит выход в действиях, в том числе речевых. Конфликт составляет неотъемлемую часть личных и общественных отношений, которая не должна приветствоваться, как не должна и полностью отрицаться: полная бесконфликтность невозможна и вредна, как и повышенная конфликтность» (Матвеева, 2010: 160-161).

В словаре Shorter Oxford English Dictionary дается следующее определение понятия «конфликт»:

1. a fight, a battle, a (prolonged) struggle between opposing forces (lit. & fig.); fighting, strife; the clashing or variance of opposed principles, beliefs, etc.
2. collision (of physical bodies), dashing together (SOED, 2002).

В словаре Longman Dictionary of Contemporary English приводятся следующие определения понятия «конфликт»:

1. a state of disagreement or argument between people, groups, countries, etc.
2. fighting or a war: armed, military, violent
3. a situation in which you have to choose between two or more opposite needs, influences, etc. (LDCE, 2003).

Словарь Ожегова включает следующую словарную дефиницию конфликта – столкновение, серьезное разногласие (семейный, вооруженный) (Ожегов, 2018).

По мнению Н.В. Гришиной, под «конфликтом» в широком смысле понимается широкий круг явлений – от вооруженных противостояний до семейных разногласий, то есть в качестве конфликта могут выступать военные действия, семейные ссоры, политические неурядицы, межнациональная рознь, экономические проблемы и др. (Гришина, 2008: 15).

Согласно Тезаурусу Роже (Roget's Thesaurus), понятие конфликта в английском языке может реализовываться различными лексемами:

– *counteraction* ‘act against (something) in order to reduce its force or neutralize it’ (ODEDT), e.g. *Experts believe the cycle of punitive action and retaliatory counteraction is likely to continue, with each side seeing itself as the originally aggrieved party and duty-bound to respond in kind (US-China ties worst ...)*

– *discord* ‘disagreement between people’ (ODEDT), e.g. *Trump administration officials cite Cuba's constant pushing of anti-American propaganda into neighbouring South American territories as a wider issue and said President Trump is seeking to sow **discord** between both Cuba and Venezuela in an attempt to cause a ‘collapse of the regimes’ (US v Venezuela: Trump's plot to OUST Maduro ...)*

– *opposition* ‘resistance or dissent, expressed in action or argument’ (ODEDT), e.g. *France has reiterated its **opposition** to Britain being granted any further Brexit extension if it does not have a concrete plan with clear support in the House of Commons, saying that without that Britain must be deemed to have chosen to leave the EU without a deal (France maintains hardline stance on ...)*

– *enmity* ‘a state or feeling of active opposition or hostility’ (ODEDT), e. g. *Limited co-operation has taken place at the margins, but differing political traditions and old enmities mean a pact of the scale the Brexit Party has made with the Conservatives have not proved possible on the Remain side* (If we want to keep Britain inside the EU ...)

– *enemy* ‘a person who is actively opposed or hostile to someone or something, a hostile nation or its armed forces, especially in time of war’, e. g. *Russian military can use ‘psychic techniques to read the minds of enemy soldiers’* (Russian military can use ‘psychic techniques ...)

– *contention* ‘heated disagreement’ (ODEDT). Примечательно, что данная лексема используется при описании конфликта в области спорта.

Стоит отметить, что в зависимости от того, в чью пользу заангажировано издание, роль того или иного медиа-ресурса при освещении событий конфликта сводится к одной из двух целей:

- способствование развитию конфликта и его эскалация;
- смягчение и сдерживание конфликта.

Поэтому, список номинантов понятия конфликт чаще всего составляют следующие лексемы: *opponents*, *antagonist* ‘an opponent in any kind of contest or conflict’ = *antipathist*, *duelist*, *duellist* ‘1. a person engaged in a duel. 2. A person skilled at dueling’; *fighter*, *feudist* ‘a person who participates in a feud or other conflict’, etc. (Арустамян, 2009). Примерами имплементации вышеупомянутых лексем в контексте служат следующие отрывки медиатекстов:

– *Saudi Arabia has detained at least eight more people, including two U.S. citizens, who pressed for women’s rights in the highly conservative kingdom, deepening a crackdown on political opponents despite international criticism* (Saudi Arabia Detains More Activists...)

– *Colonel Mohamed Gnounou, a spokesman for pro-government forces, ...said operation "Volcano of Anger" was aimed at "purging all Libyan cities of aggressor and illegitimate forces", in reference to Haftar fighters* (Battle for Tripoli escalates as...).

– *When Megyn Kelly, who sealed her fame by clashing with Trump, left Fox in early 2017, Murdoch opted not to replace her with another Trump antagonist* (How Rupert Murdoch's empire of influence ...).

Понятие «конфликта» носит междисциплинарный характер и рассматривается в рамках таких дисциплин, как психология, социология, политология и т. д. (Анцупов, Шипилов, 2008; Дмитриев, 2003; Цветков, 2004; Elcheroth, 2017; Reychler, 2015).

Как правило, содержание понятия «конфликт» раскрывается через следующие значения: состояние открытой, часто затяжной борьбы; сражение или война; наивысшая степень противоречия в отношениях между людьми, идеями или интересами; столкновение противоположностей; психическая борьба, возникающая как результат одновременного функционирования взаимно исключающих импульсов, желаний или тенденций; противостояние характеров или сил в литературном или сценическом произведении, в особенности, главная оппозиция, на которой строится сюжет (Самошонков, 2004).

Современная политическая мысль предлагает множество классификаций международных конфликтов в основе каждой из них лежат критерии: природа и характер конфликта, политические цели, масштабы, применяемые средства, особенности доктрин участников. Наибольший интерес представляет политическое содержание конфликта. С этой позиции (Коваленко, Пирогов, Рыжов, 2002: 137) можно предложить следующую классификацию:

1) конфликты между государствами (их коалициями) разных социально-политических систем, целью которых является ослабление и уничтожение противоположной системы. Этот тип конфликта носит преимущественно идеологический характер;

2) конфликты между государствами (как одной, так и различных социально-политических систем) с целью политического и экономического господства в мире, в том или ином регионе;

3) межнациональные международные конфликты, имеющие своей целью национальное порабощение или национальное освобождение;

4) конфликты, основанные на территориальных противоречиях, с целью захвата чужих территорий или освобождение территорий, ранее захваченных противоборствующей стороной;

5) конфликты религиозных конфессий. Эти конфликты в большей мере присущи внутривнутриполитическим отношениям, однако немало их и среди международных конфликтов (Юсупов, 2005).

Классификацию межгосударственного конфликта можно провести по целому ряду оснований, к которым относятся: цивилизационно-культурологические особенности; причины возникновения конфликта; характер противоречий, лежащих в его основе; характер участников; интересы субъектов; пространственно-временные масштабы; применяемые средства; характер динамики развития; социально-психологические факторы конфликта; его длительность. Рассмотрим некоторые из них. Так, по характеру противоречий выделяются: экономические, политические, идеологические, социально-политические, этнические и религиозные конфликты, которые условно можно разбить на две группы: политические и неполитические. Кроме того, противоречия бывают объективными и субъективными (Кудояр, Хоменко, 2012).

В настоящем исследовании целесообразным представляется применить более широкий подход к рассматриваемому понятию, опирающийся в большей степени на тематический характер конфликтогенных противоречий.

В ходе анализа установлено, что в современном медиадискурсе важным условием описания конфликта является реализация лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой», поскольку именно данная дихотомия является своеобразным конфликтогеном (т. е. провоцирующим конфликт явлением), лежащим в основе конфликтов различного типа и масштаба. Отмечаем, что в эпоху так называемой «ответственной журналистики» (Воскресенская, 2012) репортеры зачастую стремятся создавать медиа события, отодвигая на второй план объективную и в той или иной степени нейтральную передачу фактов. Таким образом, для

достижения желаемого результата журналисты прибегают к оценочным суждениям, преувеличивая или преуменьшая описываемые события.

Как видно, несмотря на то, что конфликт пронизывает все сферы общественной жизни человека, его многоплановость ведет к множеству различных подходов. Поскольку настоящее исследование выполнено не в рамках конфликтологии, а носит скорее междисциплинарный характер, то целесообразным представляется придерживаться более широкого и обобщенного понятия «конфликта».

2.2. Оппозиция «свой-чужой» в медиатекстах, посвященных конфликту

2.2.1. В современных условиях перед мировым обществом стоят глобализационные и миграционные вызовы, в связи с чем проблема различия находится в фокусе различных научных дисциплин. Так, оппозиция «свой-чужой» рассматривается отечественными и зарубежными представителями различных областей гуманитарного знания, таких как философия, культурология, социология, этнопсихология, лингвистика и др. Это свидетельствует о том, что в современной научной парадигме оппозиция «свой-чужой» изучается с позиций разных теоретико-методологических подходов и рассматривается представителями различных областей гуманитарного знания: в рамках психологии (Dixon, Elcheroth, Kerr, Drury, Bzour, Subašić, Durrheim, Green, 2020), лингвистики (Bartmiński, 2007), литературоведения (Anfilova, Kucherenko, Mizitova, Pidporinova, Sediuk, 2020), журналистики (Davies, 2007), социологии (Crisp, Hewstone, 2007), политологии (Flint, 2016) и т. д.

Стоит отметить, что оппозиция «свой-чужой» в разных терминологиях обозначается по-разному: «мы-они», «Я-Другой», «свой-иной», в англоязычной интерпретации – «self vs. other», «us vs. them», «we-they», «own-stranger», «familiar-alien».

Прежде всего, мы считаем необходимым рассмотреть значение понятия «оппозиция». В словаре лингвистических терминов под редакцией

О.С. Ахмановой указано, что оппозиция равна по значению противопоставлению, а именно это «англ. *opposition*, различие двух (или более) однородных единиц языка, способное выполнять семиологическую функцию, т. е. быть семиологически релевантным» (Ахманова, 2007: 359).

С давних времен исследователи обращались к проблеме оппозиции как принципа организации мышления. Оппозиция является универсальным средством, в котором рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает определенное качество, а другое – отрицает. Таким образом, в основе оппозиций лежит принцип противоречия, одновременного взаимопроникновения и взаимоисключения противоположных сторон предметов и явлений.

Оппозиция «свой-чужой» выражается на разных уровнях функционирования общественных отношений, таким образом, имеет воплощение на всех уровнях языка, и является базовым понятием категоризации мышления. С одной стороны, данная оппозиция свойственна каждой отдельной культуре и проявляется в мышлении отдельных народов, переводя характеристики описания и познания мира отдельными индивидами в характеристику целых народов и культур. С другой стороны, рассматриваемая оппозиция характерна для общемирового мышления, так как с небольшими вариациями в вербализации находит своё воплощение в языке и культуре каждого народа, вытекая из базового представления человека о мире. Как пишет Ю.С. Степанов, «... эта сфера, «СВОИ» – «ЧУЖИЕ», как раз такая, где само противопоставление создаётся не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании» (Степанов, 2004: 127).

Представляется целесообразным отметить тот факт, что оппозиция «свой-чужой» рассматривается учеными с разных точек зрения в зависимости от исследовательской установки и целей исследования. А.А. Матвеева приходит к выводу о том, что данная дихотомия может быть представлена исследователями с точки зрения четырех ракурсов: архетипического, мифологического,

концептуального и категориального. В концепциях М.Н. Петроченко (Петроченко, 2006) и Е.Ю. Протасовой (Протасова, 2015) отношение «свой-чужой» – это категория. И.С. Выходцева (Выходцева, 2006), В.В. Жданова (Жданова, 2004), О.Н. Паршина (Паршина, 2005), М.Л. Петрова (Петрова, 2006) изучают искомую дихотомию как концепт. Для М.Н. Иванова (Иванов, 2004), Л.А. Сергеевой (Сергеева, 2003), О.А. Смоляк (Смоляк, 2004), А.В. Уразметовой (Уразметова, 2006) деление на «своих» и «чужих» представляет собой архетип. Ю.С. Степанов исследует диаду «свой-чужой» как концепт, возводя его при этом к архетипу (Степанов, 2004). В работе Е.В. Стояновой (Стойнова, 2018) противопоставление «свой-чужой» подвергается анализу в качестве мифологемы.

А.А. Матвеева в своем исследовании (Матвеева, 2012) делает вывод о том, что анализ оппозиции «свой-чужой» в качестве архетипа предполагает поиск и анализ изначальных, древних образов, лежащих в основе культурной константы «свой-чужой», анализ противопоставления «свой-чужой» в качестве мифологемы требует изучения диады «свой-чужой» в мифологическом пространстве, исследование оппозиции «свой-чужой» в качестве концепта предполагает анализ данной оппозиции как одного из «отдельных смыслов, связанных с означиванием выделяемых сегментов реального мира» (в этом случае происходит процесс концептуализации) (Шафиков, 2006: 18).

Поскольку в настоящей работе оппозиция «свой-чужой» рассматривается сквозь призму оценки, реализации поставленной цели способствует приданию ей категориального, представляющего собой максимально широкий и общий разряд, рубрику опыта, что связано с тем, что именно категория позволяет в полной мере раскрыть все грани её взаимодействия с категорией оценки (Матвеева, 2012).

Дихотомия «свой-чужой» представляет собой универсальную категорию, которая основывается на разделении общества на две противоположные группы: «мы» и «они» (Матвеева, 2013: 67). Отмечаем, что

данная оппозиция основывается на бинарности как принципе оценочной квалификации мира, что выражается в ее амбивалентной оценке (Храмова, 2010). Заслуживает внимания тот факт, что на современном этапе развития лингвистики ученые не могут прийти к единству мнений касательно онтологической сущности данной категории, которую различные лингвисты рассматривают как семантическую, понятийную, лингвокультурологическую категории, категориальный комплекс, концептуальную оппозицию и т. д. (Кишина, 2011: 174). В данной работе мы придерживаемся термина «лингвокультурологическая оппозиция».

Идея о существовании противоположных сущностей является одним из структурообразующих элементов человеческой картины мира. Принцип дуальности как когнитивный принцип мироустройства находит свое отражение в языковой системе при помощи целого комплекса средств выражения. В русле когнитивного подхода «свой» и «чужой» рассматриваются как формы многоаспектного знания о мире: в работах В.И. Карасика (Карасик, 2004), Ю.С. Степанова (Степанов, 2004), И.С. Выходцевой (Выходцева, 2006) данные понятия трактуются как единый многослойный концепт, Е.В. Кишина (Кишина, 2011), А.Ю. Скрыльникова (Скрыльникова, 2008) рассматривают их как категории, Л.И. Гришаева – как когнитивную рамку (Гришаева, 2014), в работах А.М. Нехорошевой названные понятия характеризуются как когнитивная матрица (Нехорошева, 2012). Однако для современной лингвистики, изучающей язык как важнейший канал взаимодействия человека с внешним миром, как средство «членения мира» и организации его восприятия человеком, вопрос об объеме содержания оппозиции «свой-чужой», несмотря на имеющееся количество работ в этой области, остается по-прежнему актуальным

В различных исследованиях феномен «свой-чужой» подвергается разным теоретико-методологическим подходам. «Свой-чужой» определяется как концепт, противопоставление, антиномия, противоположность, архетип, диспозиция, и естественно, оппозиция. В настоящей работе оппозиция

понимается как широкое понятие, которое выходит за рамки противопоставления или противоположности, она является условием развития, изменения, взаимовлияния ее сторон.

Следовательно, мы считаем нужным выделить феномен «свой-чужой» в различных сферах мышления и научной деятельности, охарактеризовать его проявления в выбранных нами областях, таких как философия, психология, лингвокультурология и лингвистика. Стоит заметить, что сами эти области науки в некоторой степени базируются на рассмотрении данной оппозиции, рассматривают понимание и осознание её человеком, а также способы воплощения этой оппозиции в разных областях знаковых систем культуры.

2.2.2. Анализируя подход к оппозиции «свой-чужой» в **философии**, следует отметить, что в ходе мышления человек склонен разделять мир на две категории, на «свое» и то, что к нему не относится, «чуждое». Цитируя Е.В. Хлыщеву «человеческому менталитету свойственно бинарное мышление» (Хлыщева, 2008: 49). Заметим, что существует некая закономерность разделения пространства по данной оппозиции, при отдалении от центра, возрастает противоречия между «своим» и «чужим». «Свой» прежде всего связан с общиной, границы этой категории определяет общественное родство, а «чужой» – это всё, что в какой-то мере отделяется от категории «своего», т. е. отдалается от центра.

В первобытном обществе аналогия «свой-чужой» была ярко выявлена. Под «своим» понимался человек, представитель человеческого рода, тогда как «чужой» определял всё остальное, позже эта оппозиция выделилась в «мы-они», когда под «мы» понимаются индивиды, входящие в состав определённой общины или рода, а под «они» – тоже люди, только не входящие в состав данной группы. На этой стадии в контрасте между понятиями «мы-они» воплощается вражда, чувство обособленности. Группе «они», а не отдельной личности, приписывалась ответственность за все беды, болезни и смерти, происходившие в племени. Таким образом, оппозиция «свой-чужой» в философском аспекте вытекает как из дуальности мышления, так и из

определяющего архаическое мышление «состояния собственного имени», характеризующего синкретизм мышления и заключающегося в интеграции действия с его носителем (Балясникова, 2003: 36).

Необходимо рассмотреть виды понимания «чуждости». Во-первых, «чужой» в контрасте со «своим» рассматривается как нечто интересное, недостижимое, сакральное. Тогда как «своё» находится близко и становится обычным, «чужое» влечёт неизведанностью. В этом смысле понятие «чуждости» – это что-то манящее, отпугивающее, страшное и трепетное. Во-вторых, чужое может восприниматься как нечто ничтожное, слабое, блеклое. По словам В.Г. Фельде «Этот процесс умельчения, ничтожения «чужого» имеет искусственную природу». То есть могут существовать противоположные системы понимания различий между своим и чужим (Фельде, 2015).

К проблеме связей и противоречивости оппозиции «свой/чужой» обращались философы Античности (Платон, Аристотель), философы Нового времени (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И.Г. Фихте), более всего данная проблема вызвала интерес в XX веке, когда проблема «чужого» вошла в философский дискурс. В рамках философии оппозиция «свой / чужой» приобрела немного иной вид, многие деятели разрабатывали проблему противопоставления Я – Другой, которая схожа с первой, и вытекает из неё. Оппозиция Я – Другой была выбрана темой диссертационных работ О.А. Блиновой (Блинова, 2009), А.А. Кирзюк (Кирзюк, 2009), Е.Е. Кудаковой (Кудакова, 2002) и других научных деятелей.

«Специфика философской дисциплины в том, что только в рамках всеобщего философского подхода может быть поставлен вопрос о ценностном, заинтересованном отношении человека к человеку и исследовано его значение» (Корчак, 2006: 6). В философском дискурсе феномен «свой» воплощается через во многих смыслах смежный ему феномен «чужой». В данном рассмотрении можно выделить похожую оппозицию, а именно Я – Другой, в которой Я является центром мышления, а Другой характеризуется

по принципу аналогии и смежности с понятием «Я», либо как понятие отличительной по каким-либо признакам, либо как понятие схожее. Субъектами оппозиции являются Я и Другой Я, отличный от своего Я. Причём своё Я познаётся через Другого, а границы Другого определяются своим Я. В этом понимание Другой – это то, что нельзя достичь, при достижении «чужого», оно теряет характеристики чуждости и становится «своим». «Современная философия урезает область своего до пределов своего Я, которые непрестанно сужаются, и расширяет область Другого, которая распространяется на весь мир положенный вне Я, при этом мир во всей своей сложности и многообразии превращается в не-Я, в противопоставление Я, в объект познания» (Федуленкова, 2005: 66).

Необходимо обозначить рамки (границы) Я-Другой в философии. Тогда как в остальных сферах культуры, таких как религии и политика, оппозиция «свой-чужой» имеет большое количество факторов определения рамок, в философии Другой четко противопоставляется Я, так как границы «чужого» уже, чем границы «Другого» за счёт того, что сужаются границы понятия Я в сравнении к понятием «свой». Оппозиция «Я – Другой» не тождественна оппозиции «свой – чужой» и не синонимична ей, но производна от нее в области сознания Я (Фельде, 2015: 51).

Философия, как наука, стремится к использованию более нейтральных понятий, что можно объяснить необходимостью объективирования истины. Поэтому предпочтительным является понятие «Другой», как более широкое определение рамок «чужого».

Опираясь на работы таких исследователей как В.Г. Фельде и Н.А. Бердяев можно отследить корни оппозиции «Я-Другой» в факте отказа человечества от сакрального, а именно, искоренения Бога из сферы человеческой жизни (Фельде, 2015; Бердяев, 2001). А.С. Корчак также пишет: «В Новое время Бог умер, власть и закон утратили божественное происхождение, а новые законы (Конституция) не могут найти себе основания, кроме религиозного» (Корчак, 2006: 36). Подобно законам, умирает и сфера

человеческого мышления, «чужой» не подходит новому времени, на его место становится «Другое», более широкое понятие. Бердяев объясняет обращение к «Другому» одиночеством человека в новых условиях. Преодолеть одиночество Я может только в кругу «Другого Я», соединяясь с ним. Таким образом, Другое становится не заменой Бога, а стремлением к нему, которое соединяет противоречия воедино. Познания себя происходит через призму познания Другого, и через взаимодействие с ним. В то же время, «Другое» перестаёт нести резко негативную оценку, а становится феноменом интересным, необычным, заслуживающим изучения и рассмотрения.

С философской точки зрения всё познание окружающего мира сводится к оппозиции Я – не Я, Другое. «Я-Другое» коррелирует с оппозицией «свое-чужое» таким образом: границы своего сужаются, и приобретают наименование Я, а границы «чужого» расширяются, и становятся «всем остальным», Другим.

2.2.3. В сфере **культурологии** тема «свойскости-чуждости» приобретает особую значимость, так как познание людьми других культур происходит через сравнение их со своей. С одной стороны, оппозиция «свой-чужой» определяется историко-культурологическим развитием, с другой стороны собственно культура изменяется под влиянием развития понимания данного феномена.

Данная оппозиция является одной из культурных констант и является значимой на протяжении тысячелетий. Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина отмечают, что «поначалу чужая культура и язык кажутся странными и малопонятными, что вызывает, в свою очередь, ощущение недоверия и настороженности к чужой культуре. С другой стороны, у реципиента может возникнуть любопытство, чувство интереса и приязнь к образам и способу существования чужой культуры» (Сорокин, Марковина, 1988: 7). Преимущественно столкновения с чужой культурой и языком являются объектом исследования в области противопоставления «свой-чужой».

Оппозиция «свой-чужой» непосредственно связана с процессом идентификации любой культуры. По данному вопросу существует множество разработок, общей схожестью которых остаётся широкий спектр определения данного вопроса и его многозначность. Исходя из работы Т.А. Фоминой, мы можем выделить несколько содержаний слова «идентификация». Во-первых, «идентификация» – это процесс отождествления себя с другим «чужим» объектом, при включении в это объединение отдельных эмоций, положений, и других черт «свойскости». Во-вторых, «идентификация» – это также процесс наделения другого объекта свойствами, попадающими в категорию «своего», придания ему своих чувств, эмоций, суждений. В-третьих, «идентификация» – это процесс постановки себя на место другого, попытка перенять свойства «чужого», перенесение себя в поле суждений и действия другого (Фомина, 2007).

Таким образом, становится понятно, что идентичность человека влияет непосредственным образом на формирование у него представлений о других людях, а, следовательно, и на зарождение в мышлении бинарной оппозиции «свой-чужой».

Исходя из суждений Дж.Г. Мида, главная особенность и характеристика фактора идентичности – это возможность человека ассоциировать и видеть себя через «другого». Исходя из терминологии Дж. Мида, в процессе существования в обществе личности необходимо взаимодействовать с «обобщенными другими», которые являются инструментом идентификации личности с группой. Роль «другого», указывает Мид, является основополагающей при формировании социального «Я», а также в поведении личности (Mead, 1938).

В своей работе Н.В. Палеева приводит идеи А. Шютца о группах «Мы» и «Они» в культурологическом аспекте (Палеева, 2006: 20), которая заключается в следующем: система человека состоит из двух пластов: своего «домашнего» и другого. Учёный рассматривает группы «Мы» и «Они» (т. е. «свои» и «чужие»), и акцентирует своё внимание на понимании людьми

областей и границ пространства. Так, всё, что входит в границу «домашней» группы человек может осмыслить и понять, а всё, что относится к другой группе остаётся для него чужим, при чём находясь в зоне группы «Мы» человека чувствует себя «своим», а в зоне группы «Они» у него возникают опасения и недоверия.

Схожей является концепция Г. Зиммеля, из которой следует, что образ «Другого» всегда отождествляется с чем-то инородным и направленным против «своего». Понятие «Чужой» становится враждебным, при чём такое понимание противопоставления «свойскости» – «чуждости» не является специфическим, а проявляется на всех уровнях при любых обстоятельствах (Палеева, 2006: 20).

Н.В. Палеева выделяет понятие Другого, которое является схожим, но не синонимичным понятию «чужого». Однако, в отличии от сферы философии, где категория Другого формируется вокруг углублённого (по сравнению с характером «своего») Я, в культурологии понятие о «себе» выстраивается вокруг ощущения «других» групп. То есть, категория «мы» всегда предстаёт лучше, правильнее, положительнее, чем категория «Другие» (Палеева, 2006: 20).

Несколько иной концепции «своего» и «чужого» придерживается исследователь В.Г. Лысенко, который полагает, что для всесторонней представленности этих феноменов необходимо их рассмотрение сквозь призму постепенного перехода от биологического к культурному (Лысенко, 2010: 95). В статье «Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии)» автор использует понятие «ксенология» относительно культурно и цивилизационно чужого внутри земного пространства и человеческого общества (Лысенко, 2009: 61). В исследовании представлены, 9 моделей, которые выстроены в такой последовательности – движение от биологического к культурному:

1. Этологическая, или низовая ксенофобская модель – биологически заложенное отношение к чужому как к угрозе для своей группы (племени, рода);

2. Мифологическая, фантастическая – модель чужого как аномалии по отношению к носителям нормы (своим): диковинные звери, люди, растения, привычки;

3. Модель антиподов – носители чужого являются противоположностью своих;

4. Модель рас – «чужие» принадлежат к иной, низшей расе;

5. Модель детского состояния: чужие культуры – наше детство, наше прошлое, это «мы» на более низкой стадии развития, в начале истории или в доисторические времена;

6. Модель «естественного состояния» противопоставляется цивилизованному;

7. Пессеистская модель – идеализация прошлого (различные теории золотого века);

8. Гетеротопическая модель – «чужие» – это другой топос, другой мир;

9. Универсалистская гуманистическая – «чужие» и «мы» одного рода, но принадлежим разным «видам» (Лысенко, 2009: 77).

В.Г. Лысенко считает, что основополагающими в формировании оппозиции «свой-чужой» являются этологическая, мифологическая модели и модель антиподов. Что касается этологической модели, этот стереотип поведения определяется биологически. В некоторых языках слово чужой является синонимом плохого, дурного, враждебного. Все отличия носителя чужого коннотируются исключительно негативно, к примеру, цвет кожи, одежда, манера поведения, язык. Чужой является воплощением угрозы: у него нет личности, нет истории, нет мира, откуда он пришел, нет национальности, культуры, есть только враждебная инаковость, ощущаемая на интуитивном уровне. Чужим не обязательно должен быть инородец, им может быть и член группы, который выбивается из общей массы по самым разным причинам,

начиная с какого-то телесного увечья (инвалидности), манеры одеваться, заканчивая образом мысли (Лысенко, 2010: 93).

Таким образом, принимая во внимание вышесказанное можно сделать вывод о том, что изучение оппозиции «свой-чужой» в сфере культурологии актуально в связи с тем, что культура какой-либо страны во многом определяет себя посредством взаимодействия с иными культурами, через сравнение с ценностями других культур. Оппозиция «свой-чужой» непосредственно связана с процессом идентификации любой культуры. Именно взаимоотношения с «чужим» напрямую влияют на формирование идентичности индивида.

Кроме того, необходимо отметить, что нецелесообразно говорить лишь о чисто культурологических исследованиях, поэтому исследователи склоняются к их полипарадигмальному рассмотрению. Так, анализ теоретического материала позволяет выделить несколько направлений исследования оппозиции «свой-чужой» в культурологическом плане, среди которых одним из приоритетных является культурно-лингвистическое.

2.2.4. В современной науке широко исследуется **лингвокультурологический** аспект проявления оппозиции «свой-чужой». На протяжении всего развития общества, люди подразделяли мир на группу своих (мы), и группу других или чужих (они). Как мы уже определили, основанием для деления выступала идентификация личности.

Исходя из принципа культурного релятивизма (Tilley, 2017), все культуры развиваются обособленными различными путями, которые зависят от ряда причин, таких как мироощущение, различия в мировосприятии, менталитете и мышлении. Соответственно, все культуры рассматриваются как существенно разные, и все культурные феномены должно рассматривать через призму восприятия соответствующей культуры. Кроме того, данный принцип подразумевает деление культурных феноменов на «свои» и «чужие», таким образом исчезает опасность суждения о «своей» культуре субъективно.

В своем словаре проблему «своего-чужого» затрагивает и Ю.С. Степанов. Во-первых, немаловажным в нашем исследовании является его заключение о том, что данная оппозиция создается не только объективными фактами, но и субъективными, зародившимися и отражающимися у нас в сознании. Кроме того, Степанов указывает на то, что противопоставление «свои» и «чужие» в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения (Степанов, 2004).

По мнению А.П. Садохина, существование различий, как и в равной степени противоречий между понятиями «свой» и «чужой» является важной причиной существования этносов как таковых, так как без данной оппозиции членение на этносы было бы несущественно и невозможно (Садохин, 2007: 87). В данном вопросе можно выделить основные факторы этничности: язык и языковое сознание, мышление, культурное развитие, характеристики исторического прошлого.

Из вышесказанного следует, что благодаря членению мира на «своё» и «чужое» происходит формирование системы мышления людей, другими словами, их «этническая картина мира». На этой же основе зарождаются и этнические противоречия, которые являются обязательным последствием столкновения групп «Мы» и «Они». Они оказывают непосредственное влияние на восприятие людьми других культур, и зарождение межэтносовых или межкультурных стереотипов и установок.

Итак, оппозиция «свой-чужой» является необходимой составляющей восприятия как своей культуры, так и культур других этносов. Характер данного противопоставления мотивирует проявления данного феномена в языковой среде и культурном восприятии.

Как было сказано выше, в данном исследовании мы рассматриваем оппозицию «свой-чужой» как лингвокультурологическую. Отсюда, можно сделать вывод, что исследование данной категории в лингвистической парадигме заключается в переплетении культурных и языковых феноменов.

2.2.5. В лингвистике парный концепт «свой-чужой» исследован довольно широко. Концепт «свой-чужой» характеризуется универсальностью, которая обусловлена её гносеологической значимостью, существенно влияющей на действия и поведение человека. Данная оппозиция лежит в основе любого сравнения или отождествления.

Понятия «свое-чужое» отражают специфическую логику, которая определяет носителей той или иной лингвокультуры. С.Г. Тер-Минасова пишет о том, как именно язык подсказал, что у англичан пламенная любовь к Родине получила выражение в нелюбви ко всему иностранному (Тер-Минасова, 2008).

«Свой» означает особенный, личный, собственный, значимый «сам собой», имеющий «собь» – существо. Следовательно, «чужой» относится к сфере безличного, не имеющего собственного лица, обособленного. Отсюда два типа восприятия концепта «чужой». Во-первых, «чужое» может отождествляться с чем-то опасным, отталкивать человека, в контрасте со «своим» быть страшным и дисгармоничным. Во-вторых, «чужое» также может притягивать, как нечто экзотическое, неизученное, новое, отличное от «своего».

Взаимодействие составляющих феномена «своё-чужое» может проходить по-разному: как восприятие «своего» через параметры «чужого»; и как отстранение от «своего» и придания личного «чужому».

Парадигма восприятия «свойскости» и «чуждости» в лингвистике тесно связана с системой философских, мифологических, этнографических и других взглядов. Так, все национальные культуры мира состоят из различных единиц этнокультурного («своего»), инокультурного («чужого») и общекультурного (интернационального) компонентов. Следовательно, вербализация феномена «свой-чужой» происходит в связи с воплощением межкультурных связей и их интеграцией в принимающую культуру, а также через восприятие своей «личной» культуры.

В связи с восприятием своей культуры и культур других народов формируются различные картины мира. Они складываются в различных

народностях в разные эпохи, и воплощают в себя мировоззрение и понятия мышления того или иного народа. Можно выделить языковую картину мира, которая складывается в сознании определённого языкового коллектива на протяжении его исторического развития, и отображает восприятие действительности людьми данной народности. Понятие языковой картины мира является важным при рассмотрении вопроса воплощения феномена «свой-чужой» в лингвистике, так как языковая картина мира как таковая несёт в себе способы воплощения мышления и накопившихся знаний определённых культур, в том числе понимание этой культур оппозиции между «своим» и «чужим».

«Чужое» и «другое» – это источники развития личности и культуры в целом. Современный человек живет в условиях поиска своей идентичности и постоянного взаимодействия с «чужими», что объясняется развитыми каналами коммуникации, активными миграционными потоками, большей доступностью туризма как в географическом, так и материальном плане (Милованова, 2014). При этом границы и отношения внутри человеческих общностей, будь то государства, этнические сообщества или религиозные меньшинства, постоянно получают новые определения, в связи с чем сложно дать четкую дефиницию понятия «чужой». Первое затруднение, на наш взгляд, вызвано семантической размытостью и многозначностью лексемы, второе – актуализацией в общественном языковом сознании таких соотносимых понятий, как «другой» и «иной». Полагаем, что в основе семантической характеристики лингвокультурных категорий «чужесть» – «другость» – «инаковость» лежит один и тот же аксиологический признак с разной степенью его проявления.

Ученые отмечают, что изначально «чужим» считали исключительно представителя другого этноса, носителя других культурных ценностей (Красных, 2003; Бессонова, 2015). Однако, как отмечает Н.С. Соловьева, в ходе развития социальных отношений, дихотомия «свой-чужой» начала переосмысляться через призму различных аспектов жизни человека. Так, на

современном этапе оппозицию «свой-чужой» можно рассматривать исходя из следующих параметров: кровно-родственные и семейные отношения (семья, род), этническая (нация, народ), языковая (язык, диалект), конфессиональная (религия, вера, секта) принадлежности, поведенческие проявления (принадлежность к какой-либо социальной группе) и т. д. (Соловьева, 2012: 388–389). Другими словами, понятие «чужого» многопланово – им может быть представитель другой нации, расы, исповедующий другую веру, придерживающийся других политических взглядов.

Как показывает анализ англоязычной лингвистической литературы, для наименования оппозиции «свой-чужой» зарубежными исследователями используются местоимения *we / they* (Dijk, 2014: 124). Как отмечает Т.В. Алиева, эти местоимения, обозначая границы «своих» и «чужих» и выявляя основания формирования оппозиции, становятся так называемыми маркерами «своего» и «чужого» (Алиева, 2017: 9).

Обратимся к значениям лексем, выражающих понятия *свой / own, чужой / alien / other*. Сопоставление значений показывает, что семантический объем понятия «свой», имеющего значения, 1) принадлежащий себе, имеющий отношение к себе; 2) собственный, составляющий чей-нибудь личное достояние; 3) своеобразный, свойственный только чему-нибудь одному; 4) родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью; 5) то, что принадлежит, свойственно или присуще кому / чему-нибудь (Ожегов, 2018: 725-726) в русском языке шире, чем английский *own* со значением ‘used with a possessive to emphasize that someone or something belongs or relates to the person mentioned’. Таким образом, основное значение лексем *свой / own* – ‘собственный, принадлежащий’ в русском и в английском языках в целом изоморфно.

Что касается реализации понятия «чужой», то в русском языке обнаруживаются следующие значения: 1) не свой, не собственный, принадлежащий другим; 2) не родной, не из своей семьи, посторонний; 3) далекий по духу, по взглядам (Ожегов, 2018: 822). В английской языковой

картине мира данное понятие может реализовываться лексемами *other* 'used to refer to a person or thing that is different or distinct from one already mentioned or known about; further; additional; that which is distinct from, different from, or opposite to something or oneself' и *alien* 'belonging to a foreign country; unfamiliar and disturbing or distasteful; supposedly from another world; extraterrestrial'. Интересным представляется тот факт, что одним из компонентов значения англ. *alien* является указание на пространство. Такое значение отсутствует в семантическом объеме рус. *чужой* и не может служить основанием для противопоставления *своему*.

Анализ лексических единиц *свой*, *чужой* в словарных статьях позволил выделить ключевые семантические компоненты, на основе которых строится оппозиция: (1) оба слова обозначают 'принадлежность'; (2) оба слова указывают на 'вид и образ действий' (*чужой* как своеобразный, непонятный; *свой* как привычный).

Важно отметить аксиологическую основу представленной оппозиции. Действия группы «своих» всегда рассматриваются как «правильные», «мирные», «дружеские». Однако действия их оппонентов ассоциируются с «неправильными», «плохими», «вражескими», что, в свою очередь, отражает сущность власти. Основными составляющими такого социального противопоставления являются: активный элемент (нападающий; лидер группы «своих»); объект агрессии (группа «чужих», «враг», отсутствующий («вынесенный за скобки» речевой ситуации) или реально представленный), и пассивный элемент (аудитория, массы, ведомые лидером) (Соловьев, 2006; Шмитт, 1992).

Вышеупомянутое противопоставление положительной и отрицательной оценки составляет одну из оценочных оппозиций, в контексте которых может описываться категория «свой-чужой». Выделяется следующая модель реализации категории «свой-чужой» в рамках оценочной оппозиции «положительное – отрицательное»: понятие «свой» предполагает позитивную оценку, понятие «чужой» предполагает негативную оценку; «свой»

соотносится с оценкой «хорошо», «чужой» – с оценкой «плохо»: «... в противопоставлении «своего» ... и «чужого» всё «своё» оценивается позитивно ... а всё «чужое» – негативно» (Жданова, 2004: 157-158). Л.А. Сергеева отмечает, что «в сфере оценки ... проявляются аксиологические архетипы, которые уже не осознаются носителями языка и которые можно обнаружить при изучении языковой картины мира», например, что «чужой» – плохо (Сергеева, 2003: 14). П.Н. Донец подчеркивает, что категория «чужого» имеет в своём составе аксиологический компонент «отталкивающее», «внушающее страх» и т. п. (Донец, 2004: 95, 99). Согласно В.В. Колесову, «свой» и «чужой» соотносимы с белым и чёрным. «Своё» всегда предстаёт в белом свете. «чужое» является неясным, поэтому и отмечается в сознании тёмной краской: «чужая душа – потёмки» (Колесов, 2000: 69).

А.А. Матвеева (Матвеева, 2012) также выделяет модели реализации категории «свой-чужой» в рамках противопоставления положительной и отрицательной оценки. с учетом всех возможных конфигураций, являющихся следствием сочетания таких структурных элементов как понятие «свой», понятие «чужой», понятие положительной оценки («хорошо»), понятие отрицательной оценки («плохо»):

1. «Своё» хорошо, «чужое» плохо.
2. «Чужое» хорошо, «своё» плохо.
3. И «своё», и «чужое» хорошо.
4. И «своё», и «чужое» плохо.
5. И «своё», и «чужое» обладают и хорошими, и плохими чертами.

В настоящем исследовании на основе подхода А.А. Матвеевой представлены логические конфигурационные модели аксиологического взаимодействия «своего» и «чужого» с целью дальнейшей проверки возможности их реализации в медиатекстах жанров *news report* и *feature article* англоязычного дискурса, посвященных конфликтам.

2.3. Метод квантового декодирования оценочных смыслов в медийном тексте

Изучая текст, первоначально нужно учитывать, что между адресатом и адресантом существует язык посредник, этот «язык в тексте является кодом текста» (Румига, 2014: 73). Расшифровка смысла получаемой информации является решающим аспектом успешной лингвистической коммуникации, хотя коммуникативный процесс не заканчивается на обработке структурных особенностей и декодирования информации. Как отмечают исследователи, любой текст создается для объективации автором своей мысли, воплощения его творческого замысла, передачи знаний и представлений о мире, для передачи этих представлений за пределы авторского сознания (Бабенко, Казарин, 2006).

В настоящем исследовании мы опираемся на концепцию И.В. Арнольд – так называемую стилистику декодирования, в рамках которой текст рассматривается «не только и не сколько как передатчик замысла его создателя, сколько прежде всего, как источник информации для читателя, как возбудитель его мыслей и чувств» (Арнольд, 1988: 23). Стилистика декодирования предлагает читателю общие принципы работы с текстом и использования его кодов, предупреждая произвольность интерпретации и обеспечивая адекватность трактовки. Это особенно важно, поскольку в современный период информационных войн и попыток манипулирования мнением аудитории, читателю необходимо не только получать объективную информацию о тех или иных событиях, но и быть способным правильно и адекватно ее воспринимать и интерпретировать.

Для извлечения импликаций, скрытых автором в тексте, эффективным методом можно считать так называемое «квантование» (Арнольд, 1988) информации, заключающееся в замене непрерывного континуума текста комплексом «дискретных значений, квантов, отсчитанных через определенные интервалы» (Арнольд, 1988: 20).

В.Ю. Клейменова отмечает, что для понимания скрытых смыслов / импликаций текста, читатель должен обязательно опираться на информацию об экстралингвистической ситуации, в контексте которой был написан медиатекст (Клейменова, 2019). В данной работе мы придерживаемся мнения В.Ю. Клейменовой, которая считает, что именно оценочные кванты являются инструментом извлечения импликаций, скрытых в медиатекстах. Данной точке зрения созвучно мнение Е.А. Баженовой о том, что декодирование коммуникативной интенции автора и понимание имплицатур текста требуют от читателя, погруженного в ситуацию игры со смыслами, достаточных фоновых знаний (Баженова, 2017).

Также для проводимого исследования важным представляется тезис о том, что любой текст является носителем информации и основой коммуникации, при которой адекватное понимание смысла сообщения возможно лишь тогда, когда реципиент владеет не только языковыми, но и социо-психологическими, поведенческими, культурологическими знаниями отправителя, поскольку любой тип когнитивной деятельности связан с использованием определенных когнитивных структур (Оломская, 2010).

Расшифровка смысла получаемой информации (кода дискурса) является решающим аспектом успешной лингвистической коммуникации, что в особенности важно принимая во внимание тот факт, что правила журналистики предполагают отказ от открытой пропаганды, соответственно, вместо прямой пропаганды читатель сталкивается с завуалированным манипулированием массовым сознанием. Именно умелое прочтение скрытых смыслов, заложенных автором в медиатексте, является ключом к адекватной интерпретации предоставляемой информации.

Хотя И.В. Арнольд в своих работах изучала эффективность квантования в поэтических текстах (Арнольд, 1988; 2016), квантование может помочь читателю извлечь скрытые смыслы, характерные для коммуникации в рамках медиадискурса. Отмечаем, что процедура квантования может успешно применяться для анализа разных типов медиатекстов.

Рассмотрение применения метода декодирования оценочных смыслов на примере отдельно взятого текста позволяет подтвердить эффективность предлагаемого подхода. Анализируемый медиатекст (Elizabeth Warren: Who She Is and What She Stands For // The New York Times) (см. Приложение 1) является своеобразным досье, составленным The New York Times на Элизабет Уоррен, сенатора от штата Массачусетс, одного из потенциальных кандидатов в президенты США от Демократической партии на выборах в 2020 г. Элизабет Уоррен придерживается левых взглядов и в своей предвыборной программе высказывает весьма радикальные предложения, среди которых звучит идея обнулить огромные долги американцев за обучение и готовность повысить налоги для социальной группы самых богатых американских граждан. Внимание такого влиятельного издания, как The New York Times к Э. Уоррен свидетельствует о том, что ее рассматривают в роли одного из ключевых кандидатов на пост президента. Являясь серьезным изданием, The New York Times воздерживается от резких, категорических оценок и ярлыков, характеризуя Э. Уоррен как перспективную политическую фигуру. В результате, автор статьи прибегает к косвенным и завуалированным способам оценки деятельности политика, что позволяет создать не прямое давление на целевую аудиторию и оставляет автору пространство для маневра в случае критики в адрес издания. Применение метода декодирования И.В. Арнольд позволяет расшифровать интегрированные в текст оценочные смыслы, распознать их аксиологический характер и представить их корректную интерпретацию.

В ходе анализа отмечено, что, представляя фактическую информацию о кандидате, автор статьи успешно реализует две концептуальные идеи: с одной стороны, имплицитно *выражает свое негативное, пренебрежительное отношение* / отношение издания к героине статьи; с другой стороны, *дает оценку ее политическим инициативам*, заявленным в предвыборной программе, в частности, касающимся богатых граждан США и борьбы с коррупцией.

Первой выделенной идеей является неоднозначное отношение автора статьи / редакции издания к Э. Уоррен. Непосредственно в заголовке медиатекста автор демонстрирует свою неуверенность в кандидате Элизабет Уоррен: *Elizabeth Warren: Who She Is and What She **Stands For***. В этом кванте оценочное значение реализуется через стилистический прием каламбура, который заключается в двусмысленном использовании многозначного глагола *to stand for* ‘1. to be an abbreviation or symbol of something, 2. to support something’ (ODEDT) в значениях «обозначать, расшифровывать» или «поддерживать».

Для реализации эффекта отстранения автор прибегает к использованию неопределенного артикля в значении «один из многих»: *A senator and former law professor wants to change the rules of the economy*. Данный квант информации также подтверждается на уровне высказывания *former law professor wants to change the rules of the economy*. Таким образом автор выражает сомнение в том, что бывший профессор права в состоянии изменить правила экономики страны.

В подзаголовке *She has lots of big plans. How **would** she pay for them?* автор снова выражает сомнение в отношении кандидата, что проявляется на грамматическом уровне в использовании модального глагола *would* в значении ‘used to give opinions that you are not certain about’ (ODEDT). В данном кванте автор актуализирует свое неверие в успех Э. Уоррен в президентской гонке.

Тот факт, что издание *The New York Times* не является сторонником Э. Уоррен, также подчеркивается в следующем кванте информации: *Ms. Warren has laid out several revenue sources for her various plans, but her biggest idea is to create a wealth tax that would apply to the super rich*. Автор статьи использует существительное *Ms.* ‘госпожа’ в премодификации к имени Элизабет Уоррен, не называя ее сенатором.

В следующем кванте информации автор критикует непостоянство Э. Уоррен, отмечая, что она не всегда придерживалась демократических взглядов, а ранее состояла в Республиканской партии. Причем ее решение

изменить партийную принадлежность мотивировано желанием заняться реальной политической деятельностью, что The New York Times описывает следующим образом: *Ms. Warren was registered as a Republican until 1996, when she was in her 40s. Ms. Warren has said that her **switch** amounted to going **from “not political” to “political.”*** При этом автор не берет на себя смелость навешивать ярлыки, следовательно, имплицитно свое отношение посредством такого средства, как кавычки, тем самым дистанцируясь от упомянутой характеристики. Неоднозначное отношение субъекта оценки к данному факту усиливается лексемой *switch* (в значении ‘a change from one thing to another, especially when this is sudden and complete’ (ODEDT)), которая в контексте данного высказывания сообщает ему негативную окраску.

В еще одном подзаголовке *What about the **controversy** over her **ancestry**?* Следует выделить случаи использования стилистически окрашенных лексем *controversy* (в значении ‘public discussion and argument about something that many people strongly disagree about, disapprove of, or are shocked by’ (ODEDT)) и *ancestry* (в значении ‘the family or the race of people that you come from’ (ODEDT)), которые также служат своеобразными маркерами отстранения от позиции политического деятеля.

Для адекватной интерпретации следующего оценочного кванта нужно опираться на экстралингвистические обстоятельства, в которых данный медиатекст был написан: еще в 1980-е Э. Уоррен указала в анкете наличие в своей ДНК генов коренных американцев, однако, в 2018 г. после опубликования результатов теста у нее нашли лишь незначительный процент генов коренного американского населения. После этого Э. Уоррен подверглась критике и обвинениям в том, что она продвигалась по карьерной лестнице благодаря тому факту, что среди ее предков были представители племен чероки и делавэр: *Ms. Warren has faced **scrutiny** over her claims of Native American ancestry since she ran for Senate in 2012, and **President Trump** has repeatedly used a slur to mock her over the subject. Ms. Warren has said that she never used her ancestry claims to advance her career.* Данный фрагмент насыщен оценочной лексикой: *scrutiny* (в

значении ‘careful and thorough examination’ (ODEDT)), *slur* (в значении ‘an unfair remark about somebody / something that may damage other people’s opinion of them’ (ODEDT)), *to mock* (в значении ‘to laugh at somebody / something in an unkind way, especially by copying what they say or do; to show no respect for something’ (ODEDT)).

В кванте *But the DNA test angered some Native Americans, and she has since apologized for the DNA test and for identifying herself as Native American during her career as a law professor* неудачное положение, в котором Э. Уоррен оказалась из-за проведенного теста ДНК, усиливается описанием реакции представителей коренных американцев, которые считают, что для того, чтобы называть себя коренным американцем, нужно быть частью племени. Данная идея вербализуется посредством стилистического приема синекдохи, который заключается в переносе с частного на общее и наоборот: не столько сам факт проведения ДНК-теста разозлил общество, сколько то, как и с какой целью его результаты были преподнесены общественности.

Вторая идея, скрытая в авторском послыле, заключается в оценке политических намерений сенатора Уоррен, в частности, ее политики в отношении очень богатых представителей общества и борьбы с коррупцией. Данная импликатура раскрывается в медиатексте через противопоставление двух противоположных по смыслу понятий (антитеза) – бедных и богатых. Так, в абзаце *Senator Elizabeth Warren is running for president promising to bring about “big, structural change,” with the goal of tilting power toward working people and away from big corporations and the rich. She has become known in the Democratic field for her long list of policy plans, including creating a wealth tax, canceling student loan debt for most borrowers and breaking up big technology companies. She has stood out from many of her opponents by swearing off fundraisers with wealthy donors, and she spends hours taking pictures with voters who wait in a “selfie line” at the end of her town halls* в форме расширенного противопоставления приводится наиболее значимый аспект политики Э. Уоррен – изменение баланса власти от огромных корпораций в сторону

рабочего класса. Примечательно, что в данном примере мы снова видим случай дистанцирования автора от обещаний кандидата, что графически оформлено кавычками *promising to bring about “big, structural change”*. Это подтверждает предыдущие тезисы о сомнительности успеха сенатора на пути к реорганизации государственной политики. Антитеза также находит свое отражение еще в двух обещаниях кандидата: *canceling student loan debt for most borrowers and breaking up big technology companies*. Как мы видим, Э. Уоррен намерена аннулировать долги по ссудам на учебу для большинства студентов и уменьшить влияние крупных компаний в сфере информационных технологий. Противопоставление актуализируется и в отношении Э. Уоррен к своим избирателям (*by swearing off fund-raisers with wealthy donors, and she spends hours taking pictures with voters who wait in a “selfie line” at the end of her town halls*): она «отрекается» от должностных лиц с состоятельными спонсорами и при этом может часами фотографироваться с людьми, выстраивающимися в очередях во время ее предвыборных турне.

С определенной долей иронии автором освещается главная задумка Э. Уоррен по введению налога на богатство, который затронет «сверхбогатых»: *Ms. Warren has laid out several revenue sources for her various plans, but her **biggest idea** is to create a wealth tax that would apply **to the super rich***. В этом кванте информации ироничное отношение раскрывается через превосходную степень прилагательного *big*, а также в использовании компонента сложного слова *super-* (в значении ‘extreme; over, above’ (ODEDT)), которые служат негативной оценке представителей высшего класса со стороны Э. Уоррен.

Завершается медиатекст своего рода лозунгом сенатора Уоррен, в котором еще раз подчеркивается ее критика коррупции, в целом, и состоятельных и влиятельных представителей общества, в частности: *When government works only for the wealthy and the well-connected, that is **corruption, plain and simple**, and we need to call it out.*

Как показывает анализ выделенных оценочных квантов, несмотря на то, что издание The New York Times считается леволиберальным и поддерживающим Демократическую партию США, оценка Элизабет Уоррен, приведенная в данной публикации, указывает на то, что редакция газеты не позиционирует ее как достойного кандидата от демократов.

Проведенный анализ показал, что квантование, за счет которого достигается эффект ненавязчивого доведения до читателя желаемого смысла описываемых событий, является одним из способов введения оценочного значения в газетный текст. Отмечаем, что актуализация авторского посыла, скрытого в оценочных квантах, может обеспечиваться различными языковыми средствами на разных уровнях языка и в различных композиционных частях медиатекста.

2.4. Характеристика материала исследования

Несмотря на стремление журналистов к объективности и непредвзятости, все СМИ в той или иной степени субъективны, что определяется типом издания, его политической ориентацией и другими факторами. В настоящем исследовании применяется подход, учитывающий жанровую дифференциацию газетных материалов, тип издания (*quality press / popular press*) и вариант английского языка (британский или американский).

2.4.1. Обзор источников корпуса эмпирического материала

Материалом исследования являются медиатексты, отобранные как из качественных, так и из популярных изданий Великобритании (The Guardian, The Daily Telegraph, The Independent, Financial Times, Daily Mail, Daily Mirror, Daily Express, The Sun) и США (The Wall Street Journal, The Washington Post, The New York Times, New York Daily News, New York Post, USA Today). Стоит отметить, что The Guardian, The Daily Telegraph, The Independent, Financial Times, The Wall Street Journal, The Washington Post и The New York Times представляют качественную англоязычную прессу, в то время как Daily Mail, Daily Mirror, Daily

Express, The Sun, New York Daily News, New York Post и USA Today – популярную.

Следует отметить, что в рамках одного издания можно выделить характерные для него особенности представления информации. Это позволяет говорить о дискурсе отдельной газеты, который является единым целым по своей идеологической и стилистической направленности (Калташкина, 2012: 28).

The Daily Telegraph – одна из наиболее популярных и многотиражных ежедневных газет Великобритании, является газетой консервативного толка, которую иначе в шутку называют Torygraph (Curtis, 2006). The Guardian – самое читаемое качественное ежедневное издание, являющееся общепризнанным проводником леволиберальных идей представителей среднего класса. Сайт издания является самым посещаемым из сайтов британских газет, примечательно, что его материалы могут отличаться от материалов бумажного издания (Ipsos MORI, 2005). Идеологически The Independent создавалась как газета яппи (*yappi* ‘young upward-going professionals’), декларирует политическую независимость, в передовицах и статьях демонстрирует широкий спектр политических мнений (Пустовалов, 2013). В настоящий момент данное издание близко к либерально-демократической партии (выступала против войны в Ираке и с критикой внешней политики США и Великобритании), особое внимание обращает на проблематику прав человека. Примечательно, что с 2016 года The Independent является интернет-изданием, не выпуская печатной версии своей газеты. Financial Times – интернациональная ежедневная газета, специализирующаяся на деловых и финансовых новостях, знаменита своей аналитикой (Пустовалов, 2013).

Daily Mail является одним из крупнейших ежедневных массовых изданий, постоянно поддерживающих партию консерваторов, и постоянно сражается за новые сегменты аудитории, активно борется за симпатии женщин (раздел Female) (Пустовалов, 2013). Ежедневная газета Daily Mirror

позиционирует себя как газета для рабочего класса, простых солдат и граждан, поддерживает лейбористскую партию (Пустовалов, 2013). Ежедневный таблоиды The Sun и Daily Express традиционно поддерживает партию консерваторов.

The New York Times и The Washington Post относятся к самым престижным изданиям США, обслуживающим интересы высшего и среднего классов (Михайлов, 2004). The New York Times является изданием с леволиберальной направленностью, второй крупнейшей по тиражу газетой в США и одной из влиятельнейших газет в мире, в которой доступно и качественно освещаются политические тенденции в мире, и которая своевременно откликается на важные события. The Washington Post близка в своей редакционной политике к позициям занимаемым Демократической партией США.

New York Daily News – умеренно-либеральная ежедневная газета, первое издание США, напечатанное в таблоид-формате. Ежедневный таблоид New York Post – одна из крупнейших газет США, придерживается чрезмерно консервативной, популистской политики, за что часто критикуется. USA Today – издание умеренно-либерального толка, является первой общенациональной ежедневной газетой США, в издании большое внимание уделяется публикации опросов общественного мнения.

Все эти издания транслируют определяющие политические идеи британского и американского лингвокультурных сообществ, которые, в свою очередь, доминируют в англофонном мире. Таким образом, анализ медиатекстов данных газет позволяет составить довольно полное представление об англоязычном политическом дискурсе. Кроме того, материал исследования позволяет проанализировать лингвистические особенности британского и американского вариантов английского языка. Такой подход позволяет выявить тенденции в использовании вариантов английского языка.

Данное исследование включает в себя материал медиатекстов, освещающих конфликты в период с января 2018 года по апрель 2020 года.

2.4.2. Тематическая классификация отобранных медиатекстов

Современная политическая мысль предлагает множество классификаций конфликтов, в основе каждой из которых лежит ряд критериев и оснований: причины возникновения конфликта; природа и характер противоречий, лежащих в его основе; политические цели; пространственно-временные масштабы, его длительность; применяемые средства; особенности доктрин участников; цивилизационно-культурологические особенности; интересы субъектов; характер динамики развития; социально-психологические факторы конфликта (Кудояр, Хоменко, 2012).

С точки зрения политического содержания конфликтов, освещаемых в медиадискурсе можно предложить следующую классификацию (Юсупов, 2005):

1) конфликты разных социально-политических систем, целью которых является ослабление и уничтожение противоположной системы. Этот тип конфликта носит преимущественно идеологический характер;

2) конфликты как одной, так и различных социально-политических систем, с целью политического и экономического господства в мире, в том или ином регионе;

3) межнациональные конфликты, имеющие своей целью национальное порабощение или национальное освобождение;

4) конфликты, основанные на территориальных противоречиях, с целью захвата чужих территорий или освобождение территорий, ранее захваченных противоборствующей стороной;

5) конфликты религиозных конфессий. Эти конфликты в большей мере присущи внутривнутриполитическим отношениям, однако, немало их и среди международных конфликтов.

В силу междисциплинарного характера настоящего исследования целесообразным представляется применить наиболее общий подход к

классификации видов конфликта, каковой является тематическая классификация по сферам проявления конфликта, среди которых нами выделяются следующие: вооруженный, политический, экономический, религиозный (см. Приложение 2).

1. Под **вооруженным** конфликтом понимается в широком смысле любая акция с применением вооруженной силы или угрозой ее применения (опосредованное применение оружия) как на международной арене, так и во внутриполитической борьбе (Юсупов, 2005).

2. **Политический** конфликт рассматривается как это столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением власти или ее перераспределением, а также с изменением их политического статуса в обществе (Политологический словарь, 1994).

3. **Экономический** конфликт определяется не просто как рыночная конкуренция, а соперничество за ресурсы между противоборствующими сторонами, которые несут издержки в связи с попытками ослабить или устранить друг друга (Garfinkel, 2012).

4. **Религиозный** конфликт понимается как противостояние представителей различных вероисповеданий или противоборство внутри одной религии, в основе которого лежит нетерпимость к инакомыслию (Лучшева, 2017).

2.5. Методика анализа эмпирического материала

В ходе анализа применяется следующая методика анализа эмпирического материала.

На **I этапе** осуществлен отбор медиатекстов двух жанров: *news report* / новостное сообщение и *feature article* / тематическая статья. Первым критерием отбора является соответствие медиатекста очерченной тематике (конфликт). На данном этапе применяются элементы контекстуального анализа, в основе которого лежит классификация видов информации в тексте, предложенная

И.Р. Гальпериным: содержательно-фактуальная (сообщения о фактах, событиях, процессах), содержательно-подтекстовая (информация, выводимая из содержательно-фактуальной) и содержательно-концептуальная (информация, заложенная автором в основу произведения) (Гальперин, 2008: 27-29).

II этап предполагает вычленение из отобранных медиатекстов содержательно-подтекстовой и содержательно-концептуальной информации с целью определения наличия или отсутствия оценочной реализации оппозиции «свой-чужой».

1. При отборе оценочно-значимой информации вычленялись кванты с оценочной семантикой. Так, одним из наиболее распространенных средств актуализации оценочных квантов является идеологически-модальная лексика (*militants, bandits, terrorists, freedom fighters*): *A UN report last month said between 20,000 and 30,000 militants were active in the desert territory on either side of the Syrian-Iraqi border (Foreign Isis fighters must face trial on home soil, Kurds say)*. Данный пример иллюстрирует случай употребления так называемой непосредственно оценочной лексики. В случае с производно оценочной лексикой для фиксации оценки было целесообразно обратиться к методике анализа словарных дефиниций с целью проверки наличия сем оценки в значении ЛСВ. Необходимо отметить, что маркеры оценочного значения в словарных дефинициях делятся на две категории – *good* и *bad*. В работе О.Л. Бессоновой отмечается, что наиболее частотными положительными оценочными маркерами являются лексемы *moral, honest, innocent, religious, acceptable, excellent, well-behaved, well-mannered, kind, symphatetic, reliable, trusty* и др., а отрицательными – *immoral, dishonest, tricky, disloyal, dangerous, demoniac, criminal, hateful, cruel, brutal, evil, inhuman, unacceptable, poor, weak, wrong, unreliable, unhealthy* и др. (Byessonova, 2018). Лексикографическими маркерами оценочного значения также являются пометы в словарной статье, указывающие на положительное (напр., *humorous* ‘забавный’, *facetious* ‘шутливый’, *jocular* ‘веселый’, *poetic* ‘поэтический’) или

отрицательное значение (напр., *derogatory* ‘оскорбительный’, *contemptuous* ‘пренебрежительный’, *ironical* ‘ироничный’, *vulgar* ‘вульгарный’).

2. Оценочное значение может быть мотивировано не только семантикой основы слова, но и характером деривационных аффиксов. Как отмечает А.И. Приходько, значение производных слов с отрицательной оценкой может быть мотивировано такими аффиксами, как: *-ard*, *-ling*, *-ster*, *-cide*, *-ice / ize*, *hyper-*, *mis-*, *dis-*, *un-*, *a-* и др. Значение слов с положительной оценкой мотивировано следующими аффиксами: *-kin*, *-esque*, *-hood*, *-ness*, *-ship*, *well-* и др. (Приходько, 2004: 16).

3. Оценочная реализация исследуемой оппозиции может быть декодирована путем интерпретации различных стилистических приемов, используемых в анализируемых медиатекстах. Наиболее частотными из них являются сравнения, метафоры, анафоры, аллюзии, инверсия, параллелизм, например: *Mr Trump was said to have badgered Volodymyr Zelensky to press ahead with the probe into Joe Biden's son, even suggesting he work with his personal lawyer, Rudy Giuliani* (Trump asked Ukraine president 8 times to investigate Joe Biden's son, say reports). В приведенном примере метафора *to badger someone* основывается на принципе сравнения между настойчивым желанием навязать свою волю и травлей животного, что демонстрирует тот факт, что на В. Зеленского оказывалось неоднократное давление со стороны Д. Трампа с целью начать расследование против экс-госсекретаря Дж. Байдена.

На III этапе происходит декодирование заложенных в отобранных медиатекстах оценочных смыслов путем распределения этой информации между несколькими языковыми уровнями. Это становится возможным только через адекватное восприятие экстралингвистического контекста того или иного оценочного суждения. На данном этапе происходит анализ реализуемых оценочных смыслов с точки зрения таких параметров, как характер оценки (положительная / отрицательная), контекстуальная представленность (эксплицитная / имплицитная), влияние контекста на выражение оценки

(усиление оценочного значения / ослабление оценочного значения / модификация оценочного значения), тактико-стратегический аспект реализации оценки и т. д.

Выводы по второй главе

1. Современный англоязычный медиадискурс характеризуется нацеленностью на конфликтную тематику, что связано с высокой степенью конфликтогенности жизни общества. Поскольку основополагающей целью средств массовой информации представляется не только информирование населения, но и формирование общественного мнения, взглядов, убеждений, принципов и стереотипов, обращенность к конфликтам является непосредственно интегрированной в медиадискурс. Междисциплинарная направленность диссертации обуславливает применение широкого подхода к классификации видов конфликта, среди которых целесообразно выделить следующие: вооруженный, политический, экономический, религиозный. В отобранном корпусе эмпирического материала британского медиадискурса преобладают медиатексты, посвященные вооруженному конфликту, в то время как в американской информационной повестке преобладают медиатексты, описывающие политические конфликты. Религиозные и экономические конфликты освещаются в обоих вариантах медиадискурса значительно реже (см. Приложение 2).

2. Важным условием описания конфликта в медиадискурсе является реализация одного из ключевых конфликтогенов – лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой». Аксиологическая основа данной оппозиции обусловлена тем, что в большинстве случаев действия «своих» рассматриваются как «правильные», «мирные», «дружеские», действия же их оппонентов – «чужих» ассоциируются с «неправильными», «плохими», «вражескими». Таким образом оппозиция «свой-чужой» может рассматриваться как концептуальная реализация дихотомии «хорошо» / «плохо», лежащей в основе категории оценки.

3. Экстраполяция метода декодирования И.В. Арнольд на анализ современного медиадискурса позволяет расшифровать интегрированные в текст оценочные смыслы, распознать их аксиологический характер и представить их корректную интерпретацию. Применение процедуры квантования и оценочного декодирования в медиадискурсе представляется целесообразным и эффективным, поскольку в условиях гибридных войн, когда средства массовой информации рассматриваются как идеологическое оружие и как средство воздействия на общественное мнение, возрастает необходимость корректного восприятия и трактовки получаемой информации. Оценочное декодирование эффективно в разных жанрах медиатекстов, однако особенно перспективным этот метод представляется при анализе медиатекстов жанра *feature article*, поскольку в подобных материалах, в отличие от *news reports*, у журналистов больше свободы в выборе подходов к подаче информации, интерпретации событий, фактов, возможности выразить свое мнение и, в конечном итоге, оказать желаемое воздействие на аудиторию.

4. Реализация коммуникативной интенции автора, скрытая в оценочных квантах, обеспечивается различными языковыми средствами на разных уровнях языка (лексический, грамматический, стилистический, синтаксический) и в различных композиционных частях медиатекста. Имплицитно представленная информация оказывает значительное воздействие на читателя, а применение методов квантовой поэтики к декодированию медийного текста позволяет избежать произвольности в его интерпретации.

5. Процедура анализа материала в рамках данного исследования предполагает осуществление последовательности следующих этапов: отбор медиатекстов обозначенных жанров, соответствующих очерченной тематике; выделение содержательно-подтекстовой и содержательно-концептуальной информации с целью последующего декодирования заложенных оценочных смыслов согласно ряду параметров; выделение конфигурационных моделей аксиологического взаимодействия «своего» и «чужого»; описание разноуровневых средств актуализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в

британском и американском медиадискурсе; установление типов модификации оценочного значения в контексте; инвентаризацию оценочных стратегий и тактик, детерминирующих коммуникативную организацию британского и американского медиадискурса конфликтной направленности, в котором реализуется аксиологическая оппозиция «свой-чужой». Предложенная методика позволяет установить сходства и отличия реализации лингвокультурологической аксиологической оппозиции в медиадискурсе Великобритании и США и в медиатекстах жанров *news report* и *feature article*. Методика анализа оценочных смыслов в оппозиции «свой-чужой» представляет теоретическую ценность как инструмент определения аксиологической значимости информации в медиатекстах различных жанров исходя из широкого спектра параметров.

Основные положения этой главы изложены в публикациях (Гордиенко, 2018б; 2019б; 2019д; 2020а; 2020б; 2020в; 2020д).

Глава третья

ОЦЕНКА В ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ ЖАНРОВ *NEWS REPORT* И *FEATURE ARTICLE*

В главе описываются особенности актуализации категории оценки в различных структурных частях медиатекстов жанра *news report* и *feature article*, определяются модели реализации оценочного значения в контексте, описываются оценочные средства проявления лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах конфликтной направленности. Кроме того, дается представление о том, как оценочные стратегии и тактики актуализируются в медиатекстах анализируемых жанров.

3.1. Модели реализации оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе

Поскольку оппозиция «свой-чужой» всегда содержит в себе оценочный компонент, с одной стороны, и изучается в настоящем исследовании именно через призму оценки, с другой стороны, представляется логичным рассматривать ее реализацию с точки зрения акта оценки. Так, акт оценки, представляющий собой сложное образование, включающее в себя механизм ее концептуализации, кодирования и декодирования, имеет уровневую структуру, в которой можно выделить перцептивный, когнитивный и прагматический уровни. Именно на прагматическом уровне акт оценки объекта оценивающим его субъектом предстает в завершенном виде (Чудинов, 2003: 17). Как показал анализ, выражение оппозиции «свой-чужой» может иметь различные конфигурации, которые реализуются в различных модификациях.

Определяя возможные конфигурации оценочного взаимодействия «своего» и «чужого», необходимо учитывать жанровые особенности медиатекстов. Так, следует иметь в виду, что основной коммуникативной целью *news report* является информирование и представление фактической

информации, а задачей *feature article* – оказание воздействия на адресата, таким образом автор *feature article* имеет больше возможностей для навязывания читателю своего мнения, в том числе с помощью манипулирования.

При рассмотрении конфигураций проявления оппозиции «свой-чужой» вслед за А.А. Матвеевой отмечаем, что данная оппозиция в настоящем исследовании анализируется в ее статическом, а не динамическом проявлении, то есть переходы «своего» в «чужое» и «чужого» в «своего» не являются предметом нашего изучения. Вышесказанное обуславливает задачу очертить границы между «своим» и «чужим», не затрагивая метаморфозы, связанные с переходом «своего» в «чужое» и обратно, таким образом определяя роль оценки для выявления «своих» и «чужих» (Матвеева, 2012).

Представляется целесообразным выделить, 8 логических конфигурационных моделей взаимодействия «своего» и «чужого», взаимодействие компонентов которых можно выразить с помощью формул толкования. На данном этапе методика исследования предполагает использование семантического метаязыка, что выражается в формульной записи и в соотношении составленных формул с высказываниями на естественном языке. Применяемое нами формульное толкование осуществляется в рамках семантического подхода, разработанного такими лингвистами, как Ю.Д. Апресян (Апресян, 2009), Н.Д. Арутюнова (Арутюнова, 1999), А. Вежбицкая (Вежбицкая, 1999), И.А. Мельчук (Мельчук, 1998). Для описания моделей взаимодействия «своего» и «чужого» используется формульная запись: где «С» – свой, который может выступать в роли субъекта оценки (C_1) или объекта оценки (C_2), «Ч» – чужой, выступающий в роли субъекта ($Ч_1$) или объекта оценки ($Ч_2$), « \rightarrow » – отношение субъекта к объекту, «+» / «-» – характер оценки. Таким образом, выделенные гипотетические модели можно представить следующим образом:

➤ «свой» (C_1) дает положительную оценку «своему» (C_2) или ($C_1 \rightarrow + C_2$);

➤ «свой» (C_1) дает отрицательную оценку «своему» (C_2) ($C_1 \rightarrow - C_2$)

- «свой» (С) дает положительную оценку «чужому» (Ч) ($C \rightarrow + Ч$)
- «свой» (С) дает отрицательную оценку «чужому» (Ч) ($C \rightarrow - Ч$)
- «чужой» (Ч) дает положительную оценку «своему» (С) ($Ч \rightarrow + С$)
- «чужой» (Ч) дает отрицательную оценку «своему» (С) ($Ч \rightarrow - С$)
- «чужой» ($Ч_1$) дает положительную оценку «чужому» ($Ч_2$) ($Ч_1 \rightarrow + Ч_2$)
- «чужой» ($Ч_1$) дает отрицательную оценку «чужому» ($Ч_2$) ($Ч_1 \rightarrow - Ч_2$).

Задачей данного пункта является установление всех возможных конфигурационных моделей, которые могут находить свое выражение в медиатекстах жанров *news report* и *feature article*.

3.1.1. Параметры разграничения «своего» и «чужого»

Необходимо отметить, что реализация той или иной конфигурации прежде всего зависит от того, по какому параметру будет происходить деление «своего» и «чужого», а именно – кто воспринимается как «свой», а кто как «чужой». В этой связи представляется логичным при идентификации «своего» и «чужого» опираться на модель акта оценки, представленную пропозицией $A r B$, где A – субъект оценки, B – объект оценки, r – оценка, оценочное отношение, предикат (Вольф, 2006: 12) (см. п. 1.1.2). Таким образом, в основе реализации оппозиции «свой-чужой» лежит акт оценки и отношения субъекта и объекта оценки.

Анализ англоязычных медиатекстов жанров *news report* и *feature article* показал, что в данных публикациях субъектами оценки могут быть:

1. Журналист-автор статьи, выступающий в роли повествователя / наблюдателя (т.н. имплицитный субъект (Фролова, 2016));
2. Персонаж статьи-автор цитаты, содержащей оценку;
3. Коллективный автор: редакция, партия, народ, общность (*many / others think / believe / consider, concerns were raised, there are concerns that, their voters, it is useful / hard / good, the problem is that, the truth is, etc.*).

Исходя из приведенных выше логических конфигураций, в которых может актуализироваться оппозиция «свой-чужой», и субъект, и объект оценки могут играть роль как «своего», так и «чужого».

Основание оценки в оценочном акте служит параметром, позволяющим разграничить «своего» и «чужого». При этом целесообразно опираться на социокультурную классификацию А.А. Матвеевой, включающую следующие критерии:

1) личность (языковые факты позволяют убедиться в том, что мировоззренческие установки играют значимую роль в определении «своих» и «чужих»);

2) социальная группа (например, социальные группы, определяющиеся по возрастному признаку, например, «свой» как представитель молодёжи и тот, кто разделяет все аспекты молодёжной культуры, а «чужой» как представитель более старшего поколения, придерживающийся свойственных своему поколению культурных норм);

3) социальные организации (разграничение «своих» и «чужих» по линии профессиональных сообществ);

4) социальные институты (к примеру, социальные институты, являющиеся субъектами правовой культуры, определяют дифференциацию «свой-чужой» в форме «преступник vs законопослушный гражданин»; социальные институты, являющиеся субъектами научной культуры, обуславливают разделение «свой-чужой» в аспекте принадлежности к разным научным сообществам, но чаще в аспекте принадлежности / не-принадлежности к научному сообществу в целом; социальные институты, являющиеся субъектами светской и религиозной культуры, определяют границу «своего» и «чужого» как «светское vs религиозное» или как относящееся к разным конфессиям);

5) классы (например, «богатые vs бедные»);

6) этносы;

7) региональные сообщества (пространственный признак играет важную роль в разграничении «своего» и «чужого», а соответственно, под региональным сообществом может пониматься любое объединение, обладающее

пространственными характеристиками и отграничивающее себя от аналогичных объединений, например, противопоставление «Запад vs Восток»);

8) раса (разграничение «свой-чужой» по расовому признаку) (Матвеева, 2012).

Анализ отобранных медиатекстов показал, что лишь два параметра из перечисленных выше, а именно – «социальные институты» и «региональные сообщества», могут служить основанием выделения «своего» и «чужого». Данное наблюдение объясняется тематикой медиатекстов, составивших эмпирический корпус и посвященных конфликтам (вооруженным, политическим, экономическим, религиозным) (см. п. 2.4.2).

Параметр «региональное сообщество», являющийся наиболее репрезентативным, проявляется в основном в медиатекстах, посвященных внешним конфликтам. Например, в публикации влиятельного британского издания *The Guardian Kim Jong-un: fragile and under pressure but he won't give up*, посвященной заявлениям лидера Северной Кореи Ким Чен Ына речь идет о приостановлении ядерных испытаний. Так, в новостном сообщении оппозиция «свой-чужой» может быть представлена следующим образом: «своими» являются представители США, в то время как Северная Корея выступает в роли «чужого» по признаку «региональное сообщество», а именно «Запад vs Восток».

Менее частотный параметр «социальные институты» зафиксирован в публикациях, посвященных внутренним конфликтам, например, в оппозициях «религиозное vs светское», «демократы vs республиканцы». Так, в медиатексте американского популярного издания *New York Daily News*, поддерживающего Демократическую партию США, *Trump tells his own spy chiefs to 'go back to school' after they contradict him on North Korea, ISIS, Russia*, речь идет о том, что президент США призвал представителей разведывательного сообщества США «вернуться в школу» из-за того, что они, по его мнению, недооценивают опасность со стороны Ирана и противоречат оценкам ситуации самим президентом. Дифференциация «своего» и «чужого»

в указанной публикации происходит по параметру «социальные институты» (с точки зрения принадлежности к разным политическим партиям, а именно, «демократы vs республиканцы»). Таким образом, Дональд Трамп и разведка США, представляются «чужими», а автор публикации и представители Демократической партии – «своими».

Доминирование параметра «региональное сообщество» (80%) над параметром «социальные институты» (20%) объясняется тем фактом, что публикационная повестка отобранных для анализа изданий фокусируется скорее на внешних конфликтах, в том числе, и для отвлечения внимания от внутригосударственных проблем.

3.1.2. Конфигурации актуализации оппозиции «свой-чужой»

в медиадискурсе Великобритании и США

Проведенный анализ показал, что в большинство предложенных конфигураций оппозиции «свой-чужой» находят свое выражение в англоязычных публикациях конфликтной тематики.

3.1.2.1. Анализ эмпирического материала показал, что в медиатекстах жанра *news report* англоязычного медиадискурса наиболее частотной является конфигурация $C \rightarrow -Ч$ (55%). Конфигурации $Ч \rightarrow +C$ и $Ч_1 \rightarrow -Ч_2$ в отобранных текстах новостных сообщений обнаружены не были.

– «свой» (C) дает отрицательную оценку «чужому» (Ч) (55%)

Примером реализации конфигурационной модели $C \rightarrow -Ч$ может служить отрывок из новостного сообщения *Why are doctors in the Middle East cosyng up to foreign armies?* во влиятельном британском издании *The Independent*, посвященном характеристике деятельности врачей гуманитарных организаций, предоставляющих свои услуги в горячих точках, а именно тому, как они сотрудничают с боевиками в угоду своей прибыли. Дифференциация анализируемой оппозиции происходит по принципу «социальные институты»: «своими» выступают медики, работающие в медицинской гуманитарной организации «Врачи без границ» (MSF), а «чужими» – медики-контрактники главной целью которых является заработок. Так, отрывок *Jonathan Whittall of*

Medecins Sans Frontieres scathingly attacked what he called 'stethoscopes for hire', those who operated 'as contractors driven by profit rather than the principles that guide humanitarian action in conflict' свидетельствует о том, что координатор «Врачей без границ», Джонатан Уиттал, (С) отрицательно оценивает деятельность медиков-подрядчиков (Ч), которых он метафорически называет «стетоскопами по найму», работающими вразрез с гуманитарными принципами.

– «чужой» (Ч) дает отрицательную оценку «своему» (С) (16%)

Оппозиция «свой-чужой» и, в частности, одна из ее конфигураций, Ч → – С, актуализируется в новостном сообщении *North Korea calls Pompeo 'poisonous plant' for promoting sanctions* американского таблоида New York Post, посвященном реакции МИД Северной Кореи на угрозы со стороны госсекретаря США, Майка Помпео, ввести очередные санкции против Северной Кореи с целью проведения последними полной денуклеаризации. В данной публикации разделение на «своего» и «чужого» происходит по параметру «региональное сообщества», исходя из чего «своим» является М. Помпео, а «чужими» – представители Северной Кореи. Отсюда, конфигурация Ч → – С реализуется в следующих примерах: *North Korea's top diplomat on Friday called Secretary of State Mike Pompeo a "poisonous plant of American diplomacy" for promoting sanctions that could hinder denuclearisation talks with the United States. Since then he's demanded that Pompeo be replaced with a "more mature" person.* Как видим, глава МИД Северной Кореи (Ч) дает отрицательную оценку госсекретарю США (С), описывая его как «ядовитое растение американской дипломатии» и выражая желание вести переговоры с более зрелым человеком (в отличие от М. Помпео).

– «свой» (С₁) дает отрицательную оценку «своему» (С₂) (7%)

Примером реализации данной модели является новостное сообщение влиятельного британского издания *The Guardian Congress to launch sanctions on Turkey as Trump measures deemed ineffective*, в котором говорится о том, что санкции, введенные президентом США Дональдом Трампом недостаточно

эффективны, в то время как предложенный Конгрессом США законопроект с расширенными санкциями, поддерживаемый обеими партиями, мог бы заставить президента Турции Реджепа Эрдогана остановить военное вторжение в северо-восточную Сирию. Оппозиция «свой-чужой» в данной публикации основывается на региональном параметре, исходя из которого Турция выступает в роли «чужого», представители США являются «своими». В данном случае примером актуализации конфигурации $C_1 \rightarrow - C_2$ может служить следующий отрывок: *Senator van Hollen called the Trump measures a “pathetic response”, pointing out that steel exports to the US were a fraction of one per cent of Turkey’s total exports.* Так, сенатор от Демократической партии США Крис ван Холлен (C_1) выступает с жесткой критикой санкций, ранее введенных Д. Трампом (C_2), называя их «жалкими ответными мерами».

– «свой» (C_1) дает положительную оценку «своему» (C_2) (5%)

В медиатексте популярного британского издания Daily Express *Russia DEMANDS US pull troops from Syria as Iran issues new threats – ‘Fulfil your PLEDGE’*, в котором речь идет об усиливающемся давлении на Америку со стороны России, связанного с выполнением обязательств первых по выводу американских войск из Сирии. Оппозиция «свой-чужой» здесь реализуется по региональному параметру, то есть «своим» выступает США как представитель западной политики, а «чужими» – Россия и Иран, будучи представителями Востока. Конфигурация $C_1 \rightarrow + C_2$ в этой публикации находит выражение в высказываниях президента США (C_1), в которых он отмечает, что США (C_2) выиграли битву против ИГИЛ и все американские солдаты возвращаются домой: *Mr Trump said at the time: «We have won against ISIS. «Our boys, they’re all coming back and they’re coming back now»».*

– «чужой» (C_1) дает положительную оценку «чужому» (C_2) (2%)

В публикации *Kurdish forces in Syria launch powerful counterattack to set up extended battle against Turkey*, напечатанной во влиятельном британском издании The Independent и посвященной контрнаступлению курдских вооруженных формирований в ходе начатой Турцией операции «Оливковая

ветвь», дифференциация на «своего» и «чужого» происходит по региональному параметру. А именно, для издания *The Independent* «своими» являются США и поддерживаемые ими курды, «чужие» в публикации – президент Турции Реджеп Эрдоган и Россия. Конфигурационная модель $Ч_1 \rightarrow + Ч_2$ находит выражение в следующем примере: *But Mr Erdogan said said in a speech in Ankara that Turkey had discussed the Afrin offensive «with our Russian friends, we have an agreement with them»*, в котором господин Эрдоган ($Ч_1$) дает положительную оценку России ($Ч_2$), называя россиян своими «друзьями», в лице которых он надеется найти поддержку в ходе упомянутой выше операции.

– «свой» (С) дает положительную оценку «чужому» (Ч) (1%)

В иллюстрирующем данную модель новостном сообщении британского таблоида *Daily Mail Turkey captures several villages in northern Syria on third day of offensive against US-backed Kurdish militia* речь идет о продолжающемся наступлении турецкого правительства в северной Сирии и боях с Отрядами народной самообороны, которых Турция считает «террористическими объединениями». Дифференциация «своего» и «чужого» происходит по параметру «региональное сообщество», соответственно «своими» являются поддерживаемые США курды, а «чужими» – Турция. Конфигурация $С \rightarrow + Ч$ находит свое выражение в контексте *'We recognise and fully appreciate Turkey's legitimate right to protect its own citizens from terrorist elements that may be launching attacks against Turkish citizens on Turkish soil from Syria'*, в котором бывший госсекретарь США Рекс Тиллерсон (С) отмечает свою поддержку и понимание того, что турецкое правительство (Ч) имеет законное право на защиту своих граждан от нападений боевиков.

3.1.2.2. В ходе проведенного анализа отмечено, что наиболее репрезентативной конфигурационной моделью, находящей выражение в медиатекстах *feature article*, также является конфигурация $С \rightarrow - Ч$ (46%). Наименее частотной конфигурацией в публикациях *feature article* является

модель $C \rightarrow + Ч$ (1%). Конфигурация $Ч \rightarrow + C$ в отобранных текстах жанра *feature article* обнаружена не была.

– «свой» (C) дает отрицательную оценку «чужому» (Ч) (46%)

Медиатекст жанра *feature article* *Peace more distant than ever in Hong Kong as battle grips universities*, опубликованный во влиятельном британском издании *The Guardian*, посвящен конфликту между протестующими в Гонконге и властями специального административного района КНР, возникшему как реакция на законопроект об экстрадиции на материковую часть Китая. Дифференциация «своего» и «чужого» в данной публикации происходит по параметру «социальные институты»: «своими» выступают протестующие, находящие поддержку в том числе в лице политических деятелей Великобритании и США, а «чужими» – власти Гонконга. Конфигурационная модель $C \rightarrow - Ч$ реализуется в отрывке “*She has since toughened up, giving unconditional backings to the increasingly aggressive and disproportionate use of force,*” said Kenneth Chan, a professor at Hong Kong Baptist University and former lawmaker. “*She has no political solution and is no longer mentioning her ‘dialogues with the people’*”, где профессор одного из университетов Гонконга (C) дает отрицательную оценку действиям Главы администрации Гонконга, Кэрри Лам, (Ч), отмечая, что та поощряет агрессию силовиков, тем самым отказываясь от ведения диалога с народом.

– «свой» (C₁) дает отрицательную оценку «своему» (C₂) (10%)

В медиатексте жанра *feature article* *Abandoned by U.S. in Syria, Kurds Find New Ally in American Foe* влиятельного американского издания *The New York Times*, посвященному выводу американских войск из севера Сирии, что повело за собой договоренности брошенных США курдских боевых отрядов с сирийским правительством, являющимся заклятым врагом США и пользующимся поддержкой России, деление на «своего» и «чужого» выполняется по параметру «региональное сообщество». А именно, «своими» являются США и до определенного момента поддерживаемые ими курды, «чужими» – правительство Сирии и Россия. Отрывок *As the Turkish incursion*

progresses and Kurdish casualties mount, members of the Syrian Democratic Forces have grown increasingly angry at the United States. Some have cast Mr. Trump's move as a betrayal является примером актуализации конфигурации $C_1 \rightarrow - C_2$. Так, здесь члены «Демократических сил Сирии» (C_1) расценивают действия президента США (C_2) как предательство и злятся на их решение вывести войска.

– «свой» (C_1) дает положительную оценку «своему» (C_2) (10%)

В публикации британского таблоида Daily Mail *British volunteers prepare to battle Turkish military in Syria following Erdogan's 'Operation Olive Branch' offensive, saying it is their 'duty' to fight alongside Kurds after helping their struggle against ISIS* речь идет о готовности британских и американских добровольцев сражаться на стороне курдских бойцов из «Демократических сил Сирии» в войне против турок. Дифференциация в рамках изучаемой оппозиции происходит по региональному параметру: «своими» являются западные добровольцы и курдские войска, «чужими» – Турция. Конфигурационная модель $C_1 \rightarrow + C_2$ выражается в следующем примере: *The 'kindness and comradeship the Kurdish people have shown' was his 'motivation to stand against Turkey' he said as he prepares to take on a sovereign country and a NATO ally*. В данном отрывке британский доброволец по имени Лэй (C_1) положительно оценивает курдский народ (C_2), мотивируя тем самым свое участие в конфликте между Турцией и курдами.

– «чужой» (C) дает отрицательную оценку «своему» (C) (8%)

В медиатексте жанра *feature article Fighting Trumpism without dropping names* влиятельного американского издания The Washington Post описывается предвыборное турне сенатора Элизабет Уоррен в штате Айова, отмечается воздержание сенатора от прямой критики действующего президента США Дональда Трампа, однако, подчеркиваются критические замечания в отношении политики, проводимой правительством, что косвенно подтверждает ее несогласие с действиями Трампа. Разделение на «своего» и «чужого» происходит в данной публикации по параметру «социальные

институты» («демократы vs республиканцы»), а именно, «своим» является Элизабет Уоррен - представитель Демократической партии, которой симпатизирует данное издание, а «чужим» – Дональд Трамп, представляющий интересы Республиканской партии. Конфигурационная модель Ч → – С находит выражение в примере *The claim had drawn criticism from President Trump and other Republicans; after the results were released they continued to criticize her...*, в котором оппоненты-республиканцы (Ч) подвергают критике обнаружение результатов ДНК теста сенатором Уоррен (С).

– «чужой» (Ч₁) дает отрицательную оценку «чужому» (Ч₂) (8%)

В медиатексте влиятельного британского издания The Guardian *How Gillibrand's 'fearlessness' makes her a formidable 2020 contender*, посвященному одному из потенциальных кандидатов на выборах президента США от Демократической партии, Кирстен Джиллибранд, разделение на «своего» и «чужого» осуществляется по параметру «региональное сообщество», на основе чего «своим» является имплицитный автор статьи, а «чужими» – американские политические деятели сенатор штата, Кирстен Джиллибранд, и президент США, Дональд Трамп. Конфигурационная модель Ч₁ → – Ч₂ актуализируется в примере *She called on the president to resign amid allegations of sexual misconduct by as many as 17 women, and infamously told a crowd of Trump's White House tenure: "Has he kept his promises? No. Fuck no."*, в котором Кирстен Джиллибранд (Ч₁) обвиняет президента Трампа (Ч₂) в сексуальных домогательствах в отношении, 17 женщин и призывает последнего уйти в отставку.

– «чужой» (Ч₁) дает положительную оценку «чужому» (Ч₂) (4%)

Во влиятельном британском издании The Guardian медиатекст *Kim-chi and El Trumpo tacos: Singapore feeds pre-summit anticipation* посвящен тому, как люди готовятся и чего ждут от предстоящего саммита между Ким Чен Ыном и Дональдом Трампом в Сингапуре. Оппозиционное разделение на «своего» и «чужого» происходит по параметру «региональное сообщество», «своим» выступает автор публикации, а «чужими» представители Северной Кореи и

США как представители другого регионального сообщества. В отрывке *“I have to admit that when it comes to which is selling better, it is leaning towards Trump as the favourite at the moment,” laughed Ganesh. “That’s just the way of the world isn’t it, everything leans towards Trump”* конфигурация $Ч_1 \rightarrow + Ч_2$ выражается в том, что представитель малого бизнеса в Сингапуре ($Ч_1$) метафорически отмечает, что все в этом мире крутится вокруг Трампа ($Ч_2$).

– «свой» (С) дает положительную оценку «чужому» (Ч) (1%)

В медиатексте жанра *feature article Fact check: Trump says North Korea summit 'productive.' Was it?* популярного американского издания USA Today отмечается положительная позиция Дональда Трампа и его надежды на прогресс в развитии отношений с Северной Кореей, в общем, и в вопросах денуклеаризации, в частности. Дифференциализация на «своего» и «чужого» осуществляется по региональному параметру: США выступают в роли «своих», а Северная Корея – «чужих». Конфигурационная модель $С \rightarrow + Ч$ находит выражение в следующем отрывке упомянутой публикации: *... everybody can now feel much safer than the day I took office. There is no longer a Nuclear Threat from North Korea. Meeting with Kim Jong Un was an interesting and very positive experience. North Korea has great potential for the future!* Здесь Д. Трамп (С) подчеркивает, что встреча с Ким Чен Ыном (Ч) является для него интересным и позитивным опытом.

Делаем вывод, что актуализирующиеся конфигурации $С_1 \rightarrow + С_2$, $С_1 \rightarrow -С_2$, $С \rightarrow + Ч$, $С \rightarrow - Ч$, $Ч \rightarrow - С$ и $Ч_1 \rightarrow + Ч_2$ являются инвариантными для медиатекстов жанров *news report* и *feature article*, в то время как конфигурация $Ч_1 \rightarrow - Ч_2$ является вариативной, поскольку представлена только в медиатекстах жанра *feature article*.

3.1.2.3. Кроме того, как в медиатекстах жанра *news report*, так и жанра *feature article*, были отмечены случаи, когда автор публикации не ассоциирует себя ни с одним героем публикации, как со «своим», и изучаемая оппозиция выражается имплицитно через позицию ее автора. Такие случаи можно представить в виде следующих конфигурационных моделей, которые можно

считать инвариантными, так как они отмечены в медиатекстах обоих изучаемых жанров:

➤ «**имплицитный свой**» (C_{impl}) – автор публикации / **имплицитный субъект оценки** – **дает положительную оценку «чужому» (Ч)** ($C_{impl} \rightarrow + Ч$)

Примером может служить медиатекст влиятельного британского издания The Guardian *'The fight of my life': Elizabeth Warren kicks off 2020 bid in Iowa*, в котором деление на «своего» и «чужого» происходит по параметру «региональное сообщество»: «своим» выступает автор статьи как имплицитный субъект оценки, «чужим» – сенатор США, Элизабет Уоррен. В отрывке *The Democrat, whose criticism of big banks and corporations has made her a progressive star, was appearing as part of a five-city tour across the crucial state over the weekend. She was also scheduled to stop in Sioux City, Storm Lake, Des Moines and Ankeny* автор медиатекста жанра *feature article* (C_{impl}) положительно оценивает Э. Уоррен (Ч), характеризуя ее как «прогрессивную звезду» за ее критику крупных корпораций.

➤ «**имплицитный свой**» (C_{impl}) **дает отрицательную оценку «чужому» (Ч)** ($C_{impl} \rightarrow - Ч$)

Так, в медиатексте *Will Trump let Russia take the Azov Sea?*, опубликованном во влиятельном американском издании The Washington Post, идет речь о так называемой российской агрессии в Азовском море. Разделение на «своего» и «чужого» осуществляется по региональному параметру: «своим» являются США, «чужим» – Россия. Отрывок *Russia has been intensifying the pressure on Ukraine over the past three to four months in small steps, similar to what we saw in Moscow's creeping aggression against Georgia in the spring and summer of 2008... Other Russian actions look ominous in retrospect* является примером упомянутой конфигурации, поскольку автор данной публикации (C_{impl}) отрицательно оценивает действия России (Ч), характеризуя их как «агрессивные» и «зловещие».

3.1.3. Реализация моделей конфигурации оппозиции «свой-чужой»

В ходе проведенного анализа реализации отмеченных конфигурационных моделей реализации оппозиции «свой-чужой» было отмечено, что эта реализация возможна по двум типам, а именно, когда в публикации реализуется лишь одна из представленных выше моделей (одномодельная реализация оппозиции «свой-чужой») или, когда оппозиция «свой-чужой» представлена в одной публикации сразу несколькими моделями (многомодельная реализация оппозиции «свой-чужой»). Отмечаем, что многомодельная реализация оппозиции «свой-чужой» является более репрезентативной в отобранных англоязычных медиатекстах (90%).

3.1.3.1. Так, новостное сообщение *China blasts Mike Pence's 'arrogance and hypocrisy' over human rights remarks*, напечатанное во влиятельном американском издании *New York Post*, является примером многомодельной реализации оппозиции «свой-чужой» в пределах текста публикации. Данный медиатекст посвящен критике политики администрации Д. Трампа и внешнеполитических ошибок в отношениях с Китаем; дифференциация оппозиции «свой-чужой» происходит по принципу «региональное сообщество»: «свой» – США в лице вице-президента М. Пенса, «чужой» – Китай и его власти. Так, в упомянутом медиатексте реализуется сразу четыре конфигурации модели, а именно: $\mathbf{Ч} \rightarrow - \mathbf{С}$, $\mathbf{С}_1 \rightarrow - \mathbf{С}_2$, $\mathbf{С} \rightarrow - \mathbf{Ч}$, $\mathbf{С} \rightarrow + \mathbf{Ч}$.

Примером конфигурации $\mathbf{Ч} \rightarrow - \mathbf{С}$ служит высказывание официального представителя МИД Китая, Хуа Чуньин, *“A handful of politicians with Pence at their head have confused black with white on these issues, making irresponsible remarks and creating rumors to slander others,” she said*, в котором она (Ч) отрицательно оценивает политику, проводимую М. Пенсом (С), отмечая, что та базируется на «легкомысленных комментариях», которые порождают слухи и клевету.

Конфигурация $\mathbf{С}_1 \rightarrow - \mathbf{С}_2$ также находит свое выражение в данном медиатексте: *“In siding with the Chinese Communist Party and silencing free speech, the NBA is acting like a wholly owned subsidiary of the authoritarian regime” for*

failing to stand up to the government's criticism of Rockets general manager Daryl Morey. В данном отрывке М. Пенс (С₁) обвиняет руководителей NBA (С₂) в том, что они поддерживают Компартию Китая и ее политику, тем самым становясь «дочерней фирмой» авторитарного режима.

Примером следующей конфигурационной модели (С → – Ч) в анализируемом медиатексте является отрывок *Pence's speech at the Woodrow Wilson International Center for Scholars was billed as follow-up to an address he gave last year in which he accused China of improperly seeking to influence congressional elections to defeat President Trump*, в котором М. Пенс (С) обвиняет официальный Китай (Ч) в неприемлемых попытках повлиять на президента Трампа посредством вмешательства в выборы в Конгресс США.

Еще одна конфигурационная модель, проявляющаяся в данном новостном сообщении, С → + Ч, находит отражение в следующем: *"He emphasized the US does not want to 'decouple' and repeated how US President Donald Trump is willing to start a new future with China," it said. "He also underlined the friendship between Chinese President Xi and his US counterpart Donald Trump."* В приведенном отрывке отмечается, что М. Пенс (С) все же видит определенные основания для оптимизма в отношении США-Китай, подчеркивая желание американского президента на дружбу и планы на будущее с Китаем (Ч).

3.1.3.2. Медиатекст *No, Trump couldn't shoot someone without being investigated for it* американского влиятельного издания The Washington Post посвящен тому, что президент США ведет себя так, словно он стоит выше закона государства и импичмент ему не грозит, несмотря на все его «противоправные действия на президентском посту». Дифференциация на «своего» и «чужого» в упомянутой публикации происходит по параметру «социальные институты» («демократы vs республиканцы»). Отсюда, Дональд Трамп, представляется «чужим», а представители Демократической партии – «своими». Данный медиатекст служит примером одномодельной реализации оппозиции «свой-чужой», а именно конфигурационная модель С_{impl} → – Ч находит свое

выражение в тексте публикации. Например, в отрывке *The president is arguing that he's completely above the law. He's wrong* автор публикации (C_{impl}) подчеркивает тот факт, что президент Трамп (Ч) считает, что он может превыше закона, однако он ошибается.

Отмечаем, что одномодельная реализация оппозиции «свой-чужой» в отобранных медиатекстах происходит только посредством конфигурационной модели $C_{impl} \rightarrow - Ч$.

3.2. Реализация категории оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе

Как отмечалось ранее, в анализируемых медиатекстах, ключевой темой которых является конфликт, регулярно находит свое аксиологическое выражение лингвокультурологическая оппозиция «свой-чужой», реализующаяся на всех языковых уровнях.

3.2.1. Средства актуализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в британском медиадискурсе

Проведенный анализ медиатекстов британского дискурса СМИ показал, что оценочное выражение оппозиции «свой-чужой» языковыми средствами многообразно и включает языковые средства разных уровней (см. табл. 1).

Таблица 1

Средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе Великобритании

Средства	Количество	%
Лексические	5560	72
Морфологические	1360	15
Синтаксические	980	13
Всего	7900	100

Как свидетельствуют данные таблицы 1, чаще всего оценка в оппозиции «свой-чужой» реализуется именно на лексическом уровне (72%), в то время, как средства морфологического (15%) и синтаксического уровня (13%) относятся нами к вспомогательным, то есть раскрывающимся в полной мере в конвергенции с лексическими средствами.

3.2.1.1. На лексическом уровне оценка в оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе Великобритании может быть выражена лексемами, семы которых содержат оценочный компонент (71%), а также такими лексическими стилистическими приемами (29%), как метафора, метонимия, эвфемизм, дисфемизм.

Полученные данные подтверждают тезис о том, что лексический уровень является основным языковым уровнем, на котором выражается оценка (см. работу О.Л. Бессоновой (Бессонова, 2005)). Наиболее продуктивным средством реализации оппозиции «свой-чужой» на лексическом уровне являются слова и словосочетания, в семантике которых содержится сема оценки, причем лексемы с рациональной оценкой доминируют над эмоционально оценочными единицами. По характеру оценки это могут быть языковые единицы как с отрицательным, так и положительным значением. Например, в медиатексте жанра *news report* британского влиятельного издания *The Guardian No 10 attacks Khan for telling Trump he is unwelcome in UK* говорится о том, что высказывания мэра Лондона, Садика Хана, могут угрожать отношениям Великобритании и США. Оппозиция «свой-чужой» реализуется в данной публикации по конфигурационной модели $C_1 \rightarrow - C_2$, в которой «свой₁» – правительство Великобритании (в лице офиса премьер-министра), а «свой₂» – лидер Лейбористской партии Великобритании, Джереми Корбин, и мэр Лондона, Садик Хан. В примере *Downing Street has accused Jeremy Corbyn and Sadiq Khan of jeopardising relations with the US for telling Donald Trump he was not welcome in Britain, after the president called off a planned visit to London in the face of likely mass protests* аксиологическая оппозиция «свой-чужой» выражена лексемами *to accuse* (в значении ‘claim that (someone) has done something wrong’ (ODEDT)) и *to jeopardise* (в значении ‘put (someone or something) into a situation in which there is a danger of loss, harm, or failure’ (ODEDT)), содержащими семы негативной оценки, для подчеркивания угрозы отношениям между США и Великобританией после слов Хана о том, что приглашение Трампа

(являющегося «чужим») в Лондон является ошибкой, которая может повлечь за собой массовые протесты.

В медиатексте жанра *feature article* британского таблоида Daily Mail *Trump says his predecessors left North Korea to a president 'that scored the highest on tests' as he accuses Russia of helping Kim Jong-un evade sanctions* приводится заявление президента США Дональда Трампа, в котором он обвиняет Россию в попытках помочь Северной Корее избежать международных санкций. Аксиологическое выражение оппозиции «свой-чужой» в данной публикации основано на параметре «региональное сообщество»: «своими» являются США как представитель Запада, а «чужими» – Россия, Китай и Северная Корея как представители Востока. В текстовом фрагменте *Trump praised China for its efforts to restrict oil and coal supplies to North Korea but said Beijing could do much more to help constrain Pyongyang* находим выражение конфигурационной модели $C \rightarrow + Ч$: Трамп («свой») положительно оценивает политику Китая («чужого») по отношению к Северной Корее, что актуализируется использованием положительно оценочной лексемы *to praise* в значении 'to say that you approve of and admire somebody / something' (ODEDT).

Как показывает анализ эмпирического материала, оценочное значение в основном мотивируется семантикой основы, однако иногда оценочная семантика может быть мотивирована и словообразующей (в отличие от формообразующей) морфемой. Например, оценочное противопоставление в дихотомии «свой-чужой» может достигаться за счет использования префиксов, например, *anti-*, выражающего враждебность, и *pro-* в значении 'в поддержку'. Так, в медиатексте жанра *feature article Hong Kong authorities block pro-democracy candidate from byelection*, опубликованном в качественном британском издании The Guardian, речь идет о решении, принятом властями Гонконга, запрещающем членам партии «Демосисто» участвовать в выборах, поскольку манифест партии противоречит Основному закону Гонконга. Оценочная реализация оппозиции «свой-чужой» в данной публикации строится на противопоставлении «своего» в лице демократов Гонконга и

«чужого» в лице властей специального административного района. В отрывке *Hong Kong's embattled **pro-democracy movement** has suffered another blow after authorities barred a leading member of the “umbrella” movement from standing in a byelection* положительный образ «своего» подкрепляется использованием суффикса *pro-* в словосочетании *pro-democracy movement*.

Еще одним средством выражения оценки в анализируемой оппозиции в массмедийном дискурсе Великобритании является лексика с политико-идеологическим компонентом (т.е. лексика, ингерентно обладающая определенными политико-оценочными коннотациями (Добросклонская, 2010). Так, чаще всего негативнооценочные лексемы автор использует для характеристики «чужих» (*dictator, terrorist, assailant* и др.), а лексемы и словосочетания с положительной оценкой являются маркерами «своих» (*western-backed government, peacekeeping force, diplomatic, allies, to bring peace* и др.). В медиатексте жанра *news report* британского популярного издания *Daily Mirror* *Donald Trump launches Iran sanctions branded ‘toughest ever’* речь идет о вступлении в силу самых жестких санкций США против Ирана. Аксиологическое взаимодействие «своего» и «чужого» здесь строится по конфигурационной модели $C \rightarrow - Ч$, где «своим» является США, а «чужим» – Иран по параметру «региональное сообщество». Оценку, выраженную идеологически-модальной лексикой, видим в отрывке *It comes after Trump tore up the 2015 nuclear deal with Iran and six global powers to the dismay of countries including the UK...But the US President branded the deal “an embarrassment” that helped prop up «a corrupt dictatorship»*. Так, Дональд Трамп («свой») негативно оценивает правительство Ирана («чужого»), отмечая, что сделка, заключенная в 2015 между Ираном и странами «шестерки» (США, Францией, Великобританией, Германией, Китаем и Россией) является худшей из сделок, поддерживающей «продажную диктатуру» Ирана.

Еще одним частотным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» является разговорная лексика, т.е. стилистически сниженные лексические единицы: коллоквиализмы, субколлоквиальная или

субстандартная лексика, включающая сленг и просторечие, диалектизмы и вульгаризмы (Арнольд, 2002; Беляева, Хомяков, 2010). Пример находим в медиатексте жанра *feature article* британского качественного издания *The Guardian* (поддерживающего Лейбористскую партию Великобритании), посвященном высокой степени дезорганизации, в состоянии которой находится избирательный штаб Консервативной партии Великобритании, что проявляется в большом количестве организационных и политических ошибок (*The Tories' campaign is a mess...*). Аксиологическое противопоставление в данной публикации строится на конфигурационной модели $C \rightarrow - Ч$, где «свои» – лейбористы, а «чужие» – консерваторы / тори (параметр «социальные институты»). В текстовом фрагменте *Aside from Brexit, this economic message is the centrepiece of the Tory campaign. The fact that the Tories **have screwed up** this announcement suggests things are not working perfectly in Tory HQ* оценка в оппозиции «свой-чужой» выражена стилистически сниженной единицей *to screw up* (в значении 'cause something to fail or go wrong' (ODEDT)). Это подчеркивает тот факт, что своими неубедительными заявлениями тори демонстрируют недостаточный уровень слаженности в ходе предвыборной кампании.

Обращая внимание на эксплицитность или имплицитность выражаемого оценочного значения, отмечаем, что оценка, актуализируемая стилистическими приемами, носит имплицитный характер. Так, наиболее репрезентативными лексическими стилистическими средствами, выражающими оценку в оппозиции «свой-чужой», являются метонимия и метафора (в основном, стертые). Подробный взгляд роль тропов в дискурсе СМИ представлен в работе М.Р. Желтухиной (Желтухина, 2003).

В ходе анализа отмечено, что использование метонимии является достаточно продуктивным средством аксиологической актуализации оппозиции «свой-чужой». Наиболее репрезентативным типом метонимического переноса в анализируемых медиатекстах является синекдоха, в основании которой лежит отношение части к целому. Так, в медиатексте

жанра *feature article* 'Brought to Jesus': the evangelical grip on the Trump administration британского издания The Guardian речь идет о значении самой преданной части электората Д. Трампа («чужой») – белых евангелистах, связь с которыми помогла выстроить США немало союзов за время президентства Трампа. В публикации автор использует стилистический прием синекдохи *Having lost control of the House of Representatives in November, and under ever closer scrutiny for his campaign's links to the Kremlin, Trump's instinct has been to cleave ever closer to his most loyal supporters*, который состоит в использовании существительного *Kremlin* в значении «власти России» («чужой») предположительно для того, чтобы избежать упоминания лиц конкретных политиков и подчеркнуть предполагаемую связь и поддержку Д. Трампа и политических лидеров России.

В ходе анализа отмечено, что для создания образа «своего» и «чужого» автор также прибегает к использованию стилистического приема метафоры. Например, медиатекст жанра *news report*, опубликованный в британском качественном издании The Guardian, *Isis attack on Libya election commission kills more than a dozen* посвящен нападению боевиков ИГИЛ (запрещена на территории РФ) на здание Центральной избирательной комиссии в Ливии. В данном медиатексте оппозиция «свой-чужой» реализуется следующим образом: $C_{impl} \rightarrow - Ч$, где C_{impl} – автор новостного сообщения, а Ч – боевики ИГИЛ. В приведенном текстовом фрагменте *Suicide bombers have stormed Libya's electoral commission in Tripoli* негативная оценка действий боевиков ИГИЛ выражается в метафоре *Suicide bombers have stormed*, которая основывается на принципе сходства действий террористов и внезапного урагана, несущего разрушение.

Менее репрезентативными являются такие лексические стилистические средства, как оксюморон, игра слов, парадокс, эвфемизмы и дисфемизмы. Например, в ходе анализа отмечено, что использование эвфемизмов и дисфемизмов проявляется в «камуфлировании» негативных действий «своего» и гиперболизации отрицательных действий «чужого», что совпадает

с наблюдениями Т.В. Алиевой на материале англоязычного политического дискурса (Алиева, 2013: 18). Так, в новостном сообщении *Moscow blames Israel after Syria shoots down Russian military plane* британского издания *The Guardian*, относящегося в качественной прессе, речь идет о том, что Россия возлагает ответственность за сбитый российский Ил-20 на израильскую авиацию, которая подставила самолет РФ под огонь средств ПВО Сирии. В отрывке *The Israeli prime minister, Benjamin Netanyahu, telephoned Putin to reiterate that the blame lay with Syria and also to offer “all necessary information” to investigate the incident, his office said* автор новостного сообщения использует лексему с отрицательной оценкой *incident* в значении ‘something that happens, especially something unusual or unpleasant’ (ODEDT). В отличие от таких лексем, как *attack, provocation, downing* выбор лексемы *incident* обусловлен желанием смягчить отрицательный иллокутивный эффект при обозначении падения российского самолета в результате действий сирийских ПВО, пытавшихся сбить израильский самолет.

Еще одним стилистическим средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» является аллюзия. В ходе анализа отмечено, что одним из наиболее распространенных способов введения аллюзии в медиатекст является использование аллюзии с деформацией источника. Так, в упомянутом выше новостном сообщении *Why are doctors in the Middle East cosyng up to foreign armies?* координатор «Врачей без границ» Джонатан Уиттал («свой») подчеркивает тот факт, что медики-подрядчики («чужие») нарушают оговоренные положения о нахождении на территории больниц без оружия: *Some TSPs are run by armed medical personnel, some of whom wear patches on their uniforms that say ‘Make Mosul Great Again’*. В данном отрывке упоминается то, что наемные врачи носят на себе нашивки *Make Mosul Great Again*, являющиеся открытым намеком на военную кампанию США *Make America Great Again*.

3.2.1.2. Грамматические (синтаксические и морфологические) средства реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» относятся к вспомогательным

и репрезентируется в медиатекстах через конвергенцию языковых средств разных уровней: лексического, морфологического и синтаксического, тем самым взаимодействуя и создавая образы «своего» и «чужого», формируя их оценочность.

На **морфологическом** уровне оценка в оппозиции «свой-чужой» может реализовываться с помощью местоимений (44%), прилагательных-композитов (22%), наречий (15%), прилагательных в превосходной степени (12%), а также отрицательных частиц (7%).

Одним из наиболее продуктивных морфологических средств реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» является местоимение. Анализ показывает, что на морфологическом уровне маркерами «своего» и «чужого» могут являться местоимения различных разрядов:

– личные (*we, they*): *Longer term, however, **they** will have to abide by Yulia's decision on whether to return to Russia ... (UK-Russia row intensifies as ex-spy...); This issue is a huge burden on **us** ... women and children in particular need rehabilitation ... (Foreign Isis fighters must face trial...);*

– притяжательные (*our, their*): *He added that **their** attacks had been undertaken with the consent and knowledge of the Kremlin (UK accuses Kremlin of ordering series of...);*

– указательные (*these, those*): *The European commission president, Jean-Claude Juncker, said **those** who rely on chemical warfare must be held to account by the world (World reacts to overnight strikes...).*

Анализ показал, что композиты в атрибутивной функции также могут служить средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой». Эти композиты являются многокомпонентными, при этом один из компонентов является полусуффиксом, восходящим к производной основе. В ходе анализа выявлены следующие модели, по которым строятся оценочные композиты: *Adj+PII+N* и *N+PII+(Adj)+N*. Так, в медиатексте жанра *feature article* качественного издания Великобритании The Independent ***Russian-backed Orthodox Church** faces pressure from Kiev and splits within* речь идет о борьбе,

развернувшейся в Киево-Печерской Лавре, между представителями Русской православной церкви и новообразованной Православной церковью Украины. Публикация строится на противопоставлении прихожан Украинской православной церкви Московского патриархата и граждан Украины, поддерживающих ПЦУ. В приведенном выше примере автор укрепляет негативный образ УПЦ Московского патриархата как «чужого», что достигается как раз за счет применения композита *Russian-backed*, что подчеркивает тот факт, что представители этой церкви, по мнению автора, не являются «своими». Е.М. Ефремова относит подобные оценочные композиты к предикативной группе, поскольку они могут быть трансформированы в предложения с предикативной связью (Ефремова, 2012).

В ходе анализа установлено, что наречия являются интенсификаторами оценки, тем самым усиливая положительный или отрицательный образ «своего» и «чужого». Так, в медиатексте жанра *news report Al-Shabaab says it has killed British 'spy' in Somalia* британского издания *The Guardian* речь идет о расстреле сомалийскими исламистами пятерых мужчин, обвиненных в шпионаже, среди которых, по их словам, был и британец. Оппозиция «свой-чужой» в данной публикации строится на конфигурационной модели $C_{impl} \rightarrow - Ч$, где «чужим» выступает исламистская группировка «Аш-Шабаб» (запрещена на территории РФ). В приведенном отрывке *The al-Qaida-linked group routinely shoots people accused of being spies* наречие *routinely* (в значении 'as part of the way in which things are regularly done' (ODEDT)) используется для усиления негативной оценки террористов группировки «Аш-Шабаб» (Ч), подчеркивая тот факт, что человеческая жизнь не представляет для них никакой ценности.

Выражение оценки в оппозиции «свой-чужой» также может достигаться использованием превосходной степени прилагательного. В медиатексте жанра *feature article* британского качественного издания *The Independent* *How long after this week's Gaza massacre are we going to continue pretending that the Palestinians are non-people?* речь идет о массовых протестах, организованных

на границе сектора Газа и Израиля и приуроченных к официальному открытию в Иерусалиме посольства США в Израиле, в ходе которых израильские военные убили, 60 палестинцев. В текстовом фрагменте *And so we come to **the most ghastly** of all fateful events last week: the simultaneous bloodbath in Gaza and the glorious opening of the new US embassy in Jerusalem* отрицательная оценка действий израильской армии как «чужих» усиливается наречием *ghastly* (в значении ‘(of an event) very frightening and unpleasant, because it involves pain, death, etc.’ (ODEDT)), употребленным в превосходной степени, что выражено его аналитической формой *the most ghastly*.

Морфологически оценка в оппозиции «свой-чужой» может также выражаться с помощью отрицательной частицы *not* (в значении ‘used to give the following word or phrase a negative meaning, or to reply in the negative’ (ODEDT)). Медиа-текст жанра *feature article* британского издания *The Guardian* *Donald Trump Jr caught in the middle of far-right insurgency* посвящен расколу среди сторонников Дональда Трампа, в частности, несогласию крайне правой части его электората с риторикой президента и влиянию этого на исход президентских выборов-2020. В текстовом фрагменте “*Trump is many things,*” *Shapiro insisted. “He is **not a white supremacist**, and he is **not an antisemite**”* политический комментатор Бен Шапиро («чужой»), будучи сторонником Трампа («чужой») на выборах-2020, отмечает, что несмотря на изначальную поддержку президента США ультраправыми сторонниками, сам Трамп не является ни белым шовинистом, ни антисемитом, что выражено в модификации негативно оценочных лексем *white supremacist* (в значении ‘a person who believes that white people are better than other races and should be in power’ (ODEDT)) и *antisemite* (в значении ‘a person who hates Jews or treats Jews unfairly’ (ODEDT)) отрицательной частицей *not*, меняющей знак их оценки на противоположный.

К синтаксическим средствам актуализации оценки в лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» относятся вопросительные (16%) и восклицательные предложения (14%), активные и

пассивные залоговые конструкции (11%), модальные высказывания (10%), вопросно-ответные единства (8%), цитация (6%), повелительное наклонение (5%) и синтаксические стилистические средства (30%).

Оценка в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне может реализоваться посредством вопросительных предложений и вопросно-ответных единств. Медиатекст жанра *feature article* издания *The Guardian* *Why does Syria still have chemical weapons?* посвящен очередным обвинениям США и Великобритании в адрес сирийского правительства в связи с якобы нежеланием Башара Асада избавиться от имеющихся остатков химического оружия. Власти Сирии в публикации оцениваются как «чужие». Приведенный выше заголовок представляет собой риторический вопрос, который автор использует для установления контакта с читателями, тем самым изначально негативно оценивая Сирию, поскольку вопрос непосредственно предполагает использование сирийскими властями химического оружия. Для закрепления своеобразного эффекта интеграции автор не только задает читателям вопросы, но и отвечает на них с целью имитации диалога между ним и аудиторией: *Did Syria promise to abandon its chemical weapons stockpile? Yes...In great haste, three days later Syria agreed to join the 1997 Chemical Weapons Convention; Were all Syria's chemical weapons destroyed? No. The OPCW weapons inspectors could only authenticate that declared chemical weapons had been destroyed, even though there were suspicions in the west that Syria had hidden as much as 10% of its stockpile.* Приведенный текстовый фрагмент также раскрывает негативную оценку автором публикации «чужого» – Асада, режим которого автор повторно уличает во вранье по поводу уничтожения имеющегося в стране химического оружия.

Еще одним продуктивным синтаксическим средством реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» являются восклицательные предложения. В анализируемых примерах отмечено взаимодействие оценочного и эмотивного компонентов значения в контексте высказывания, при этом, как отмечает О.Л. Бессонова, данное взаимодействие более часто реализуется в

рамках минимального контекста (Byessonova, 2014). В медиатексте жанра *feature article* *The Guardian Hong Kong police claim university has become 'refuge for criminals'* говорится о том, что университеты Гонконга стали своеобразными центрами протестного движения, больше напоминающими крепости в состоянии осады. «Чужими» в публикации выступают власти Гонконга, «своими» издание позиционирует протестующих студентов. В отрывке *Bricks were strewn across the normally busy, traffic-filled thoroughfares as white-collar workers shouted slogans. Some held placards emblazoned: "Do not shoot our young people!"* восклицательное предложение *Do not shoot our young people!* является средством выражения негативной оценки по отношению к «чужим», использование которого свидетельствует о желании автора более ярко подчеркнуть степень жестокости, проявляемой полицией по отношению к протестующим.

Реализация оценки в оппозиции «свой-чужой» также находит выражение в модальных высказываниях, в которых выраженное модальным глаголом отношение оценивается как плохое / хорошее (подробнее об этом см. (Николаева, 2017: 45). В медиатексте жанра *feature article*, опубликованном в популярном издании *Daily Express*, *ISIS still poses MAJOR threat – terror group stashes £230MILLION to fund future attacks* говорится о том, что угроза, исходящая от боевиков ИГИЛ (запрещена на территории РФ), может сохраниться даже после того, как остатки халифата будут уничтожены в Сирии. В примере *Mr Voronkov warned "radicalised women and traumatised minors may also pose a serious threat"* автор высказывания негативно оценивает ИГИЛ и тех, кто может их поддерживать, как «чужих», выражая свое опасение в связи с вероятной угрозой, исходящей от приверженцев ИГИЛ, что подчеркивается модальным глаголом *may* (в значении 'used to say that something is possible' (ODEDT)).

Актуализация оценки в дихотомии «свой-чужой» может выражаться глагольными конструкциями, в которых глагол функционирует как в форме активного, так и пассивного залога. Так, в медиатексте жанра *news report*,

опубликованного в британском издании *The Guardian*, относящемуся к качественной прессе, *US and UK blame Russia for 'malicious' cyber-offensive* речь идет о совместном техническом предупреждении США и Великобритании, в котором они заявляют о возможной киберугрозе со стороны России. В приведённом примере взаимодействие «своих» – США и Великобритании, с «чужим» – Россией, строится по типу конфигурационной модели $C \rightarrow - Ч$. В отрывке *He said 50% of all UK companies had been attacked and as a result were having to invest millions in cybersecurity* «свой» в лице компаний Великобритании, подвергшихся кибератакам, описывается как с помощью активного, так и пассивного залогов. С одной стороны, пассивный залог в грамматической основе *companies had been attacked*, перемещая акцент с инициатора действий, используется автором для того, чтобы показать незащищенность и невиновность «своего». С другой стороны, активный залог *were having to invest* подчеркивает, что «свой» пойдет на любые затраты с целью предотвратить последующие угрозы со стороны кибертеррористов. Указанные примеры раскрывают негативную оценку по отношению к «чужому» – России, по их словам, представляющей угрозу западной кибербезопасности.

Еще одним синтаксическим средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» является повелительное наклонение. В медиатексте жанра *feature article* британского популярного издания *Daily Express* *EU savaged for FAILURE to stand up to Iran's brutal regime: 'ACT NOW!'* жестко критикуется ЕС за провальные попытки противостоять безжалостному режиму Ирана. Оппозиция «свой-чужой» в публикации раскрывается в конфигурационной модели $C_1 \rightarrow - C_2$: представители ЕС и США выступают «своими» и при этом негативно оцениваются в представленном материале, в то время как «чужими» являются представители Ирана. В текстовом фрагменте *He [former French Senator Jean-Pierre Michel] added: "I want to call upon our governments, European governments, Jean-Yves Le Drian and Federica Mogherini, do not fear the Iranian Resistance. Open your eyes and ears. Retake the dignity that the status*

of Europe brings upon you, take back the dignity of the Europeans. Support the Iranian Resistance” французский политик Жан-Пьер Микаэль (C₁) негативно оценивает бездействие политических лидеров ЕС (C₂) по отношению к непрекращающимся нарушениям прав человека в Иране, что выражается в имплементации повелительного наклонения.

Отмечается, что цитаты являются одним из обязательных элементов новостного и аналитического текстов в средствах массовой информации и служат для выражения авторской оценки и формирования у аудитории определенного образа описываемого события (Кузина, 2016; Негрышев, 2012).

Поскольку цитаты являются неотъемлемым элементом как в медиатекстах жанра *news report*, так и *feature article*, вполне логично, что автор публикации будет прибегать к их использованию с целью оценочного воздействия на аудиторию. Так, в медиатексте жанра *feature article* популярного издания *Daily Mirror* *Donald Trump 'bragged his North Korea summit was bigger than the Oscars' at NATO summit* речь идет о саммите НАТО, в ходе которого президент Трамп хвастался размахом саммита США и Северной Кореи, а также грозился, что США выйдет из состава НАТО, если не будут учтены их требования по расходам на оборону. В данной публикации находим пример оценочного выражения дихотомии «свой-чужой», представленного маркированной авторской цитатой, оформленной с помощью кавычек: *Mr Trump said: "No, that's other people that do that," he replied. "I'm very consistent. I'm a very stable genius"*, где Д. Трамп («чужой») дает положительную оценку проводимой им же политике.

Синтаксические стилистические приемы также являются средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в британском медиадискурсе. Наиболее частотными приемами являются градация и параллелизм. Так, оценка, реализующаяся в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне, находит свое выражение в новостном сообщении *UK accuses Kremlin of ordering series of 'reckless' cyber-attacks*, опубликованном в качественном издании *The Guardian*. Утверждается, что военная разведка России стоит за

кибер нападениями на западные политические институты, корпорации и спортивные организации. Оценочное взаимодействие в рамках оппозиции «свой-чужой» раскрывается в следующем фрагменте: *The British government claimed the attacks **had been conducted** “in flagrant violation of international law, had affected citizens in a large number of countries, including Russia, and had cost national economies millions of pounds”*. В приведенном выше примере для оценки негативных действий России как «чужого» автор прибегает к использованию синтаксического стилистического приема параллелизма, который заключается в повторении идентичной конструкции *Had (been) + PII + (in) N*, с целью эмфатического привлечения внимания аудитории к «злодеяниям», совершаемым Россией.

Еще одним стилистическим средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне является прием градации (климакс). Так, в уже упомянутом выше медиатексте жанра *news report US and UK blame Russia for ‘malicious’ cyber-offensive* положительная оценка совместных действий Великобритании и США раскрывается в отрывке *Rob Joyce, the White House cybersecurity coordinator, set out a range of actions the US could take such as fresh sanctions and indictments as well as retaliating with its own cyber-offensive capabilities. “We are **pushing back** and we are **pushing back hard**,” he said*. В данном примере синтаксический прием эмоциональной градации достигается благодаря повторению конструкции *pushing back, pushing back hard*, подтверждающей тот факт, что «свои» в лице представителей, отвечающих за кибербезопасность, предпринимают попытки по противостоянию «чужому», при этом использование наречия *hard* подчеркивает все усилия со стороны «своих», соответственно характеризует их действия положительно / хорошо.

Менее репрезентативным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» является синтаксический стилистический прием обособления, заключающийся в отделении второстепенных членов предложения с целью акцентирования внимания на них. Так, в медиатексте жанра *feature article 'The fight of my life': Elizabeth Warren kicks off 2020 bid in Iowa* («свой» – автор статьи

как имплицитный субъект оценки, «чужой» – сенатор США, Элизабет Уоррен) в текстовом фрагменте *“That’s the difference in America,” Warren continued. “It is an America right now that works for the rich and the powerful. And we need to call that out for what it is: **corruption, pure and simple**”* оценка со стороны Э. Уоррен выражается в обособлении *corruption, pure and simple*. В приведенном отрывке Э. Уоррен негативно оценивает текущую политику США, направленную на благо богатых и могущественных, что она называет всего лишь обычной коррупцией.

Менее частотным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» может являться и синтаксический стилистический прием повтора. Так, в новостном сообщении *Russia ‘tested its poison on handles’* влиятельного издания The Guardian отмечается, что российские спецслужбы начали тестировать яд на дверных ручках как минимум за, 5 лет до так называемого отравления Сергея и Юлии Скрипалей. В данной публикации синтаксический стилистический прием анафоры (повтор начальных элементов как минимум двух следующих одним за другим предложений) используется автором публикации для того, чтобы подчеркнуть позицию издания о неоспоримости того, что за покушением на Скрипалей стоит Россия («чужой») и никто другой: ***It is highly unlikely that any former Soviet republic (other than Russia) pursued an offensive chemical weapons programme after independence. It is unlikely that novichoks could be made and deployed by non-state actors (eg a criminal or terrorist group).*** Приводимые автором публикации доводы о том, что ни одна из бывших советских республик, кроме России, и никакие негосударственные политические силы (преступные или террористические группировки) не занимались разработками подобного рода химического оружия, свидетельствуют о том, что, по мнению редакции и автора данного медиатекста, единственным исполнителем преступления могли быть только российские спецслужбы.

Еще одним синтаксическим средством реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» является стилистический прием асиндетона, заключающийся в

преднамеренном опущении соединяющих слов. В медиатексте жанра *feature article* популярного издания *Daily Mail* *British volunteers prepare to battle Turkish military in Syria following Erdogan's 'Operation Olive Branch' offensive, saying it is their 'duty' to fight alongside Kurds after helping their struggle against ISIS* речь идет о том, что сотни западных добровольцев сражаются на стороне курдов не только против ИГИЛ (запрещена на территории РФ), но и против турков, проводящих военную операцию в Африне. В отрывке *Senior SDF official Redur Xelil declined to say when the foreigners had gone to Afrin, but said they numbered in the 'tens'. 'They will wage battles against the Turkish invasion,' Xelil said. 'There are Americans, Britons, Germans, different nationalities from Europe, Asia and America,' Xelil said.* Стилистический прием асиндетона подчеркивает тот факт, что союзники, т. е. «свои» (включая Сирийские демократические силы и добровольцев из Европы и США) единым фронтом выступают вести бой против турецкого вторжению на территорию Сирии.

3.2.2. Средства актуализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в американском медиадискурсе

Отмечаем, что реализация оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе США характеризуется сходством набора языковых средств актуализации оценки в лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе Великобритании. Это обусловлено тем фактом, что общность национального языка Великобритании и США, несмотря на вопрос о языковой вариативности, позволяет считать их единым языковым пространством, относящимся к одной языковой картине мира.

Проведенный анализ медиатекстов американского дискурса СМИ показал, что оценочное выражение оппозиции «свой-чужой» языковыми средствами также многообразно и включает языковые средства разных уровней (см. таблицу 2).

**Средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой»
в медиадискурсе США**

Средства	Количество	%
Лексические	5270	72
Морфологические	1200	17
Синтаксические	830	11
Всего	7300	100

Данные, приведенные в таблице 2, показывают, что оценка в оппозиции «свой-чужой» реализуется средствами лексического (72%), морфологического (17%) и синтаксического уровней (11%).

3.2.2.1. Как и в британском медиадискурсе, в американском оценка в оппозиции «свой-чужой» на **лексическом** уровне лексемами, семы которых содержат оценочный компонент (75%), а также лексическими стилистическими приемами (25%). Например, в новостном сообщении качественного американского издания *The New York Times U.N. Panel Links Russia to Potential War Crime in Syria* пейоративная оценка автором («свой») Сирии и России («чужих») реализуется за счет словосочетания, включающего негативно оценочные лексемы *ferocious* (в значении ‘savagely fierce, cruel, or violent’ (ODEDT)) и *offensive* (в значении ‘an attacking military campaign’ (ODEDT)) для характеристики беспощадной атаки «чужих» на район Восточной Гуты, контролируемый сирийскими повстанцами: *The grim conclusions, based on more than 500 interviews, coincided with reports of heavy civilian casualties in the Damascus suburb of eastern Ghouta, where Syrian and Russian forces pushed on with a ferocious offensive aimed at crushing the last major rebel stronghold in the area.*

Оценка в оппозиции «свой-чужой» в американском медиадискурсе может мотивироваться словообразующими формантами. Так, отмечаем роль префиксации как одного из способов актуализации оценочного значения в дихотомии «свой-чужой». В новостном сообщении *New Ukrainian Church Officially Recognized, Gains Independence From Russia* американского

качественного издания The Wall Street Journal речь идет о подписании свидетельства об автокефалии так называемой Православной церкви Украины. Оценочное взаимодействие оппозиции «свой-чужой», базирующееся в данном медиатексте на параметре «социальные институты», представлено следующим образом: Ч₁ → – Ч₂ (Ч₁ – представители Украинской православной церкви Московского патриархата, Ч₂ – представители созданной ПЦУ). Так, в отрывке *The Kremlin and the Russian Orthodox Church, which have claimed dominion over Ukraine for centuries, have **denounced** the move and said it would cause a split in Orthodoxy* представители Русской православной церкви негативно оценивают признание раскола православной церкви на Украине, что реализуется в использовании лексемы *to denounce* (в значении ‘to publicly declare to be wrong or evil’ (ODEDT)), содержащей в своем составе префикс *de-* в значении отхода, отказа от чего-то.

Как и в дискурсе СМИ Великобритании, в медиадискурсе США идеологически-модальная лексика, содержащая оценочный компонент, также является средством реализации оценки в анализируемой оппозиции. Так, в медиатексте качественного американского издания The New York Times, традиционно поддерживающего Демократическую партию США, *Trump Tries to Kill Obamacare by a Thousand Cuts* оценочное взаимодействие «своего», а именно, представителей издания, и «чужого» (Д. Трампа и его соратников) раскрывается в следующем отрывке: *But Mr. Trump and his Republican **allies** in Congress seem unwilling to pursue constructive health care policies because they are **obsessed with undoing Obamacare.*** В приведенном примере «свой» дает негативную оценку политики президента Трампа и его однопартийцев, при этом, употребляясь в контексте в отношении реформы здравоохранения, проводимой президентом Обамой, лексема *ally* (в значении ‘a person or organization that cooperates with or helps another in a particular activity’ (ODEDT)) приобретает негативную окрашенность.

Лексические стилистические приемы также являются продуктивным средством реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в американском

медиадискурсе. Например, для выражения оценки при создании образа «своего» и «чужого» в массмедийном дискурсе США автор прибегает к использованию стилистического приема метафоры. Так, в медиатексте жанра *feature article* *Fact check: Trump says North Korea summit 'productive.' Was it?*, опубликованном в популярном издании США USA Today, оценка в оппозиции «свой-чужой», базирующейся на принципе «региональное сообщество», раскрывается следующим образом: «свой» (автор публикации) дает негативную оценку «чужому» (председатель Государственного совета КНДР Ким Чен Ын). В отрывке *Kim, who is believed to have executed members of his own family whom he perceived as threats, is widely seen as ruling North Korea with an iron fist* жесткая политика северокорейского лидера, в том числе и по отношению к членам семьи, описывается автором публикации как «правление железной рукой».

Проведенный анализ показал, что для выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в американском медиадискурсе автором также применяется стилистический прием оксюморона. Например, в медиатексте жанра *feature article* американского издания, относящегося к popular press, USA Today *Does Trump really want to get us out of Syria? Apparently, not so much* оценочное взаимодействие «своего» (автора) и «чужого» (президента Сирии) строится по модели **С** → – **Ч**. Так, автор негативно характеризует политику президента Сирии, Башара Асада, называя ее ведущей к «ошибочному миру»: *It protracts the civil war and, with it, appalling humanitarian conditions for ordinary Syrians whose lives will be improved by even a **flawed peace** that leaves Assad in power.*

Оценка, реализующаяся через эвфемизацию действий «своих», также находит свое отражение в медиадискурсе США как инструмент сокрытия негативных действий по отношению к «чужим». Например, в заголовке медиатекста жанра *feature article* качественного американского издания The New York Times *Pompeo Calls Attacks on Saudi Arabia 'Act of War' and Seeks Coalition to **Counter** Iran* для номинации военных действий США и коалиции против Ирана автор прибегает к использованию нейтральной лексемы *to*

counter (в значении ‘to respond to hostile speech or action’ (ODEDT)), избегая более резких слов, обозначающих «ведение войны» и тем самым давая положительную оценку действий «своего», что раскрывается в конфигурационной модели $C_1 \rightarrow + C_2$.

Еще одним стилистическим средством реализации оценки на лексическом уровне выступает стилистический прием гиперболы. Так, в медиатексте американского качественного издания *The Washington Post* *No, Trump couldn't shoot someone without being investigated for it* оппозиция «свой-чужой» реализуется по принципу «социальный институт» и раскрывается в модели $C \rightarrow - Ч$, где «свой» – позиция издания, поддерживающего Демократическую партию США, а «чужой» – республиканец президент Трамп. Отрывок *It would make Trump not a president but a king – utterly beyond the reach of the law* является иллюстрацией использования гиперболы, которая состоит в преднамеренном преувеличении значимости Трампа и сравнении его с королем, что тем самым показывает негативную оценку по отношению к нему.

Менее репрезентативным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в американском медиадискурсе является аллюзия. Так, в медиатексте жанра *feature article* качественного издания США *The Washington Post* *While Trump wallows in the White House, America's allies are left on their own* речь идет о том, что пока президент Трамп жалуется в своем Твиттер-аккаунте на то, что ему приходится сидеть в Белом доме в одиночестве и дожидаться решения демократов о финансировании строительства стены на границе с Мексикой, Институт изучения войны (исследовательский центр в США) сообщает о новых намерениях России напасть на Украину. Так, в отрывке *While President Trump was “all by myself in the White House” over Christmas, watching the “guys out on the lawn with machine guns,” Russia's Vladimir Putin seemed to be contemplating another war with Ukraine* автор цитирует твит президента Трампа, а именно, строчку *all by myself* из одноименной песни американского певца Эрика Кармена, тем самым

высмеивая и указывая на некомпетентность президента, подчеркивая, что на данный момент у страны есть дела важнее, чем сидеть и ждать принятия бюджета.

3.2.2.2. Средства **грамматического** уровня являются важным инструментом актуализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе США.

В массмедийном дискурсе США оценка в дихотомии «свой-чужой» на **морфологическом** уровне реализуется с помощью местоимений (42%), наречий (24%), прилагательных в превосходной степени (16%), отрицательных частиц (10%) а также прилагательных-композигов (8%).

Как отмечалось выше (см. п. 3.2.1.2), местоимения различных разрядов, выступая основными маркерами оппозиции «свой-чужой», логично являются неотъемлемым средством реализации оценочного значения в данной дихотомии. Так, оценочное взаимодействие «своего» и «чужого» может выражаться личными (*we, they*): “*We are better; we are different,*” *Prof Fu said* (Hong Kong's universities, the last refuge ...), притяжательными (*our, their*) и указательными (*these, those*) местоимениями: “*We hope **these** Americans can look at **themselves** in the mirror to fix **their own** problems and get **their own** house in order*” (China fires back after ...).

В американском медиадискурсе, как и в медиадискурсе Великобритании, наречия также могут усиливать оценку в оппозиции «свой-чужой». Например, в медиатексте *Deadly ISIS attack hits an aid group, Save the Children, in Afghanistan*, опубликованном в качественном издании США The New York Times, речь идет о теракте в городе Джалал-Абад (Афганистан), целью которого было представительство международной организации Save the Children, занимающейся защитой прав детей. Так, в предложении *Aid organizations have been targeted **repeatedly** in Afghanistan in recent years, forcing some to cut back operations* оценка действий террористов («чужих») интенсифицируется наречием *repeatedly* (в значении ‘over and over again; constantly’ (ODEDT)), которое используется для указания на то, что атака на гуманитарную

организацию не является случайностью и представители террористической группировки ИГИЛ (запрещена на территории РФ) уже не первый раз ставят под угрозу работу различных международных организаций в Афганистане.

Частотным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиатексте США также являются прилагательные в превосходной степени. Так, в медиатексте американского качественного издания *The Washington Post* *Trump dangles Rose Garden treaty moment in quiet peace effort between Serbia and Kosovo* говорится о том, что президент Трамп высказывает желание выступать медиатором в двусторонних переговорах представителей Косово и Сербии, что в дальнейшем может привести к признанию Косово Сербией. Так, в текстовом фрагменте *But the United States considers his overture a first step toward stopping a tit-for-tat escalation over the past two months and a potential return to what had appeared to be the most fruitful efforts in a decade toward a final peace accord* положительная оценка попыток представителей Сербии и Косово урегулировать конфликт и пойти на уступки (не без помощи США) раскрывается в словосочетании *the most fruitful efforts*, в котором эти «усилия» характеризуются положительно оценочным прилагательным в превосходной степени *fruitful* (в значении ‘producing good or helpful results; productive’ (ODEDT)).

Отрицательные частицы также являются средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» на морфологическом уровне. Например, в медиатексте популярного американского издания *USA Today* *'It's a great plan': Trump to release Middle East peace proposal before meeting with Israeli leaders* речь идет о том, что предложенный президентом Трампом план по урегулированию конфликта между Израилем и палестинской автономией устраивает далеко не всех. Оценочное взаимодействие анализируемой оппозиции в данном медиатексте строится по принципу конфигурационной модели $Ч \rightarrow - С$, где Ч – палестинцы, а С – США. Так, в отрывке *In the wake of those steps, Palestinian leader Mahmoud Abbas has refused to engage with the Trump administration, saying the White House is not a neutral broker* президент

частично признанного Государства Палестина, Махмуд Аббас, негативно оценивает роль представителей США в урегулировании конфликта, отмечая, что план Трампа ориентирован исключительно на интересы Израиля, что выражено в выражении *not a neutral broker*.

Частотность использования **синтаксических** средств актуализации оценки в лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе США такова: вопросительные предложения (15%), активные и пассивные залоговые конструкции (14%), восклицательные предложения (10%), модальные высказывания (10%), вопросно-ответные единства (9%), цитация (5%), повелительное наклонение (5%) и синтаксические стилистические средства (32%).

Наиболее репрезентативным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне является вопросительное предложение. Так, в упомянутом выше медиатексте *Will Trump let Russia take the Azov Sea?* негативная оценка по отношению к политике, проводимой президентом Трампом («свой»), реализуется, в первую очередь, посредством риторического вопроса. Кроме того, представляется целесообразным отметить, что риторический вопрос не только предваряет весь медиатекст, выступая в роли заголовка, но и заканчивает его, что в целом позволяет охарактеризовать его как стилистический прием обрамления (кольцевого повтора), что усиливает выражаемую негативную оценку.

В американском медиадискурсе оценка в дихотомии «свой-чужой», реализующаяся на синтаксическом уровне вопросно-ответными единствами, также является довольно репрезентативной. Так, например, в медиатексте *Does Trump really want to get us out of Syria? Apparently, not so much* американского популярного издания USA Today (которое в 2016 г. отступило от своей традиционной политики отказа от публичной поддержки той или иной политической партии США и в период президентских выборов выступало в поддержку кандидатов от Демократической партии) данная синтаксическая структура направлена на усиление эмоциональности

сообщения и тем самым интенсификацию негативной оценки президента Трампа как «чужого», при этом его политика противопоставляется американцам (*us*), что также усиливает оценочную характеристику Трампа как «чужого».

Использование форм активного и пассивного залога как средства актуализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах американского медиадискурса также заслуживает внимания. Так, в новостном сообщении качественного американского издания *The Wall Street Journal* *Kurds and Turkey Accuse Each Other of Cease-Fire Violations* речь идет о взаимных обвинениях со стороны турков и курдов в нарушениях режима прекращения огня. В отрывке *“We don’t deal with the YPG, we deal with the Americans, so it’s their responsibility,” Ibrahim Kalin said. U.S. officials said the Trump administration, which has withdrawn its troops from combat areas, **has been actively involved** in trying to ensure that the agreement is a success. The Kurds were allied with the U.S. in the fight against Islamic State but **Ankara regards them as a terrorist threat*** пресс-секретарь президента Турции Ибрагим Калын отмечает, что ответственность за переговоры несут американцы, поскольку турки не имеют дела с курдскими Отрядами народной самообороны (которых Турция считает террористами). Американские же представители («свои») дают негативную оценку позиции Турции («чужие»), что на синтаксическом уровне, с одной стороны актуализируется в использовании активного залога (*Ankara regards them as a terrorist threat*), а, с другой стороны, Америка снимает с себя ответственность, что достигается применением пассивного залога (*has been actively involved in trying to ensure that the agreement is a success*).

Как уже отмечалось выше, оценка в оппозиции «свой-чужой», реализующаяся в модальных высказываниях, обусловлена тем, что модальный глагол передает положительное или отрицательное отношение субъекта к объекту. Так, в медиатексте американского издания, относящегося к желтой прессе, *New York Daily News* *US criticizes Russia for arming Myanmar amid*

Rohingya crisis говорится о том, что США осудили Россию за решение о продаже оружия Мьянме, что, по мнению Вашингтона, может привести к усилению кризиса с мусульманами рохинджа. Оценочное взаимодействие «своего» (США) и «чужого» базируется на конфигурационной модели $C \rightarrow - Ч$. Так, в отрывке *The United States criticized Russia on Wednesday for approving sales of fighter jets to Myanmar's military despite its deadly operations against Rohingya Muslims, warning that Moscow's actions could make the situation worse* оценка действий России со стороны США проявляется на уровне высказывания *could make the situation worse* с модальным глаголом *could* (в значении 'used to indicate possibility' (ODEDT)) с целью подчеркнуть негативную роль России в ухудшении ситуации в Мьянме, в то время как США представляют себя мирным посредником урегулирования конфликта.

Восклицательные предложения также являются средством актуализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе США. Например, в медиатексте *Trump tells his own spy chiefs to 'go back to school' after they contradict him on North Korea, ISIS, Russia* популярного американского издания *New York Daily News*, поддерживающего демократов, говорится о трениях между президентом Трампом и главами ЦРУ и Национальной разведки на фоне разных взглядов на угрозы национальной безопасности США. Медиатекст построен на оценочном взаимодействии оппозиции «свой-чужой» в конфигурационной модели $Ч_1 \rightarrow - Ч_2$, где $Ч_1$ – президент Трамп, а $Ч_2$ – представители американской разведки при офисе президента Трампа. Так, в медиатексте приводится цитата из твита президента Трампа, которая содержит ряд эмфатических предложений, усиливающих негативную оценку Трампом его агентов разведки, которые, по его мнению, направляют усилия не на те страны, с которыми работать нужно в первую очередь: *«The Intelligence people seem to be extremely passive and naive when it comes to the dangers of Iran. They are wrong!»* the President tweeted. *«Since ending the terrible Iran Nuclear Deal, they are MUCH different, but a source of potential danger and conflict ... There (sic)*

economy is now crashing, which is the only thing holding them back. Be careful of Iran. Perhaps Intelligence should go back to school!».

Проведенный анализ показал, что использование восклицательных и вопросительных предложений как средства реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» обуславливается тем, что эти коммуникативные типы предложений усиливают эффект воздействия и, кроме того, способствуют выражению оценочного отношения. Так, в отрывке *Fuming over the indirect intel rebukes, Trump tweeted Wednesday that Coats and Haspel “are wrong!” and should focus more attention on Iran* оценочное значение реализуется в результате комбинации восклицательного предложения и цитации в сочетании со стилистическим приемом стертой метафоры *to fume over smth* (в значении ‘feel, show, or express great anger’ (ODEDT)), заключающейся в сходстве между состоянием сильного гнева и полыхающим огнем.

В этом же новостном сообщении оценка в конфигурационной модели $Ч_1 \rightarrow - Ч_2$ актуализируется и повелительным наклонением, которое также является важным средством ее выражения в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне: *Hit the books, spy chiefs*. В приведенном примере негативная оценка Трампом действий глав разведслужб выражается идиоматическим выражением на уровне предложения (в форме повелительного наклонения).

Как в медиадискурсе Великобритании, так и в медиадискурсе США, синтаксические стилистические приемы являются актуальным инструментом выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах конфликтной направленности.

Одним из наиболее частотных синтаксических стилистических средств выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в американском медиадискурсе является прием градации. Так, в вышеупомянутом медиатексте *It's a great plan': Trump to release Middle East peace proposal before meeting with Israeli leaders* в цитате президента Трампа *“It’s a great plan. It’s a plan that really would work,” Trump told reporters on Air Force One as he traveled to Florida. He*

said the White House will release the secretive deal "a little bit prior" to the meeting with Netanyahu and Gantz in Washington синтаксический стилистический прием градации служит созданию и укреплению положительной оценки действий сторонников Трампа, а именно, представления Белым Домом плана мирного урегулирования с Израилем, который Трамп характеризует как «великолепный».

Еще одним репрезентативным стилистическим средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне является прием параллелизма. В медиатексте *Does Trump really want to get us out of Syria? Apparently, not so much* раскрывается еще одно оценочное взаимодействие оппозиции «свой-чужой»: $C_1 \rightarrow -C_2$, где C_1 – редакция газеты, а C_2 – администрация президента Трампа. В текстовом фрагменте *That's how the mission creep happens: **There will always be a new leader to assassinate, a new organization to target, a new insurgency to suppress*** негативная оценка обещаний Трампа по выводу американских военных из Сирии строится на параллелизме, а именно на повторяющейся модели *there will be + Noun + Infinitive*, чем автор публикации подчеркивает, что у политиков всегда найдется повод, чтобы сохранить военное присутствие в Сирии и других странах Среднего Востока.

Оценка в оппозиции «свой-чужой» в американском медиадискурсе также может быть выражена синтаксическим стилистическим приемом полисиндетона. В медиатексте *No, Trump couldn't shoot someone without being investigated for it* негативная оценка президента Трампа, основанная на его убеждениях в том, что он, будучи президентом, стоит выше закона, и что он и его соратники не обязаны подчиняться этому закону, выражена в следующем текстовом фрагменте: *Trump has argued **that** his current advisers can't be required to testify before Congress; **that** his former White House advisers can't be required to testify before Congress; **that** executive privilege protects even former advisers who never worked in the White House from testifying before Congress; **that** his administration needn't comply with congressional subpoenas seeking documents; and **that** he needn't provide his tax*

returns in response to state law requiring them. Именно целенаправленное многократное повторение союза *that*, подчеркивая различные аспекты уклонения президентом Трампом от закона, раскрывает негативное оценочное значение на уровне предложения.

В американском медиадискурсе оценка в оппозиции «свой-чужой» часто выражена синтаксическим стилистическим приемом обособления. Медиа́текст популярного издания США *New York Daily News Trump tweets his enthusiasm for 'capable' North Korean Communist dictator Kim Jong Un* посвящен обещаниям президента Трампа того, что с его поддержкой КНДР непременно станет экономическим центром мира. Оценочное взаимодействие в оппозиции «свой-чужой», основанной в данном тексте на параметре «региональное сообщество», строится по конфигурационной модели $C_1 \rightarrow - C_2$, где C_1 – позиция редакции газеты, а C_2 – президент Трамп. В отрывке *President Trump – suspected by many Americans of colluding with former Communist Vladimir Putin – on Friday said he is a big fan of a present-day Communist leader.* Негативная оценка по отношению к Трампу выражается посредством обособления, заключающегося в акцентировании внимания на том, что народ США подозревает своего президента в сговоре с «бывшим коммунистом» президентом Путиным.

Отличия в концептуальных картинах мира британского и американского лингвокультурных сообществ обуславливают определенный алломорфизм в реализации оппозиция «свой-чужой» в медиатекстах конфликтной тематики. В медиадискурсе Великобритании и США создаются совершенно определенные лингвокультурологические образы, отражающие политические, экономические и социокультурные реалии этих государств. Данный тезис подтверждается различиями в тематическом представлении конфликтов, а также в конфигурационной направленности оценочного взаимодействия «своего» и «чужого» в представленной оппозиции.

Проведенный анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что выражение оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах

британского и американского медиадискурса характеризуется симметричным набором средств на разных языковых уровнях. Изоморфизм средств реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе Великобритании и США детерминирован сходством языковых картин мира исследуемых лингвокультур. Зафиксированные отличия касаются тенденций частотности обращения к тому или иному языковому средству.

3.3. Поликодовые средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой»

Важно отметить тот факт, что современные медиатексты инкорпорируют различные семиотические средства, которые играют важную роль в выражении оценки. Современные медиатексты характеризуются исследователями как мультимодальные (Н.В. Чичерина (Чичерина, 2007)), креолизованные (Е.Е. Анисимова (Анисимова, 2003), Н.С. Валгина (Валгина, 2003), Л.Г. Кайда (Кайда, 2017)), поликодовые (В.Е. Чернявская (Чернявская, 2009)), то есть соединяющие разнородные элементы (вербальные, визуальные, аудиальные, аудиовизуальные и другие). В широком смысле поликодовость предполагает сочетание любых различных знаковых систем в пределах одного текста, смешанный характер текстов «с различными невербальными знаковыми системами» (Рождественский, 1979: 166).

Наиболее точным определением поликодовых текстов нам представляется определение В.Е. Чернявской: «поликодовый текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» (Чернявская, 2014).

О поликодности текста свидетельствуют изображения, особенности графического оформления, авторской пунктуации, включение схем, таблиц, фотографий.

В аспекте настоящего исследования наиболее полной представляется классификация поликодовых средств выражения А.Н. Баранова и П.Б. Паршина (Баранов, Паршин, 2018), которые выделяют:

- супраграфемные (кегель, способ начертания, цвет, подчеркивания, использование заглавных и строчных букв),
- топографемные (нестандартное расположение фрагментов текста на странице, пропуски страниц, каллиграммы),
- синграфемные (особенности пунктуации автора: избыточная пунктуация, многоточие, факультативные кавычки)
- иконические (рисунки, фотографии, таблицы, символы)

Проведенный анализ показал, что оценка в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе может реализовываться супраграфемными, иконическими и синграфемными средствами поликодности.

3.3.1. Супраграфемными средствами выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» являются шрифтовое варьирование, а именно, применение капитализации отдельных лексем, курсив, а также использование астериска. Отмечаем, что графические средства выражения оценочного значения являются нехарактерными для медиатекстов, опубликованных в качественной прессе. Однако, в медиатекстах популярной прессы такие случаи находят свое выражение. Так, в отрывке *OUTGOING EU boss Jean Claude Juncker has let rip at Boris Johnson again, accusing him of being a "liar" and spreading "b*****t" in the Brexit referendum* из новостного сообщения *ARE EU SERIOUS? EU boss Jean Claude Juncker brands Boris Johnson a 'liar' who spread 'b*****t' in Brexit referendum* британского таблоида *The Sun* (ARE EU SERIOUS? EU boss...) отмечаем конвергенцию таких супраграфемных средств, как астериск (типографский наборный знак в виде звездочки), использующийся для замещения букв в слове, чтобы избежать нелицеприятного слова, и приема капитализации лексемы с целью прагматического воздействия.

Проведенный анализ показал, что курсив является менее репрезентативным средством актуализации оценочного значения в оппозиции

«свой-чужой». Например, новостное сообщение *Nicaragua's Sandinista stronghold is a city 'at war' with the president* посвящено вооруженным антиправительственным протестам в Никарагуа, причиной которых стала реформа системы социального обеспечения. В медиатексте протестующие рассматриваются как «свои», в то время как президент Ортега и его правительство представляются «чужими». В отрывке *Dozens of barricades, cobbled together with tree trunks, concrete paving stones, metal signs and nail-studded planks, block the path into the heart of what was once a bustling tourist town famed for its artisan market. Mortar-wielding **combatientes** stop, question and search passersby* испанское слово *combatientes* (англ. *combatant* в значении ‘a person engaged in conflict or competition with another’ (ODEDT)) выделяется автором курсивом с целью привлечения внимания к использованию эвфемизма вместо более негативных лексем (например, *rebel* в значении ‘a person who rises in opposition or armed resistance against an established government or leader’ (ODEDT), *rioter* в значении ‘a person who takes part in a riot or violent public disturbance’ (ODEDT) и т. д.)

3.3.2. Проведенный анализ показал, что *иконические средства* также могут рассматриваться как средства актуализации оценочного значения. Отмечаем, что изображения, выражая чувства адресанта и воздействуя на адресата, выполняют экспрессивную функцию, тем самым являются вспомогательным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой». визуальные компоненты – фотография, карикатура и шарж – дополняют и усиливают выражаемую вербальную оценку, что приумножает воздействие газетного медиатекста.

Так, фотографии политиков, вооруженных членов террористических группировок, жертв терактов рассматриваются в настоящем исследовании как невербальный прием имплицитной оценки. Примером такой оценки может служить изображение к новостному сообщению британского издания *The Guardian Trump protests: tens of thousands take to streets across UK*, в котором речь идет о массовых протестах в Лондоне накануне предполагаемого визита

президента Трампа. Негативная оценка президента США визуально усиливается в данном медиатексте за счет публикации фотографии дирижабля, представляющего собой воплощение Д. Трампа в виде кричащего младенца в подгузнике с мобильным телефоном в руке (см. рис. 2).

Рис. 2. Дирижабль в виде «малыша Трампа»

Также довольно часто визуальным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» становится изображение жертв военных действий, терактов и т. д. Так, медиатекст *Outcry over chemical attack in Syria* сопровождается фотографией плачущих детей, которые пострадали в результате предполагаемой химической атаки в городе Дума, ответственность за которую Запад возлагает на правительственные силы Сирии (см. рис. 3.).

Рис. 3. Дети, ожидающие оказания медицинской помощи

Оценка в оппозиции «свой-чужой», закодированная в карикатурах, также находит выражение в англоязычном медиадискурсе. Например, на обложке американского издания *New York Daily News* представлен заголовок *Trump backs enemy Putin over U.S. intel* на фоне карикатурного изображения президента Трампа, по-дружески держащего за руку президента Путина одной рукой, а второй рукой стреляющего в Дядю Сэма, который персонифицирует образ США (см. рис. 4.). Негативная оценка президента Трампа в медиатексте основана на том, что во время Саммита в Хельсинки он отказался комментировать так называемое вмешательство России в президентские выборы в США в, 2016 году, тем самым подтверждая крепкую дружбу с президентом РФ, ради которой он готов пожертвовать благополучием США.

Рис. 4. Обложка New York Daily News от, 17 июля, 2018 г.

3.3.3. В ходе анализа отмечено, что *синграфемные* средства не являются характерными при реализации категории оценки в оппозиции «свой-чужой». Так, были отмечены лишь единичные случаи применения факультативных кавычек как средства актуализации оценочного значения в оппозиции «свой-чужой». Например, в медиатексте *Elizabeth Warren: Who She Is and What She Stands For*, в котором автором дается негативная оценка одному из кандидатов на пост президента Э. Уоррен, наблюдаем применение факультативных кавычек, которые используются для выражения авторской иронии, а не в стандартной функции кавычек – цитации: *She has stood out from many of her opponents by swearing off fund-raisers with wealthy donors, and she spends hours taking pictures with voters who wait in a “selfie line” at the end of her town halls.*

Проведенный анализ подтверждает, что поликодовые средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе являются вспомогательными и усиливают оценочное значение высказывания.

3.4. Типы модификаций оценочного значения в англоязычном медиадискурсе

Поскольку в данном исследовании изучение оппозиции «свой-чужой» осуществляется в рамках медиадискурса, представляется важным подробно рассмотреть влияние контекста на реализацию оценочного значения. Изучение литературы по теории контекста свидетельствует о том, что контекст в лингвистическом понимании – это условия, которые определяют смысл языковой единицы. Наиболее общим определением контекста представляется «ситуация, в которой используется текстовый фрагмент» (RLE, 2010: 528). Заслуживает упоминания определение контекста Н.Н. Амосовой как соединения указательного минимума с семантически реализуемым словом (Амосова, 1968). В основе такого понимания имплицитно заложена модель полисемии и омонимии в языке. Широкое распространение в советской и российской лингвистике получило также определение контекста, данное Г.В. Колшанским, рассматривающим контекст как совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы (Колшанский, 2020).

Существуют различные типологии контекстов. Например, Н.Н. Амосова выделяет следующие типы контекстов:

- лексический (выбор значения ядра зависит только от лексического значения индикатора или индикаторов);
- грамматический / синтаксический (в роли индикатора выступает какая-либо грамматическая функция);
- смешанный (лексико-грамматический);
- речевая ситуация / экстралингвистический контекст (внеязыковые обстоятельства) (Амосова, 1968).

Н.К. Соколова разграничивает следующие виды контекста:

- лингвистический (языковое окружение, в котором употребляется конкретная единица языка в тексте) и экстралингвистический (обстановка, время и место, к которым относится высказывание, а также факты реальной

действительности, знание которых помогает правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании) контексты;

– лексический (совокупность лексических единиц, в окружении которых используется конкретная единица текста) и синтаксический (синтаксическая структура, в рамках которой употреблено конкретное слово в тексте) контексты;

– микрконтекст (узкий контекст – лингвистический контекст в пределах одного словосочетания или предложения) и макрконтекст (широкий контекст – лингвистический контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена языковая единица) (Соколова, 1983).

В настоящей работе за основу берем классификацию контекста А.В. Кунина (Кунин, 1971) и экстраполируем ее на типологию оценочных модификаций реализации оппозиции «свой-чужой». Так, в зависимости от того, какой отрезок речевой последовательности выступает в качестве необходимого и достаточного актуализатора оценочного контекста мы выделяем внутрифразовый или лексический, фразовый или грамматический, смешанный и сверхфразовый или экстралингвистический типы контекста. Принимая за основу данную классификацию, отмечаем, что внутрифразовый контекст является актуализатором оценки, выраженной непосредственно лексической единицей, фразовый контекст является актуализатором оценки, выраженной на уровне предложения, а сверхфразовый – на уровне двух и более предложений.

Исследование показывает, что оценка, реализующаяся в лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой», способна проявлять контекстуально обусловленную динамику, то есть речь идет об ингерентной (закрепленной на уровне семантики слова (Ретунская, 1996) и адгерентной (не обусловленной смысловой структурой слова, а возникающей в речи окказионально в результате контекстуальных или ситуативных факторов (Ретунская, 1996) оценках. Отсюда, в ходе анализа выделяем следующие модели выражения оценочного значения в англоязычных медиатекстах:

реализация узуального оценочного значения, реализация адгерентной оценки, «аксиологическим итогом» (Арутюнова, 1999: 75) которой может быть интенсификация, деинтенсификация, возникновение оценочного значения, а также изменение знака оценки на противоположный (модификация оценочного значения) (см. табл. 3).

Таблица 3

Модели выражения оценочного значения в англоязычных медиатекстах

Модель	Схема	Кол-во в %
Реализация узуального оценочного значения	«+ → +» / «- → -»	64
Изменение знака оценки на противоположный	«+ → -» / «- → +»	16
Возникновение оценочного значения	«0 → +» / «0 → -»	12
Интенсификация оценочного значения	«+ → >+» / «- → >-»	6
Деинтенсификация оценочного значения	«+ → <+» / «- → <-»	2
Всего		100

3.4.1. Как показал анализ, наиболее частотной моделью выражения оценочного значения в оппозиции «свой-чужой» в британских и американских медиатекстах как жанра *news report*, так и *feature article*, опубликованных в изданиях, относящихся как к *quality*, так и *popular press*, является выражение ингерентной оценки, то есть актуализация узуального оценочного значения языковых единиц (64%) – модель «**Реализация узуального оценочного значения**». Так, в текстовом фрагменте новостного сообщения *Turkey invades Kurdish enclave in Syria*, опубликованного в британском качественном издании *The Financial Times*, *The assault, code named Operation Olive Branch, began on Saturday night with a wave of aerial bombardment by Turkish jets, defying a call from the US for restraint* оценочное взаимодействие в оппозиции «свой-чужой» выражается в использовании лексемы с узуальной оценкой *assault* в значении ‘a military attack or raid on an enemy position’ (ODEDT). Отмечаем, что

оппозиция «свой-чужой» в данном медиатексте основывается на параметре «социальный институт» и актуализируется моделью $C_1 \rightarrow -C_2$, где C_1 – США (как страна-член НАТО, оказывающая поддержку курдам на территории Сирии), а C_2 – Турция (тоже страна-член НАТО, считающая курдов террористами).

В отрывке медиатекста жанра *feature article* *What Trump Is Hiding From the Impeachment Hearings*, опубликованного в *The New York Times*, *And while the Ukraine allegations have rightly captured the attention of Congress and much of the public, Mr. Trump's effort to hinder the House investigation of him is at least as great a threat to the rule of law* негативная оценка изданием президента Трампа выражена глаголом *to hinder* (в значении 'make it difficult for (someone) to do something or for (something) to happen' (ODEDT)), в словарном значении которого зафиксированы семы негативной оценки.

3.4.2. В ходе проведенного анализа установлено, что модель «*Изменение знака оценки на противоположный*», также являясь достаточно продуктивной в англоязычном медиадискурсе (16%), может быть представлена схемами «+ → -» и «- → +».

Так, в отрывке медиатекста жанра *feature article* *Jeremy Corbyn personally accused of 11 acts of anti-Semitism in leaked new dossier revealing the scale of Labour 'cover-up'*, опубликованного в качественном издании Великобритании *The Daily Telegraph*, *The submission compiled by the Jewish Labour Movement alleges that Mr Corbyn "has repeatedly associated with, sympathised with and engaged in anti-Semitism"* оценка, реализующаяся глаголом *to sympathise* (в значении 'feel or express sympathy' (ODEDT)), в словарном значении которого зафиксирована сема положительной оценки, меняет свой знак на противоположный (+ → -) в рамках фразового контекста, а именно, на уровне предложения, в котором бывшего председателя Лейбористской партии Великобритании Джереми Корбина обвиняют в игнорировании и потакании антисемитизму в рядах партии. Отметим, что в приведенном медиатексте издания, поддерживающего Консервативную

партию Великобритании, Джереми Корбин представляется «чужим», что базируется на параметре «социальный институт» (С → – Ч).

В отрывке новостного сообщения *In Guinea, Wave of Protests Leaves at Least 11 Dead* американского влиятельного издания *The New York Times* *When he first took office in 2010, Mr. Condé promised to strengthen democracy and **fight corruption*** наблюдаем изменение узуального оценочного значения лексеме *fight* (в значении ‘take part in a violent struggle involving the exchange of physical blows or the use of weapons’ (ODEDT)) под влиянием фразового контекста (– → +), в котором лексическая единица с негативной оценкой *fight* в словосочетании *fight corruption* приобретает положительную окрашенность, поскольку речь идет о таком положительной явлении, как борьба с коррупцией.

3.4.3. Анализ отобранного эмпирического материала показал, что актуализация модели «**Возникновение оценочного значения**» является достаточно частотной в англоязычном медиадискурсе (12%). Эта модель может быть представлена схемой «0 → –» или схемой «0 → +», однако следует отметить, что случаи реализации схемы «0 → +» в материале настоящего исследования выявлены не были. Данный факт может быть обусловлен конфликтной тематикой отобранных медиатекстов. Реализуемое в них оценочное значение является в большей степени пейоративным. Иллюстрацией данной модели может служить отрывок из медиатекста жанра *feature article* *Anti-Muslim incidents 'spiked by 375%' after Boris Johnson mocked Muslim women* британского таблоида *Daily Mirror* *In the week following the publication of Mr Johnson's controversial Telegraph column in which he compared veiled Muslim women to "letterboxes", 38 incidents were reported to police and Tell MAMA*, в котором приводится цитата премьер-министра Великобритании, негативно оценивающего женщин-мусульманок в бурке, сравнивая их с почтовыми ящиками, что реализуется лексемой *letterbox* (в значении ‘a box attached to an outside wall, or a slot in the door of a building, into which mail is delivered’ (ODEDT)). Узуальное значение данной лексической единицы не

является оценочным, однако в анализируемом контексте она используется метафорически и становится негативно оценочной (0 → -).

В текстовом фрагменте новостного сообщения *US official urges Turkey to halt Syria campaign* американского таблоида *New York Daily News* *Over the past month, IS has established a presence in the northwestern Idlib province for the first time in four years, after it was expelled by rival Syrian insurgent groups*, в котором американцы оправдывают свое присутствие в Сирии борьбой с Исламским государством (запрещена на территории РФ), словосочетание с нейтральной оценкой, представленное в форме эвфемизма, *establish a presence* приобретает негативную оценку на уровне фразового контекста, означая на самом деле захват территории, а не просто обеспечение присутствия.

3.4.4. В ходе анализа эмпирического материала отмечено, что модель «*Интенсификация оценочного значения*», представленная схемами «+ → >+» и «- → >-», является менее репрезентативной в англоязычном медиадискурсе (6 %). Данную модель можно проиллюстрировать текстовым фрагментом из медиатекста жанра *feature article* *By cancelling the summit with Kim Jong-un, Trump has put peace on the Korean Peninsula at risk – again*, опубликованного в британском издании *The Independent*: *Even by the usual reckless standards of his foreign policy, Trump has managed to single-handedly derail the total denuclearisation of the Korean Peninsula, in a move that puts peace and stability at risk – again*. В данном фрагменте негативная оценка внешней политики президента Трампа выражается лексемой *reckless* (в значении ‘heedless of danger or the consequences of one's actions; rash or impetuous’ (ODEDT)), модифицируемой прилагательным *usual* (в значении ‘habitually or typically occurring or done’ (ODEDT)), которое усиливает негативное значение лексической единицы *reckless*, что приводит к аксиологическому итогу «- → >-».

В отрывке новостного сообщения *North Korea calls Pompeo 'poisonous plant' for promoting sanctions* американского таблоида *New York Post* “*He is truly impudent enough to utter such thoughtless words which only leave us*

disappointed and skeptical as to whether we can solve any problem with such a guy,” Ri said of Pompeo in the statement выражается негативная оценка в отношении госсекретаря США, Майка Помпео. В данном примере она не только реализуется лексемами *impudent* (в значении ‘not showing due respect for another person; impertinent’ (ODEDT)) и *thoughtless* (в значении ‘(of a person or their behaviour) not showing consideration for the needs of other people’ (ODEDT)), но и усиливается наречиями-интенсификаторами *truly* (в значении ‘to the fullest degree; genuinely or properly’ (ODEDT)) и *such* (в значении ‘to so high a degree; so great (often used to emphasize a quality)’ (ODEDT)) на уровне фразового контекста (– → >–): *truly impudent, such thoughtless words*.

3.4.5. В ходе анализа установлено, что модель «*Деинтенсификация оценочного значения*», которую можно представить в виде схем «+ → <+» и «– → <–», является наименее частотной в англоязычных медиатекстах (2 %). Так, в текстовом фрагменте новостного сообщения *Congress to launch sanctions on Turkey as Trump measures deemed ineffective* качественного британского издания *The Guardian Peter Harrell, former deputy assistant secretary of state for counter threat finance and sanctions, said: “The executive order has the potential to really be quite broad and impose quite draconian sanctions, but the targets the administration has picked to date have been low to mid-range ... So I think **there’s sort of a substantive concern** that the president doesn’t actually intend to be particularly aggressive here”* негативная оценка вводимых президентом Трампом санкций против Турции ослабляется за счет аппроксиматора-деинтенсификатора *sort of* (в значении ‘to some extent; in some way or other’ (ODEDT)) в словосочетании *sort of a substantive concern*.

В отрывке медиатекста жанра *feature article Does Trump really want to get us out of Syria? Apparently, not so much* американского таблоида *USA Today ISIS – getting **less lethal attention** from the Assad regime and a constant feed of recruiting material – is the only winner here* наблюдаем пример реализации оценочного значения, выражаемого лексемой *lethal* (в значении ‘very harmful or destructive’ (ODEDT)). Ослабление оценочного значения происходит

благодаря прилагательному-деинтенсификатору в сравнительной степени *less lethal* (в значении ‘of reduced size, extent, or degree’ (ODEDT)) в словосочетании *less lethal attention* на уровне фразового контекста и основывается на том, что ослабление вооруженного давления правительственных сил Сирии на ИГИЛ (запрещена на территории РФ) в сочетании с постоянной подпиткой новобранцами приводят к улучшению положения террористической группировки.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что оценочное значение по-разному проявляется в оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах как британского, так и американского медиадискурса и зависит непосредственно от контекста, в котором реализуется.

3.5. Оценка и композиционные особенности медиатекстов жанров *news report* и *feature article*

3.5.1. Оценка и композиционные особенности медиатекстов жанра *news report*

Как отмечалось выше (см. п. 1.4), медиатексты жанра *news report* характеризуются определенной структурой, а именно, строятся по принципу «перевернутой пирамиды» (*inverted pyramid*) (см. напр. работы Т.Г. Добросклонской (Добросклонская, 2010), А.В. Колесниченко (Колесниченко, 2008) и др.):

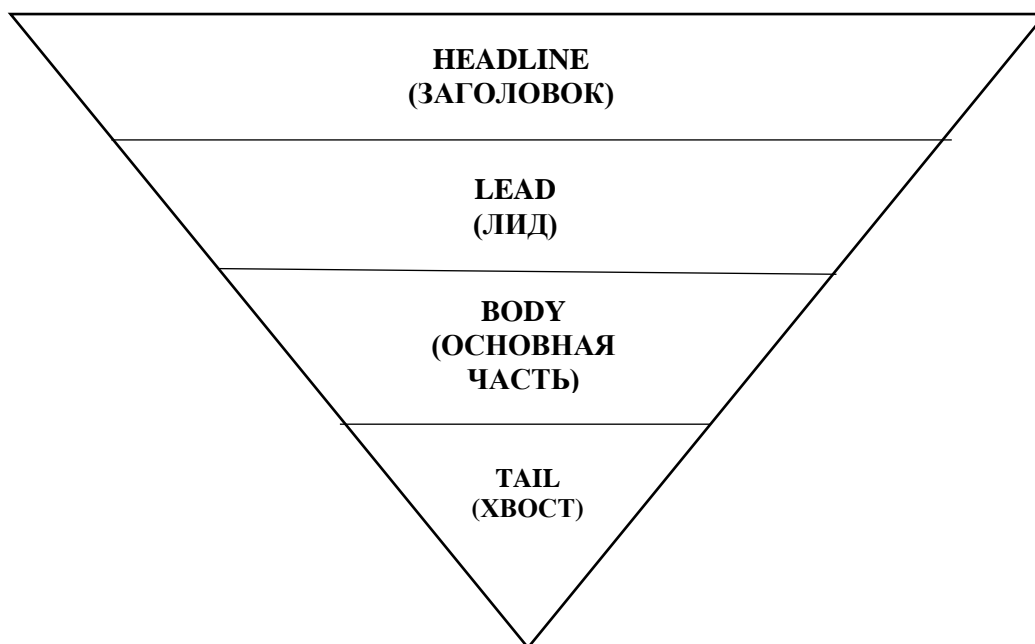

Рис. 5. Структура медиатекста жанра *news report*

Целесообразным представляется продемонстрировать корреляцию композиционных элементов новостного сообщения с особенностями выражения оценки на примере статьи *Congress to launch sanctions on Turkey as Trump measures deemed ineffective*, опубликованной в качественном британском издании *The Guardian* (см. Приложение 3). В анализируемой публикации речь идет о законопроекте, представляемом сенаторами американского Конгресса Линдси Грэмом и Крисом Ван Холленом. Цель законопроекта – ввести более жесткие санкции (по сравнению с ранее введенными президентом Трампом) против Анкары за военную операцию «Источник мира» на севере Сирии против Сирийских демократических сил (СДС), куда входят курдские формирования, которые Турция считает террористическими. Лингвокультурологическая оппозиция «свой-чужой» в анализируемом медиатексте базируется на параметре «региональное сообщество»: «своим» выступает издание, а «чужими» – США и Турция.

3.5.1.1. Основными функциями заголовка являются привлечение внимания читателя и предоставление своеобразного резюме новостного сообщения. Следует подчеркнуть особую роль заголовка в сетевом медиатексте, поскольку в интернет-публикации отсутствует возможность

одновременного прочтения и заголовка, и текста, пока читатель не перейдет по гиперссылке в самом названии. В анализируемом новостном сообщении оценка актуализируется именно в заголовке '*Congress to launch sanctions on Turkey as Trump measures deemed ineffective*': имплицитный субъект оценки (автор новостного сообщения) отрицательно оценивает политику президента США («чужой») в отношении Турции, называя ее неэффективной в словосочетании *deemed ineffective*, тем самым реализовывая модель С → – Ч оппозиции «свой-чужой».

3.5.1.2. Следующим структурным элементом новостного сообщения является вступительный абзац, т. н. лид (англ. *lead*), который содержит наиболее важную информацию – ответы на, 6 специальных вопросов, выработанных в журналистской практике (*5 Ws and 1 H questions*): Кто совершил действие? Что произошло? Когда это случилось? Где произошло? Почему это произошло? Как это случилось?

Несмотря на то, что в лиде дается фактическая информация о происходящем, данная композиционная часть также характеризуется выражением категории оценки. Так, в вводном предложении *Bipartisan bill would force Turkish president to halt military campaign amid reports of widespread human rights abuses* оценка президента Турции («чужой») со стороны «своего» является негативной. Основанием такой оценки является проводимая им политика. Оценка выражена на уровне фразового контекста в словосочетании *widespread human rights abuses*.

3.5.1.3. Основная часть новостного сообщения содержит в себе сочетание фактов о произошедшем событии, цитаты и фоновую информацию. В этой композиционной части продолжаем декодировать оценочный квант, заключающийся в том, что санкции Трампа против Турции являются недостаточными, акцентируя внимание на некомпетентности президента.

В данном новостном сообщении автор приводит критику со стороны политических оппонентов президента Трампа, направленную против введенных им санкций. Так, сенатор-демократ от штата Мэриленд, Крис Ван Холлен,

отмечает, что принятые им меры являются «жалкими»: *Senator van Hollen called the Trump measures a “pathetic response”, pointing out that steel exports to the US were a fraction of one per cent of Turkey’s total exports.* Оценка в данном примере актуализируется негативно оценочной лексемой *pathetic* (в значении ‘miserably inadequate; of very low standard’ (ODEDT)). В данном текстовом фрагменте оценочное взаимодействие оппозиции «свой-чужой» представлено формулой $\mathbf{Ч}_1 \rightarrow - \mathbf{Ч}_2$.

Эта же конфигурационная модель реализуется в цитате бывшего заместителя помощника госсекретаря Питера Харрелла ‘*The executive order has the potential to really be quite broad and impose quite draconian sanctions, but the targets the administration has picked to date have been low to mid-range ... So I think there’s sort of a substantive concern that the president **doesn’t actually intend to be particularly aggressive here***’. Данная цитата соотносится с оценочным квантом о том, что введенные против Турции санкции совершенно не отвечают поставленным целям, в то время, как их масштаб вполне мог бы быть совершенно безжалостным. В анализируемом информационном кванте негативная оценка Турции выражена лексемой *draconian* (в значении ‘excessively harsh and severe’ (ODEDT)). Оценка же Трампа как недостаточно жесткого лидера в данной ситуации выражается с помощью ослабления оценочного значения лексемы *aggressive* (в значении ‘ready or likely to attack or confront; characterized by or resulting from aggression; behaving or done in a determined and forceful way’ (ODEDT)) по формуле « $- \rightarrow <-$ » в рамках контекста на уровне предложения: *doesn’t actually intend to be particularly*.

Кроме того, следует обратить внимание на мысль о том, что слишком мягкие санкции Трампа не находят поддержки даже среди его обычных сторонников: *Donald Trump, widely blamed even by normally loyal supporters for giving a green light to the Turkish invasion, had sought to head off congressional sanctions...* В данном примере оценка раскрывается на уровне фразового контекста (в предложении), то есть для полного декодирования оценочного смысла читатель должен вникнуть в суть предложения, в котором мы видим, что

своими недостаточно жесткими санкциями Трамп дает зеленый свет так называемому вторжению Турции в Сирию, за что и обвиняется своими соратниками. Кроме прочего оценка актуализируется в этом примере стилистическим приемом стертой метафоры *to give green light to do something* (в значении 'to give permission to go ahead with something' (ODEDT)).

Аналогичный квант оценки можно декодировать и в продолжении новостного сообщения. Например, в предложении *However, both administration critics and sanctions analysts said the administration proposal looked **more imposing than it was in reality*** негативная оценка недостаточных санкций против Турции раскрывается через словосочетание *more imposing than it was in reality*, что подтверждает тот факт, что санкции администрации Трампа являются больше показательными, чем направленными на наказание.

3.5.1.4. В «хвосте» / заключении находится менее важная информация, которая может быть сокращена редактором, что не влияет на суть новостного сообщения. Оценка может актуализироваться и в этом структурном элементе медиатекста. Так, оценочный квант «санкции Трампа против Турции не являются серьезными» является своеобразным итогом анализируемого новостного сообщения и актуализируется в цитате директора проекта вооружений и безопасности Центра международной политики Уильяма Хартунга. Он считает, что, если бы администрация Трампа действительно хотела нейтрализовать действия Турции в Сирии, США бы прекратили все поставки оружия для турецкой армии, что повлекло бы за собой снижение боевого потенциала Турции, а пока это всего лишь незначительные экономические меры: *Turkey relies on the US for all of its combat aircraft and two-thirds of its armoured vehicles, so a full withdrawal of US support **could degrade its fighting capability**. And it would send a stronger message than the minimal economic measures the administration has taken thus far.* Оценочное суждение в данном примере строится на предположении У. Хартунга о том, что без поставок США турецкая армия не представляет из себя военной мощи.

Это выражается содержащим сему негативной оценки глаголом *to degrade* (в значении ‘to lower the quality of; to cause to deteriorate’ (ODEDT)).

Как видим из проанализированной публикации, декодирование оценочных квантов в англоязычном медиатексте жанра *news report* конфликтной направленности прослеживается во всех композиционных частях новостного сообщения.

3.5.2. Оценка и композиционные особенности медиатекстов жанра *feature article*

С точки зрения их композиционной организации медиатексты жанра *feature article* отличаются от новостных сообщений (см. п. 1.5). Так, структура *feature articles* напоминает «песочные часы» (*hourglass structure*). Их можно представить так: первая часть, *the top*, состоящая из так называемого лид (или *nut graph*), знакомит читателя с темой и ее значимостью; переход (*the turn*) является своеобразным мостиком, который связывает фоновую новость с ключевой темой обсуждения; детальное изложение событий, а также выводы, представлены в заключительной части *feature article*, называемой *the narrative* (см. рис. 6).

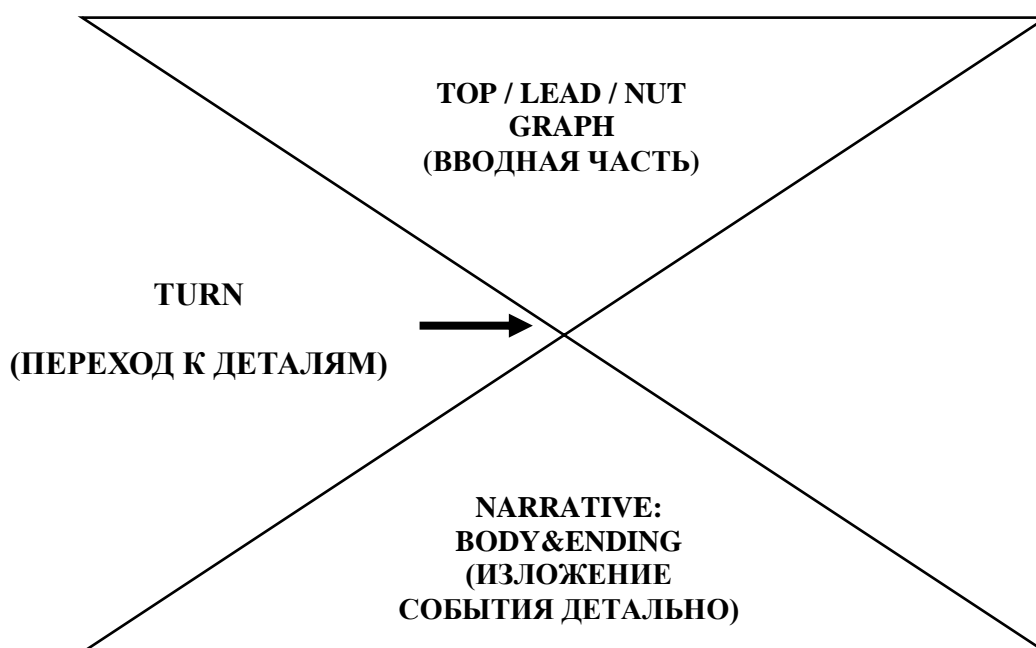

Рис. 6. Структура медиатекста жанра *feature article*

Далее представлен анализ статьи *'Nothing is ours anymore': Kurds forced out of Afrin after Turkish assault* (см. Приложение 4), опубликованной в электронной версии качественного британского издания The Guardian. Данная публикация посвящена тому, что курды (этническая группа на Ближнем Востоке) вынуждены покинуть свои дома в Африне (Сирия) после турецкого нападения в январе, 2018 года. Разграничение на «своего» и «чужого» в рамках лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой», реализуемой в данном медиатексте, основывается на параметре «региональное сообщество».

3.5.2.1. Непосредственно в заголовке *'Nothing is ours anymore': Kurds forced out of Afrin after Turkish assault* рациональная оценка выражена лексемой *assault* в значении 'a military attack or raid on an enemy position' (ODEDT). Кроме того, стилистический прием гиперболы, заключающийся в намеренном преувеличении и представленный в данном примере в форме цитаты *'Nothing is ours anymore'*, служит в качестве интенсификатора оценочного значения на сверхфразовом уровне.

3.5.2.2. В следующей структурной части анализируемой статьи, в так называемом « лиде », *Many who fled the violence January say their homes have been given to Arabs* категория оценки также находит свое выражение. В частности, негативная оценка вторжения Турции на северо-запад Сирии дается на основании того, что сирийским курдам пришлось покинуть свои дома и спастись бегством, что реализуется с помощью метафоры *to flee violence* (в значении 'to escape from violence' (ODEDT))

3.5.2.3. Категория оценки также находит свое выражение и в основной части медиатекстов жанра *feature article*. В начале основной части приводятся обвинения в адрес Турции, выраженные преимущественно метафорическими средствами. В данном медиатексте оценочное значение такого рода реализуется, в большинстве случаев в рамках сверхфразового контекста, например: *'Ankara is quietly orchestrating a demographic shift'*, *'the conquering Turks and their Arab proxies swept in'*, *'creeping influence in the war is anchored'*. Реже оценочное значение актуализируется на фразовом уровне, т. е. в

словосочетании, как в примере *'the chaos of war'*. Анализ свидетельствует о том, что объект оценки (Турция – «чужой») оценивается субъектом отрицательно на основании того, что действия Турции могут вызвать демографический сдвиг в Сирии, внести на территорию страны хаос войны и т. д.

Своеобразным противопоставлением вышеупомянутому оценочному кванту являются «оправдания» турецкой стороны в продолжении анализируемой статьи. Так, автор данного медиатекста приводит цитату президента Турции, Реджепа Эрдогана, в которой отмечается следующее: *'Like Isis, the PKK installed a terrorist administration there by force...'* и *'rival Kurdish factions were silenced violently'*. Т. е. используя лексемы с негативно оценочными компонентами *terrorist* (в значении 'a person who uses unlawful violence and intimidation, especially against civilians, in the pursuit of political aims' (ODEDT)), *by force* (в значении 'involving the use of force' (ODEDT)), *rival* (в значении '[with negative] a person or thing that equals another in quality' (ODEDT)), *silenced violently* (в значении 'cause to become silent using physical force intended to hurt, damage, or kill someone' (ODEDT)), президент таким образом перекладывает ответственность за происходящее с Турции на Рабочую партию Курдистана, которая ко всему прочему сравнивается с ИГИЛ (запрещена на территории РФ) (*Like Isis*), что усиливает негативную оценку.

3.5.2.4. Заключение анализируемого медиатекста представлено в форме комментариев бывших жителей Африна, которые были вынуждены покинуть свой дом. Все комментарии содержат негативную оценку текущей ситуации. Однако, в заключении, так же, как и в основной части статьи, присутствует два сложившихся оценочных кванта: одни жители обвиняют Турцию, другие же наоборот благодарны властям Турции. Так, например, отмечаются последствия турецкого нападения: *Lands are being confiscated, farms, wheat, furniture, nothing is ours anymore; Kurds have been forcibly displaced; it's a deliberate erasing of Kurdish culture.* Однако многие жители наоборот отзываются о ситуации, сложившейся до «нападения» Турции, крайне негативно: *Afrin was lawless and*

dangerous; The Turks try to stop the looting but some militias are very malicious.

Примечательно, что именно в заключительной части статьи находим пример реализации положительной оценки, объектом которой является Турция: *Turkey had used to lead the assault now holding aegis over the town*, в то время как в основной части статьи наблюдалась исключительно негативная оценка обеих сторон конфликта.

Таким образом, в основе структуры статьи – противопоставление взглядов сторон, участвующих в конфликте, на ситуацию, сложившуюся вокруг Африна. Анализ примеров показывает, что в данном медиатексте жанра *feature article* оценка в большинстве случаев является негативной, а объектом этой оценки являются обе стороны конфликта – и Турция, и Сирия.

Приходим к выводу о том, что в англоязычных медиатекстах жанра *feature article*, посвященных конфликтной тематике, как и в текстах жанра *news report* декодирование оценочных квантов возможно во всех композиционных элементах публикации.

3.6. Тактико-стратегическая актуализация оценки в медиадискурсе Великобритании и США

Речевая коммуникация представляет собой стратегический процесс, базисом которого является «выбор оптимальных языковых ресурсов» (Иссерс, 2008).

Медиадискурс обладает когнитивным и коммуникативным компонентами. Когнитивный компонент направляет процесс когнитивной обработки текста адресатом (Колегаева, 1991: 50). Коммуникативный или прагматический компонент представляет собой комплекс правил, которые обеспечивают уместность, действенность, успешность процесса коммуникации. В процессе коммуникации адресант принимает во внимание индивидуальность и социально-ролевые особенности адресата, его систему знаний и ценностей, коммуникативную установку, а также следит за его реакцией и оценивает его речь. В результате, речевая деятельность получает характеристики

целенаправленного процесса, который контролируется и основывается на использовании коммуникативных стратегий и тактик (Кавалджиева-Костурска, Петкова, 2006: 21).

На сегодняшний день в лингвистике существует большое количество определений коммуникативной стратегии и тактики. Так, по мнению О.С. Иссерс под коммуникативной стратегией следует понимать «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2008: 54).

В определении И.Н. Борисовой коммуникативная стратегия есть «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуникантов (Борисова, 1999: 85–86).

У Ю.В. Сорокиной коммуникативная стратегия понимается как «комплекс речевых действий, направленных на достижение глобальной коммуникативной цели, зависящих от личности коммуникантов, отношений между ними и условий между ними. Коммуникативная цель реализуется в определенной коммуникативной (речевой) стратегии, подчиняющей себе процесс речевой коммуникации, в процессе которой автор текста решает ряд практических задач, имеющих промежуточную цель» (Сорокина, 2014: 89).

Переходя к соотношению стратегия – тактика, отмечаем, что «с точки зрения речевого воздействия стратегию можно рассматривать только с помощью анализа тактик, поскольку стратегия является комплексным феноменом, а тактика аспектным» (Паршина, 2005: 138).

Коммуникативная тактика представляет собой совокупность практических речевых ходов в конкретном процессе коммуникативного взаимодействия. Коммуникативная стратегия соотносится прежде всего с реализацией отдельных коммуникативных намерений, направленных на достижение стратегической цели (Арутюнова, 1983).

Под термином «коммуникативная тактика» вслед за О.С. Иссерс подразумеваем «одно или несколько действий, способствующие реализации стратегии. Они связаны между собой как «род и вид»» (Иссерс, 2008: 111).

Можно сделать вывод о том, что коммуникативная тактика – это конкретные способы реализации стратегии. Для реализации одной стратегии могут быть использованы различные тактики.

В своем исследовании И.В. Фролова выделяется объединяющие характеристики оценки и стратегии, принимая во внимание их прагматику (Фролова, 2016: 75):

1) оценка и стратегия в медиатексте реализуются автором осознанно для достижения той или иной цели;

2) субъект целенаправленно оценивает объект с целью манипуляции аудиторией в той или иной степени;

3) целью стратегии, также, как и оценки, выполняющей воздействующую функцию, является влияние на интеллектуальную, эмоциональную и волевою сферы адресата;

4) оценка и стратегия являются социальными сущностями, не существующими вне субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений;

5) стратегия и оценка, проявляя свою зависимость от коммуникативной цели, ситуативны и привязаны к контексту;

6) оценка и стратегия выступают способами прогнозирования, так как они «представляют собой гипотезы относительно будущей ситуации» (Иссерс, 2016: 182).

Отсюда отмечаем, что главной интенцией автора при реализации оценки и стратегии является убеждение читателя, формирование его картины мира, воздействие на разум и эмоции, оценивание фактов и событий. Все выше перечисленное позволяет рассматривать переименование понятий оценки и стратегии в термине «оценочная стратегия», которая представляет собой «комплекс речевых действий, направленных на достижение определенной иллюкативной цели через трансформацию ценностной модели мира адресата» (Бардина, 2004: 5) в направлении, подходящем политике издания.

В ходе анализа эмпирического материала исследования инвентаризированы оценочные стратегии и тактики, определяющие коммуникативную организацию британского и американского медиадискурса конфликтной направленности, в котором актуализируется лингвокультурологическая оппозиция «свой» / «чужой». Наиболее репрезентативными оценочными стратегиями, детерминирующими коммуникативную структуру англоязычного медиадискурса конфликтной направленности, являются стратегии конфронтации, порицания, манипулирования, передачи множественности мнения, одобрения. Отмечаем, что при составлении перечня оценочных стратегий и тактик в настоящем исследовании мы опирались на классификации И.В. Фроловой (Фролова, 2016), Н.С. Цыбиковой (Цыбикова, 2014), Е.А. Шкуратовой (Шкуратова, 2013), И.Д. Стояновой (Стоянова, 2013) и О.Л. Михалёвой (Михалёва, 2009).

3.6.1. Отмечаем, что **стратегия конфронтации**, выражающаяся посредством тактик навешивания ярлыков, угрозы и критики, является ключевой при реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в британском и американском медиадискурсе конфликтной направленности.

3.6.1.1. Тактика навешивания ярлыков заключается в неаргументированной, необъективной характеристике человека или явления, зачастую выраженной в эмоционально окрашенной форме. Так, в отрывке новостного сообщения *Edward Snowden says he searched CIA, NSA databases for proof of aliens* американского таблоида New York Post *The whistleblower – who leaked tens of thousands of files about surveillance in the US during Obama’s presidency – said he believed the practice worsened during his administration* Э. Сноудена «клеят» как разоблачителя, что выражается лексемой *whistleblower* в значении ‘a person who informs on a person or organization regarded as engaging in an unlawful or immoral activity’ (ODEDT).

3.6.1.2. Тактика угрозы, репрезентируя стратегию конфронтации в медиатекстах конфликтной тематики, может быть началом конфликтной

коммуникации, ответной реакцией на какое-то действие, совершенное оппонентом или эмоциональной реакцией.

В новостном сообщении *Turkey's Erdogan threatens to cut ties with US over jailing of banker* британского влиятельного издания The Independent, в котором Турция обвиняет США во вмешательстве во внутренние дела страны, строится на тактике угрозы, заключающейся в том, что связь между двумя странами ставится под угрозу после недемократических действий США: *The bilateral accords between us are losing their validity. I am saddened to say this, but this is how it will be from now on.*

3.6.2. Стратегия порицания, находящая выражение в тактиках признания существования проблемы и обвинения, представляет собой словесное выражение негативной оценки на то или иное действие объекта оценки.

3.6.2.1. Любое общество характеризуется наличием ряда проблем и трудностей, с которыми пытаются справиться люди, находящиеся у власти, что выражается **тактикой признания существования проблемы**.

Например, в новостном сообщении *White supremacist massacre treated as terror* британского качественного издания The Daily Telegraph приводится высказывание директора ФБР США Кристофера Рэя, в котором он отмечает не только факт существования проблемы наличия в США сторонников белого превосходства, но и подтверждает наличие существенной угрозы с их стороны: *In April, Christopher Wray, the FBI director, told of his fears of the threat posed by racist groups, when he appeared before Congress. “The danger I think of white supremacists, violent extremism or any other kind of violent extremism is, of course, significant. We assess that it’s a persistent pervasive threat”.*

3.6.2.2. Тактика обвинения заключается в стремлении приписать вину политическому оппоненту и выставить его в неприглядном свете. В текстовом фрагменте новостного сообщения *China blasts Mike Pence’s ‘arrogance and hypocrisy’ over human rights remarks* американского таблоида New York Post *Beijing fired back at Vice President Mike Pence on Friday for his “arrogance and*

hypocrisy” after he accused China of curtailing human rights and voiced support for Hong Kong pro-democracy demonstrators тактика взаимного обвинения официальным Китаем американского политика и наоборот реализуется на лексическом уровне лексемами *to fire back* и *to accuse* в значениях ‘to quickly react to something that has been said or done’ (ODEDT) и ‘claim that (someone) has done something wrong’ (ODEDT), соответственно.

3.6.3. Оценка в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе также реализуется через **стратегию манипулирования**, т. е. речевое воздействие, посредством которого автор стремится регулировать деятельность адресата, корректировать или изменять его ценности, убеждения (Навасартян, 2017; Прохорова, 2017). Данная стратегия достигается за счет следующих тактик:

3.6.3.1. Тактика использования имен известных персоналий для утверждения авторитета заключается в использовании имен политиков, общественных деятелей и т. д. За каждым известным именем закреплена определенная репутация, которая является основным показателем успешной реализации манипулирования, что и объясняет постоянное наличие в медиатекстах жанров news report и feature article конфликтной тематики таких имен, как *Vladimir Putin, Donald Trump, Kim Jong-un, Bashar al-Assad* и др.

3.6.3.2. Тактика использования топонимов для так называемого географического приближения основывается на особенности людей лучше запоминать то, что они знают, то, что им близко. Анализ показал, что тактика географического приближения является продуктивной тактикой для изложения информации, посвященной тематике конфликта, т. к. для описания конфликтов характерно использование географических наименований, а именно территорий военных действий, стран, принимающих участие в решении того или иного конфликта, а также городов, которые предоставляют свои площадки для проведения переговоров по вопросу различных кризисов. Так, в значительной степени данная тактика реализуется такими прецедентными топонимами, как

White House, Kremlin, Ankara и др., выступающими в медиатекстах в форме метонимических переносов.

3.6.3.3. Тактика концентрации внимания реализуется посредством фразеологизмов, клише, аббревиатур, терминов, способствующих привлечению и удержанию читательского внимания. Так, наиболее часто употребляемыми сокращениями являются следующие: *ISIS/ISIL* (Islamic State of Iraq and the Levant / Islamic State of Iraq and Syria), *UN* (United Nations), *US* (United States), *EU* (European Union) и др. Эти сокращения подразумевают названия террористических группировок, международных организаций, государственных учреждений и т. д.

Достаточно часто журналисты используют клише, которые относятся к дипломатическим переговорам по урегулированию конфликта. Например, во вводной части к медиатексту жанра *feature article* *A Girlhood Without the Taliban* влиятельного американского издания *The New York Times* *The complicated peace process unfolding among the United States, the Afghan government and the Taliban has raised fears in Afghanistan that the Taliban, known for its oppression of women, would again exert authority over their freedom* для реализации тактики концентрации внимания автор использует клише *peace process* (процесс мирного урегулирования) в сочетании с прилагательным *complicated* в значении ‘involving many different and confusing aspects’ (ODEDT).

3.6.3.4. Тактика логической аргументации заключается в использовании числовых данных, служащих выражению эксплицитной оценки. Так, прибегая к количественным данным, намерением автора публикации является вызвать у читателя всплеск эмоций, придать положительную или отрицательную оценку событиям или фактам и таким образом оказать определённое воздействие на позицию адресата. В ходе анализа установлено, что числа и цифры используются журналистами с целью информирования аудитории о количестве жертв и о других показателях, обусловленных темой конфликта, для усиления негативной оценки. Так, например, использование

цифр как доказательной базы наблюдаем в текстовом фрагменте новостного сообщения *Nicaragua used 'weapons of war' to kill protesters, says Amnesty International* качественного британского издания *The Guardian* ***At least 322 people have been killed and 2,000 others injured*** – *mostly by the police and pro-government paramilitary groups – since demonstrations over social security system reforms began in April*, в котором приводятся данные об убитых и раненных в ходе протестов против реформы социального обеспечения в Никарагуа.

Однако, не всегда журналисты используют только точные цифры. Для лучшего восприятия и запоминания читателем материала зачастую цифры округляются, как в заголовке новостного сообщения ***Dozens dead in bombing at Kabul voter registration centre*** влиятельного британского издания *The Guardian*.

3.6.4. Стратегия передачи множественности мнений реализуется тактиками сопоставительного анализа мнений и диалога с читателями.

3.6.4.1. Тактика сопоставительного анализа мнений заключается в аргументации и применении различных субъектов оценки и их мнений. Например, в медиатексте жанра *feature article* *Why we may never know if British troops committed war crimes in Iraq* качественного британского издания *The Guardian*, в котором речь идет об отказе Минобороны Великобритании расследовать военные преступления британских солдат в Ираке, оценочная тактика сопоставительного анализа мнений реализуется в текстовом фрагменте *The families of Iraqi victims in both inquiries were represented by the same lawyer: Phil Shiner, founder of Public Interest Lawyers, a small Birmingham-based practice. Within government, Shiner was hated* – “*We had the strong feeling that he was a bad apple,*” *one former Labour minister told me* – ***but many of his fellow lawyers admired his determination to hold power to account***. Оценка деятельности адвоката Фила Шнайнера, который собрал около тысячи обвинений по отношению к британским солдатам, является в приведенном фрагменте как отрицательной (со стороны правительства), так и положительной, что выражается в поддержке со стороны коллег-юристов, которые восхищаются его стремлением противостоять власти.

3.6.4.2. Тактика диалога с читателями, выраженная прямым обращением в форме вопросов и вопросно-ответных единств, имеет целью привлечение внимания адресата и поддержание эффекта непосредственного контакта с аудиторией. Так, в отрывке новостного сообщения *How Gillibrand's 'fearlessness' makes her a formidable 2020 contender* британского качественного издания *The Guardian* *An outspoken critic of the current administration, Gillibrand, 52, has cultivated the most anti-Trump voting record for any Democrat in the US Senate. She called on the president to resign amid allegations of sexual misconduct by as many as 17 women, and infamously told a crowd of Trump's White House tenure: "Has he kept his promises? No. Fuck no."* негативная оценка президента Трампа достигается за счет реализации тактики диалога с читателем в форме вопросно-ответного единства *Has he kept his promises? No. Fuck no.*

3.6.5. Стратегия одобрения, заключающаяся в признании чего-то хорошим или правильным, представлена тактиками благодарности и признания заслуги и указания на путь решения проблемы.

3.6.5.1. Тактика благодарности и признания заслуги является своеобразным знаком уважения к объекту оценки, отношения к нему как к равному партнеру по коммуникации. В отрывке новостного сообщения *Turkey captures several villages in northern Syria on third day of offensive against US-backed Kurdish militia* британского популярного издания *Daily Mail* *US Secretary of State Rex Tillerson yesterday said he was 'concerned' about Turkey's new offensive and urged all sides to show restraint in the conflict... 'We recognise and fully appreciate Turkey's legitimate right to protect its own citizens from terrorist elements that may be launching attacks against Turkish citizens on Turkish soil from Syria'* данная тактика реализуется в приведенной цитате бывшего Госсекретаря США Рекса Тиллерсона, который отмечает стремление правительства Турции защитить свой народ от атак террористических группировок, в том числе и с территории Сирии.

3.6.5.2. Тактика указания на путь решения проблемы может нейтрализовать негативное отношение к той или иной конфликтной ситуации

за счет предоставления возможных способов достижения решения проблемы. Примером реализации данной тактики является отрывок из новостного сообщения *North Korea could trigger nuclear arms race, CIA director warns* британского качественного издания *The Independent* *Countries surrounding the North, such as South Korea and Japan, would likely be the first to seek armament, experts say. Conservative legislators in Seoul have already suggested that the US re-deploy its nuclear weapons to South Korea or allow them to develop their own, according to Reuters*, в котором на сверхфразовом уровне перечисляются возможные действия стран-соседей Северной Кореи в связи с расширением Пхеньяном программы ядерных вооружений.

3.6.5.3. Тактика указания на успешность заключается в определении достижения поставленной цели путем решения конфликтной ситуации. В текстовом фрагменте новостного сообщения *Democrats strengthen hand in seeking control of House, even if odds of a blue wave are diminishing* американского влиятельного издания *The Washington Post* *Fresh evidence of the party's primary success came Tuesday, when Democrats on California's "top two" ballot succeeded in salvaging spots for several House seats that are considered toss-ups* тактика указания на успешность реализуется на сверхфразовом уровне, где отмечается успех реорганизации Демократической партии США на этапе подготовки возможных кандидатов в президенты США на выборах-2020.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что стратегическое использование лингвистических средств, актуализирующих лингвокультурологическую оппозицию «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе конфликтной тематики, направлено на формирование общественного мнения массовой аудитории, что предопределяет применение таких стратегий, как манипулирование, конфронтация и т. д., что оказывает не прямое, а опосредованное влияние на эмоции и системы ценностей, которые сформировались в сообществе.

Выводы по третьей главе

1. Моделирование реализации оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе предполагает определение конфигураций оценочного взаимодействия «своего» и «чужого». Это взаимодействие может актуализироваться в восьми логически возможных конфигурациях (см. п. 3.1). Шесть конфигураций являются инвариантными ($C_1 \rightarrow + C_2$, $C_1 \rightarrow - C_2$, $C \rightarrow + Ч$, $C \rightarrow - Ч$, $Ч \rightarrow - C$ и $Ч_1 \rightarrow + Ч_2$) и находят свое выражение как в медиатекстах жанра *news report*, так и *feature article*. Вариативной (представленной только в медиатекстах жанра *feature article*) является конфигурация $Ч_1 \rightarrow - Ч_2$. Наиболее частотной конфигурацией в отобранных медиатекстах как жанра *news report*, так и *feature article* является $C \rightarrow - Ч$. Наименее репрезентативным в обоих жанрах является вариант конфигурационной модели $C \rightarrow + Ч$, в котором субъект выражен имплицитно ($C_{impl} \rightarrow + Ч$). Реализация отмеченных моделей взаимодействия возможна по двум типам: одномодельная (когда в медиатексте представлена лишь одна из конфигураций) и многомодельная (когда оппозиция «свой-чужой» представлена в одном медиатексте сразу несколькими конфигурациями) реализация оппозиции «свой-чужой». Проведенный анализ показал, что в случаях одномодельной реализации конфигурация $C_{impl} \rightarrow - Ч$ является универсальной в отобранных медиатекстах. В ходе проведенного анализа установлено, что в медиатекстах жанров *news report* и *feature article*, посвященных конфликтной тематике, реализуются такие два параметра дифференциации «своего» и «чужого» как «социальные институты» и «региональное сообщество», при этом параметр «региональное сообщество» доминирует над параметром «социальные институты».

2. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что актуализация оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе медиадискурсе является своеобразной конвергенцией разноуровневых языковых и поликодовых средств. Так, языковые средства представлены на лексическом и грамматическом уровнях, причем отмечается значительное

преобладание средств лексического уровня, в то время как морфологические и синтаксические средства являются вспомогательными. Инкорпорируемые поликодовые средства (супраграфемные, иконические и синграфемные) усиливают оценку, выраженную языковыми средствами. Анализ показал, что проявление оценочного значения в изучаемой оппозиции в медиатекстах как британского, так и американского медиадискурса характеризуется в целом одинаковым набором средств в силу тематической направленности отобранных для анализа публикаций, посвященных конфликтным ситуациям в мире. Наблюдаемые отличия обусловлены качественным или популярным типом издания, его политической направленностью, избранным способом освещения событий, жанром медиатекста.

3. Отличия в структуре англоязычных медиатекстов конфликтной направленности жанров *news report* и *feature article* не влияют на аксиологическую актуализацию оппозиции «свой-чужой»: декодирование обнаруживает оценочные кванты во всех композиционных частях медиатекстов обоих жанров.

4. Оценка носит рациональный характер в качественной прессе и характеризуется большей степенью имплицитности оценочного значения. Это объясняется тем, что качественной прессе свойственны взвешенность оценок и надежность фактов и мнений, в то время как оценка, актуализирующаяся в публикациях популярной прессы, чаще является эмоциональной и эксплицитной в силу ее направленности на массового читателя.

5. Сложность современной информационной повестки, ее манипулятивный характер, зачастую искаженное представление конфликтных ситуаций способствует повышению роли контекста, влияющего на реализацию оппозиции «свой-чужой». Рассмотрение аксиологической реализации изучаемой лингвокультурологической дихотомии в контексте позволяет получить более полное представление о природе функционирования оценки. Как показало исследование, аксиологическим итогом проявления оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах как

британского, так и американского медиадискурса является реализация как ингерентной, так и адгерентной оценки (в случае актуализации последней говорим об интенсификации, деинтенсификации, возникновении и модификации оценочного значения). Наиболее частотной моделью выражения оценочного значения в оппозиции «свой-чужой» в британских и американских медиатекстах как жанра *news report*, так и *feature article*, опубликованных в изданиях, относящихся как к *quality*, так и *popular press*, является выражение ингерентной оценки, то есть актуализация узуального оценочного значения языковых единиц – модель «реализация узуального оценочного значения» (см. п. 3.4.1). Достаточно продуктивными являются модели «изменение знака оценки на противоположный» (см. п. 3.4.2) и «возникновение оценочного значения» (см. п. 3.4.3). Реализуемое в них оценочное значение является в большей степени пейоративным. Модели «интенсификация оценочного значения» (см. п. 3.4.4) и «деинтенсификация оценочного значения» (см. п. 3.4.5) являются менее репрезентативными в англоязычном медиадискурсе.

б. Как показало исследование, оценка в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе является эффективным способом для передачи коммуникативного намерения говорящего и реализации прагматической функции медиатекста. Инвентаризация оценочных стратегий и тактик, определяющих коммуникативную организацию англоязычного медиадискурса конфликтной направленности, позволила прийти к выводу о том, что наиболее репрезентативными являются оценочные стратегии конфронтации, порицания, манипулирования, передачи множественности мнения, одобрения, которые, в свою очередь, реализуются посредством тактик навешивания ярлыков, угрозы, признания существования проблемы, обвинения, манипулирования, использования имен известных персоналий и топонимов, концентрации внимания, логической аргументации, сопоставительного анализа мнений, диалога с читателями, благодарности и признания заслуги, указания на путь решения проблемы, указания на успешность. Инвентаризированные оценочные стратегии способствуют созданию отрицательного либо положительного образа

«своего» или «чужого» как объекта оценки и определению соответствующего отношения у реципиента.

Основные положения данной главы отражены в публикациях (Гордиенко, 2018а; 2018в; 2018г; 2018д; 2019а; 2019в; 2019г; 2020г; 2020д).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании, выполненном в русле доминирующего в современной лингвистике принципа антропоцентризма, осуществлен комплексный анализ актуализации категории оценки в лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе. Предложенный в диссертации подход интегрирует понятийный аппарат и методы аксиологической лингвистики и медиалингвистики.

1. Анализ современных подходов к исследованию категории оценки позволил определить три основных: логико-философский, коммуникативный, когнитивный. В диссертации последовательно реализуются положения коммуникативного подхода. В данном исследовании оценка понимается вслед за В.Н. Телией как «информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, выделенному относительно того или иного аспекта рассмотрения некоторого объекта» (Телия, 1986: 54). В основу классификации видов оценки положена многоаспектная классификация, в которой последовательно учитываются такие критерии, как аксиологическая интерпретация, наличие или отсутствие эмотивного компонента, соотношение объективного и субъективного факторов оценивания, способ оценивания и влияние контекста.

2. Рассмотрение ключевых понятий медиалингвистики позволяет включить в терминологический аппарат исследования понятия «медiateкста» и «медиадискурса». Медiateкст понимается как взаимосвязь сообщения и канала сообщения, а медиадискурс как сообщение в совокупности с различными компонентами коммуникации. Типологии медiateкстов основываются на различных параметрах, среди которых наиболее актуальными являются параметры, учитывающие форматные, жанровые, институциональные, технические, коммуникативные, идеологические, содержательные особенности медiateкстов. В ходе исследования установлено, что медiateксты жанров *news report* и *feature article* являются базовыми текстами медиадискурса,

обладающими определенным форматом, т. е. соотношением формальных признаков текста и компонентов его содержания. В них наиболее полно реализуется не только одна из главных функций массовой коммуникации – информативная, но и манипулятивная.

3. Лингвокультурологическая оппозиция «свой-чужой» является одним из ключевых конфликтогенов и концептуальной доминантой в дискурсе англоязычных СМИ, что обусловило тематическую направленность медиатекстов, составивших эмпирический корпус исследования. В работе реализуется широкий подход к классификации конфликтов, что объясняется ее междисциплинарным характером. Анализ свидетельствует о том, что медиатексты жанров *news report* и *feature article* британского медиадискурса чаще посвящены внешнеполитическим конфликтам (80%), чем внутригосударственным (20%). В американском медиадискурсе внешнеполитическим конфликтам посвящены, 60% и внутривнутриполитическим конфликтам – 40 % анализируемых медиатекстов.

4. Метод декодирования актуален при анализе современного медиадискурса, поскольку позволяет распознать аксиологический характер оценочных смыслов и представить их корректную интерпретацию. Применение процедуры квантования и оценочного декодирования в медиадискурсе представляется целесообразным и эффективным в условиях гибридных войн, когда СМИ рассматриваются как идеологическое оружие и как средство воздействия на общественное мнение. Предложенная в исследовании методика интегрирует важные для анализа эмпирического материала параметры, среди которых выделение конфигурационных моделей аксиологического взаимодействия «своего» и «чужого», описание разноуровневых средств актуализации оценки в оппозиции «свой-чужой», установление типов модификации оценочного значения в контексте, инвентаризация оценочных стратегий и тактик, детерминирующих коммуникативную организацию британского и американского медиадискурса конфликтной направленности, в котором реализуется аксиологическая оппозиция «свой-чужой». Предложенная

методика позволяет установить сходства и отличия реализации лингвокультурологической аксиологической оппозиции в медиадискурсе Великобритании и США и в медиатекстах жанров *news report* и *feature article*.

5. Актуализация оценочного взаимодействия «своего» и «чужого» происходит в рамках шести инвариантных конфигураций, которые находят свое выражение в медиатекстах обоих жанров, и в одной вариативной конфигурации, представленной только в медиатекстах жанра *feature article*. Изоморфизм оценочного взаимодействия компонентов оппозиции проявляется в том, что наиболее частотной конфигурацией является $C \rightarrow - Ч$. Вариантом реализации данной дихотомии является ее многомодельное или одномодельное проявление в рамках одного медиатекста. Модификация конфигурационной модели $C \rightarrow - Ч$, в котором субъект выражен имплицитно ($C_{impl} \rightarrow - Ч$) является универсальной в случае одномодельной реализации оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах как британского, так и американского медиадискурса. Оппозиция «свой-чужой» чаще находит выражение в публикациях влиятельных изданий (65% случаев реализуемых конфигурационных моделей были эксплицированы в изданиях, относящихся к *quality press*).

6. Проявление оценочного значения в оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах англоязычного медиадискурса характеризуется симметричным набором средств на разных языковых уровнях как в британском, так и американском вариантах. Выражение оценки в рамках изучаемой оппозиции может быть охарактеризовано как изоморфное, что детерминировано сходством языковых картин мира исследуемых лингвокультур, с одной стороны, и конфликтной тематикой медиатекстов в эмпирическом корпусе, с другой стороны. Зафиксированные отличия касаются тенденций частотности использования того или иного языкового средства.

7. В британских и американских медиатекстах анализируемых жанров в изданиях качественной и популярной прессы чаще всего выражается ингерентная оценка. Продуктивными также являются модели «изменение

знака оценки на противоположный» и «возникновение оценочного значения», причем в данных моделях оценочное значение является в основном отрицательным.

8. Анализ отобранных медиатекстов жанров *news report* и *feature article* показал, что наряду с их основными функциями – информированием и сообщением, существует функция влияния на адресата, которая в медиадискурсе конфликтной направленности реализуется через речевое воздействие, посредством которого автор стремится регулировать деятельность адресата, корректировать или изменять его ценности, убеждения. Ключевыми стратегиями англоязычного медиадискурса конфликтной тематики являются стратегии конфронтации, порицания, манипулирования, имплицитные отрицательную оценочность. Инвентаризированные оценочные стратегии и репрезентирующие их тактики способствуют созданию отрицательного либо положительного образа «своего» или «чужого» как объекта оценки и формированию соответствующего отношения у реципиента.

Дальнейшее исследование аксиологической реализации оппозиции «свой-чужой» является перспективным в нескольких направлениях. Так, перспективы изучения связаны с расширением жанрового разнообразия и тематики медиатекстов для анализа. Представляется перспективным введение в методику исследования реализации оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе критерия «канал распространения» (радио, телевидение, интернет), что позволит проследить особенности изучаемой оппозиции в разных типах коммуникации. Также возможным направлением исследования является сопоставительный ракурс рассмотрения актуализации аксиологической оппозиции «свой-чужой» в разных типах дискурса. Сопоставительный аспект исследования данной оппозиции на материале разноструктурных языков также может представлять интерес с точки зрения перспектив данного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Т.В. Референдум Брексит: языковые средства актуализации оппозиции «свой-чужой» // Вестник Московского государственного областного университета. Лингвистика. – 2017. – № 3. – С. 8–13.
2. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе. – М., 2013. – 28 с.
3. Амосова Н.Н. Английская контекстология. – Л., 1968. – 374 с.
4. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Academia, 2003. – 122 с.
5. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – СПб.: ПИТЕР, 2008. – 496 с.
6. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. – М.: Языки славянских культур, 2009. – Т. 1: Парадигматика. – 567 с.
7. Арнольд И.В. Роль квантования, текстовой импликации и презумпции в семантике поэтического текста // Разноуровневые единицы языка в содержательно коммуникативной организации текста: межвуз. сб. науч. тр. – Челябинск, 1988. – С. 19–25.
8. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – 4-е изд. – Москва: Ленанд, 2016. – 448 с. – ISBN 978-5-9710-3010-2.
9. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
10. Арустамян Л.В. Средства выражения когнитивного фрейма «conflict» [Электронный ресурс] // Университетские вести Пятигорского государственного университета. – Пятигорск, 2009. – Ч. 05. – Режим доступа: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=2995&ELEMENT_ID=13715. (дата обращения: 12.03.2019).
11. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 206–208.

12. Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – Киев: Высшая школа, 1983. – С. 11–13.
13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XV. – 896 с.
15. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М.: Флинта, 2006. – 496 с.
16. Баженова Е.А. Роль прецедентных текстов в кодировании и декодировании смысла речевого сообщения // Социо- и психолингвистические исследования. – 2017. – № 5. – С. 80–84.
17. Балли Ш. Французская стилистика. – 2-е изд., стереот. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с. – ISBN 5-8360-0407-2.
18. Балясникова О.В. «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур. – М., 2003. – 224 с.
19. Бараева О.Г. Концептуализация понятия «конфликт» в русской национальной картине мира второй половины XX в.-начала XXI в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. – Краснодар, 2009. – 27 с.
20. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Ометаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2018. – Т. 17. № 3. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1>.
21. Бардина Н.Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка (на материалах политической риторики и социально-бытового общения): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Иркутск, 2004. – 16 с.
22. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации / отв. ред. А.И. Чередниченко. – Киев: Астрейя, 1997. – 300 с.

23. Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 160 с. – ISBN 5-204-00215-4.
24. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. – 2-е изд. – URSS, 2010. – 136 с.
25. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения [Электронный ресурс] // Библиотека Вехи. – 2001. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/mirobj/03.html>. (дата обращения: 15.02.2019).
26. Бернштейн С.И. Язык радио. – М.: Наука, 1977. – 47 с.
27. Бессонова О.Л. Сопоставительный аспект лингвокогнитивных исследований // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. – М., 2015. – С. 577–581.
28. Бессонова О.Л. Выражение оценки единицами разных частей речи // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. – 2005. – № 1. – С. 13–17.
29. Бессонова О.Л. Основные характеристики оценочного тезауруса английского языка // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXVIII. Слово. Текст. In Aevum: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 216 с. – ISBN 978-5-8064-2720-6.
30. Бессонова О.Л. Оценка как семантический компонент лексического значения слова (на материале существительных-наименований лица в английском, французском и украинском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – общее языкознание. – Донецк, 1995. – 16 с.
31. Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти: монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362 с.
32. Блинова О.А. Персональная идентичность в контексте отношения «Я-Другой»: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры. – Челябинск, 2009. – 22 с.
33. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 81–96.

34. Бубер М. Изреченное слово / пер. с нем. А.Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. – Вып. 2 (41). – С. 21–30.
35. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
36. Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Минск, 1999. – 176 с.
37. Варченко В.В. Цитатная речь в медиа-тексте. – URSS, 2012. – 240 с. – ISBN: 978-5-397-02413-6.
38. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. – М., 1982. – 198 с.
39. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
40. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
41. Винокур Г.О. Культура языка / предисл. Л.П. Крысина. – 3-е изд., доп. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.
42. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
43. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. – 3-е изд., стереот. – М., 2006. – 280 с.
44. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
45. Воротникова Ю.С. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Санкт-Петербург, 2005. – 212 с.
46. Воскресенская М.А. Общественная миссия журналистики в дискурсе российской модернизации // Общество: политика, экономика, право. – 2012. – № 4. – С. 11–16.
47. Выходцева И.С. Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре (20-30-е гг.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. – Саратов, 2006. – 187 с.

48. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 87–95.
49. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2008. – 144 с.
50. Гальперин И.Р. English Stylistics. – М.: URSS, 2018. – 336 с.
51. Гедгафова Н.А. Типология газетных жанров // Вопросы филологии и переводоведения. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2015. – С. 14–17.
52. Гилева А.В. Оценочные стратегии в языке британской качественной и массовой прессы: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Москва, 2005. – 249 с.
53. Голованевский А.Л. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах (на материале русского языка) // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 78–87.
54. Голубев В.Ю. Американская пресса в свете функциональной стилистики: субъективные жанры // Лингвистическая мозаика. Наблюдения, поиски, открытия. – Волгоград, 2001. – Вып. 2. – С. 47–55.
55. Гордиенко Е.В. Выражение категории оценки в британских газетных заголовках // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018а. – № 18 (816). – С. 74–85.
56. Гордиенко Е.В. Оппозиция «свой-чужой» в новостных медиатекстах газеты The Guardian // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – Донецк, 2018б. – Т. 14. – № 2-3 (40-41). – С. 19–30.
57. Гордиенко Е.В. Оценочная семантика новостных сообщений в британском медиадискурсе // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ. – 2018в. – С. 430–436.

58. Гордиенко Е.В. Реализация категории оценки в англоязычном медиадискурсе // Германистика 2018: *nove et nova*: международ. науч. конф., 29–30 марта 2018 г.: тезисы докладов. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018г. – С. 30.

59. Гордиенко Е.В. Реализация оценки в британских медиатекстах жанра *feature* // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: III Международ. науч. конф., 25 окт. 2018 г.: материалы. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018д. – Т. 5. – С. 59–61.

60. Гордиенко Е.В. Категория оценки в современном британском и американском медиадискурсах // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – Донецк: ДонНУ, 2019а. – Т. 15. – Вып. 3 (45). – С. 91–101.

61. Гордиенко Е.В. Освещение темы конфликта в англоязычных медиатекстах // Язык как зеркало культуры: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора М.В. Пименовой. Серия «Концептуальные исследования». – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019б. – Вып. 24. – С. 236–243.

62. Гордиенко Е.В. Особенности реализации категории оценки в англоязычных медиатекстах жанра ‘features’ // *STUDIA LINGUISTICA*. Вып. XXVIII. Слово. Текст. In *Aevum*: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019в. – С. 155–161.

63. Гордиенко Е.В. Реализация оценки в новостных заголовках британских и американских СМИ // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. тр.: в 2-х т. – Москва: МГИМО-Университет, 2019г. – Т. 1. – С. 34–40.

64. Гордиенко Е.В. Тема конфликта в англоязычном медиадискурсе // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сб. науч. ст. к 30-летнему юбилею Санкт-Петербургского института иностранных языков / под общей ред. М. В.Пименовой. Серия «Концептуальные исследования». – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019д. – Вып. 23. – С. 259–263.

65. Гордиенко Е.В. Декодирование оценочных квантов в англоязычном медиадискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2020а. – № 2. – С. 87–96.

66. Гордиенко Е.В. Методика анализа актуализации оценочных смыслов в оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах, посвященных конфликтам // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: V Международ. науч. конф., 17–18 ноября 2020 г.: материалы. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020б. – Т. 5: Филологические науки. Библиотечное дело. – С. 141–143.

67. Гордиенко Е.В. Особенности декодирования оценочных смыслов в англоязычных медиатекстах жанра *feature article* // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2020в. – № 4. – С. 99–107. – DOI: 10.25688/2076-913X.2020.40.4.11.

68. Гордиенко Е.В. Оценочный потенциал новостных заголовков в медиадискурсе США // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXIX. Стратегии развития современных лингвистических исследований. Традиции и поиск нового: сб. науч. тр. – СПб.: Политехника сервис, 2020г. – С. 66–71.

69. Гордиенко Е.В. Синтаксические средства реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – Донецк: ДонНУ, 2020д. – Т. 16. – Вып. 4 (50). – С. 17–26.

70. Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики. – Воронеж: НАУКА – ЮНИПРЕСС, 2014. – 295 с.

71. Гришина Н.В. Психология конфликта. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.

72. Дедова О.В. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. – М., 2006. – 24 с.

73. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. – 2-е изд. – URSS, 2015. – 320 с. – ISBN 978-5-9710-1387-7.

74. Дементьева М.К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2009. – 4 (30). – С. 82–92.

75. Дмитриев А.В. Конфликтология. – М.: Альфа-М., 2003. – 336 с.

76. Добросклонская Т.Г. Язык британской качественной прессы: новости, комментарий, публицистика // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 197–211.

77. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М.: Наука, 2008. – 264 с. – ISBN 978-5-9765-0273-4.

78. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. – 3-е изд. – М.: КРАСАНД, 2010. – 288 с.

79. Добросклонская Т.Г. Методология анализа медиатекстов в условиях конвергентных СМИ // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: материалы международной научной конференции. – М.: Academia Москва, 2013. – С. 41–48.

80. Донец П.Н. К вопросу об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 93–99.

81. Дормидонтова О.А. Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (21): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 47–49.

82. Дридзе Т.М. Информативно-целевой анализ содержания текстовых источников // Методы сбора информации в социологическом исследовании. – М.: Наука, 1990. – Кн. 2. – 224 с.

83. Дускаева Л.Р., Цветова Н.С. Феноменология газетного текста // Стереотипность и творчество в тексте / под ред. М.П. Котюровой. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011. – Вып. 15. – С. 103–118.

84. Дускаева Л.Р. Медиадискурс // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. – М.: Флинта, 2018. – С. 55–61.
85. Дускаева Л.Р. Медиалингвистика // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. – М.: Флинта, 2018. – С. 61–63.
86. Ефимова С.И. Языковые особенности жанра feature (на материале журналов «GEO» и «GEO TRAVELLER») // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 38–39
87. Ефремова Е.М. Субстантивные модели многокомпонентных композитов в современном английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 3. – С. 54–58.
88. Жданова В.В. Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-языкового сознания // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 151–160.
89. Желтухина М.Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3-4. – С. 292–295.
90. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: Ин-т языкозн. РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
91. Журтова О.А. Роль авторской графики в просодической реализации информационной структуры художественного текста (на материале англоязычной художественной прозы второй половины XX века): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – М., 2005. – 16 с.
92. Засурский Я.Н. Колонка редактора: Медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 3–7. – ISSN 0201-7385.
93. Заятуева Л.Г. Эмоционально-оценочные смыслы в художественном тексте на фразеологическом уровне: Коммуникативно-прагматический

ракурс: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05 – романские языки. – Москва, 1999. – 216 с.

94. Иванов М.Н. Типообразующие соотношения архетипа «свой / чужой» и склонности к терроризму: психофизиологические предикторы: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.02 – психофизиология. – Уфа, 2004. – 154 с.

95. Иванова К.А. Лексические средства интенсификации оценочного значения в информационно-аналитических интернет-текстах // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 1 (3). – С. 88–96.

96. Иванова С.В. Дейктико-аксиологическая природа лингвокультурологической категории «СВОЙ – ЧУЖОЙ» // Homo loquens в языке, культуре, познании: сб. науч. ст. к 70-летию проф. Р.З. Мурясова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – Ч. I. – С. 120–132.

97. Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография. – М.: Проспект, 2016. – 318 с.

98. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. – 5-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.

99. Кавалджиева-Костурска Р., Петкова С. Коммуникативные тактики говорящего при реализации реквестивных речевых актов // Болгарская русистика. – 2006. – № 3–4. – С. 21–30.

100. Казмирова О.В. Фактор адресанта как жанрообразующая категория публицистического текста (на материале англоязычного очерка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Минск, 2017. – 25 с.

101. Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию [Электронный ресурс]. – 4-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 208 с. – ISBN 978-5-89349-665-9. – Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/244293>. (дата обращения: 02.04.2020).

102. Калташкина Е.Ю. Прагматические аспекты изучения политического медиадискурса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 27–32.
103. Кара-Мурза Е.С. Язык современной русской рекламы // Язык массовой и межличностной коммуникации: коллективная монография / под ред. Г.Я. Солганика. – М.: Медиамир, 2007. – С. 479–552.
104. Карасик В.И. Языковое проявление личности: монография. – 2-е изд., стер. – Москва: Гнозис, 2015. – 383 с. – Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика».
105. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
106. Караулов Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык и дискурс СМИ в XXI веке. – М., 2016. – С. 7–10.
107. Кибрик А.А. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова (ред.). – М.: ЯСК, 2015. – С. 595–634.
108. Кирзюк А.А. Специфика отношений «Я-другой» в советской культуре 70-х годов: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01 – теория и история культуры. – СПб, 2009. – 22 с.
109. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический проект, 2005. – 448 с.
110. Кириллова Н.Б. От медиакультуры к медиалогии [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-mediakultury-k-medialogii>. (дата обращения: 19.04.2021).
111. Кислякова Е.Ю. Реализация категории инакости в коммуникативных стратегиях и тактиках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 8-17.

112. Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. – 2011. – № 4 (48). – С. 174–179.
113. Клейменова В.Ю. Квантовая поэтика и декодирование медийного текста // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXVIII. Слово. Текст. In Aevum: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 28–33.
114. Клобуков Е.В. «Свое» и «чужое» в современном русском словообразовании (к проблеме деривационного взаимодействия языков) // Педагогическое образование и наука. – М., 2007. – № 4. – С. 11–13.
115. Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжов О.А. Политическая конфликтология. – М.: Ижица, 2002. – 400 с. – ISBN: 5-94837-003-8.
116. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 52–61.
117. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации: монография. – Одесса: ОГУ им. М.И. Мечникова, 1991. – 120 с.
118. Колесниченко А.В. Практическая журналистика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 180 с.
119. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. – 326 с.
120. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – Изд. стереотип. – URSS, 2020. – 150 с.
121. Коноваленко Л.И. Семантико-синтаксические средства выражения оценочной модальности в русском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка. – Краснодар: КГУ, 1997. – 23 с.
122. Короченский А.П. Гибридизация медиатекстов как тенденция трансформации современной журналистики // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. – 2007. – № 1. – С. 22–26.

123. Корчак А.С. Философия Другого Я: История и Современность. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 152 с.
124. Космеда Т.А., Халіман О.В. Мовна гра в парадигмі інтерпретативної лінгвістики. Граматика оцінки. Граматична іграма (теоретичне осмислення дискурсивної практики). – Дрогобич: Коло, 2013. – 213 с.
125. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб.: Златоуст, 2015. – 293 с.
126. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
127. Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации. – М.: Академический проект, 2008. – С. 183–209.
128. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
129. Кудачова Е.Е. Интерсубъективность и диалог: Опыт экзистенциально-феноменологической характеристики отношения Я-Другой: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 – философия и история религии, философская антропология, философия культуры. – Ростов-на-Дону, 2002. – 149 с.
130. Кудояр Л.М., Хоменко А.П. Межгосударственные конфликты // Соціально-гуманітарні аспекти розвитку сучасного суспільства: Всеукраїн. наук. конф. викладачів, аспірантів, співробітників та студентів фак-ту іноземної філології та соціальних комунікацій: матеріали. – Суми: СумДУ, 2012. – Ч. 2. – С. 76–78.
131. Кузина О.А. Цитирование как средство воздействия в медиадискурсе // Вестник Московской международной академии. – 2016. – № 1. – С. 70–74.

132. Кунин А.В. Фразеологические единицы и контекст // Иностранные языки в школе. – 1971. – № 5. – С. 2–15.
133. Курьянов Е.И. Англо-русский словарь по средствам массовой информации (с толкованиями). – М.: Московская международная школа переводчиков, 1993. – 320 с.
134. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи нормативном аспекте. – 6-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 517 с.
135. Лапшина В.В. Метафора как механизм имплицитной оценочности // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 8 (555). – С. 171–178.
136. Леонтьев А.А. Психолингвистика в рекламе [Электронный ресурс] // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-v-reklame>. (дата обращения: 14.02.2020).
137. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
138. Лучшева Л.В. Религиозные отношения и религиозный конфликт // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 283–286.
139. Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы. – СПб., 2005. – 255 с.
140. Лысенко В.Г. Познание чужого как способ к самопознанию (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур / отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, Б.О. Николаичев. – М.: Наука, 2010. – С. 90–102.
141. Лысенко В.Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия: (попытка ксенологии) // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 61–77.
142. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
143. Манаенко Г.Н. Лингвистические координаты понятия «дискурс» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 83–92.

144. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. – М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. – 300 с.

145. Матвеева А.А. Многоуровневый характер имплицитной оценки в выражении категории «свой – чужой» в английском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2013. – № 8.1 (109). – С. 67–72.

146. Матвеева А.А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой – чужой» в английском языке: монография. – Уфа: РИО БашГУЮ, 2012. – 224 с.

147. Мельник Г.С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты. – СПб., 1996. – 159 с.

148. Мельчук И.А. Курс общей морфологии: в 3-х т. – М.; Вена: Языки русской культуры, 1998. – Т. 2. – 544 с.

149. Милованова М.В. Проблемы культурной и языковой ассимиляции мигрантов (на примере Волгоградской области) // Гуманитарные и социальные науки. – № 4. – 2014. – С. 169–181.

150. Миронова Н.Н. Понятия «дискурс» и «дискурс-анализ» в лингвистике // Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Доклады первой международной конференции. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2006. – С. 90–93.

151. Мисонжников Б.Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания). – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 490 с.

152. Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 448 с.

153. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

154. Навасартян Л.Г. Языковые средства и приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 русский язык. – Саратов, 2017. – 172 с.

155. Негрышев А.А. Интерпретация действительности в новостях СМИ: некоторые приемы на уровне композиции текста [Электронный ресурс] // Медиастилистика. – 2012. – № 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1071>. (дата обращения: 17.01.2018).

156. Нехорошева А.М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 140–144.

157. Николаева Е.В. Средства выражения оценочного компонента в английском языке // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. – С. 44–47.

158. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Академия, 2003. – 256 с.

159. Овчинникова И.Г. Дихотомия свой – чужой в сознании молодых россиян (по материалам ассоциативного эксперимента) [Электронный ресурс]. 2008. – Режим доступа: <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1838/1/Part2+2008-05.pdf>. (дата обращения: 24.09.2018).

160. Одинцов В.В. Стилистика текста. – Изд. стереотип. – URSS, 2014. – 264 с. – ISBN 978-5-397-04218-5.

161. Оломская Н.Н. Проблема декодирования информационных кодов в дискурсе PR // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 1 (5): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 158–160.

162. Олянич А.В. Лингвосемиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 218–238.

163. Оніщенко Н.А. Стилiстичнi та семантичнi характеристики конотативної системи сучасної нiмецької фразеологiї: автореф. дис. ... канд. фiлол. наук: 10.02.04 «Германськi мови». – Х., 2003. – 18 с.

164. Палеева Н.Г. Конструирование русского националистического дискурса и его «Другие» в 1860-1917 гг.: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальная и политическая процессы и технологии. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 138 с.

165. Паршина О.Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 85–94.

166. Паршина О.Н. Стратегия удержания власти в речевом поведении российских политических лидеров // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2005. – № 5 (28). – С. 138–146.

167. Петрова Т.А. Язык СМИ или медиалингвистика? // Мир гуманитарного и естественнонаучного знания. – Краснодар, 2013. – С. 9–13.

168. Петрова М.Л. Концепт «свой / чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX-XXI вв.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10 – журналистика. – Москва, 2006. – 197 с.

169. Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2003. – С. 20–30.

170. Петроченко М.Н. Семантический компонент «свой / чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. – Томск, 2006. – 227 с.

171. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (этические и эстетические оценки): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 – теория языка. – Москва, 1997. – 393 с.

172. Погорелова С.Д., Яковлева А.С. Функциональная значимость оценки в контексте [Электронный ресурс] // Современная филология: II Междунар. науч. конф.: январь 2013 г.: материалы. – Уфа: Лето, 2013. –

С. 85–86. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/78/3293/>. (дата обращения: 13.02.2020).

173. Почепцов Г.Г. Нарративный инструментарий воздействия // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – №3. – С. 69–74.

174. Приходько А.И. Семантика и прагматика оценки в современном английском языке: монография. – Запорожье, 2004. – 321 с. – ISBN 966-599-135-3.

175. Прищепчук С.А. Особенности воспроизведения лексических оценочных средств при переводе политического дискурса // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 54. – С. 177–181.

176. Протасова Е.Ю. Полемика вокруг языка: свой или чужой? // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2015. – № 1. – С. 134–149.

177. Прохорова К.В. Медиамаркеры общественного конфликта // Медиалингвистика. – 2017. – № 1 (16). – С. 84–95.

178. Пустовалов А.В. Пресса Великобритании: между «бумажным» прошлым и цифровым будущим // Вестник Пермского университета. – 2013. – №3 (23). – С. 191–205.

179. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1996. – 272 с.

180. Рогозина И.В. Медиа-картина мира // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: межвуз. сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2001. – Вып. 3. – С. 136–142.

181. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. – Москва-Барнаул, 2003. – 289 с.

182. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.

183. Романов А.А. О статусе дигитальной коммуникации в парадигме цифрового формата: прогнозы и ожидания // Дискурс в социокультурном

пространстве: коммуникативные механизмы и ментальные структуры его репрезентации : сборник научных трудов. Посвящается юбилею засл. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, профессора А.А. Романова / отв. ред. проф. Л.А. Романова. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – С. 68–106.

184. Румига И.И. Роль стилистических приемов в декодировании художественного текста периода постмодерна (на примере романа Энн Майклс «Осколки») // Путь науки. – 2014. – № 6. – С. 73-75.

185. Рыжова Л.П., Богданова В.Р. Выражение позиции автора в политических газетных текстах (на материале французской прессы) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2018. – № 4. – С. 56–60. – DOI: 10.25688/2076-913X.2018.32.4.07.

186. Садохин А.П. Культурология: теория и история культуры. – М.: Эксмо, 2007. – 624 с.

187. Сальникова Ю.А. Социопрагматика оценки в дискурсе качественной прессы США: на материале современных информационно-аналитических газетных статей. – Хабаровск: Дальневост. гос. гуманитар. ун-т., 2010. – 203 с.

188. Самошонков К.Н. Религиозный конфликт как объект социально-философского анализа: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры. – М., 2004. – 28 с.

189. Сенько Е.В. Теоретические основы неологии. – Владикавказ, 2001. – 107 с. – ISBN 5-8336-0170-3.

190. Сергеева Л.А. Проблемы оценочной семантики. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 140 с.

191. Скрыльникова А.Ю. Категориальная и лингвокультурологическая сущность чуждости в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. – Липецк, 2008. – 293 с.

192. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Академия, 2000. – 128 с.

193. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
194. Смоляк О.А. Европейский дискурс другого (культурологические модели ориентирования человека в современном жизненном мире): автореф. дисс. ... канд. культуролог. наук: 24.00.01 – теория и история культуры. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.
195. Соколова Н.К. Изучение разных уровней поэтического текста при контекстологическом анализе // Лингвистический анализ в школе и вузе: межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т; отв. ред. И.П. Распопов. – Воронеж, 1983. – С. 129–135.
196. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа-текст» // Вестник Московского университета. Серия 10: «Журналистика». – 2005. – № 2. – С. 7–16.
197. Солдаткина Т.А. Лексические способы выражения оценки во фразеологии и паремиологии английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 3 (57): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 178–180.
198. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 559 с.
199. Соловьева Н.С. Проявление оппозиции «свой-чужой» в социальных группах (на материале фразеологии) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск, 2012. – № 2 (36). – С. 388–392.
200. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты: сб. науч. тр. – Днепропетровск, 1988. – С. 4–10.
201. Сорокина Ю.В. Стратегия самопрезентации как элемент эффективного речевого воздействия в рамках педагогического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6 (335) Филология. Искусствоведение. – Вып. 88. – С. 89–92.

202. Социология журналистики: учеб. пособ. для студ. вузов. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 320 с.
203. Стоянова Е.В. Мифологема как культурная основа концептуализации действительности (на материале русского и болгарского языков) // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2018. – №10. – С. 104–111.
204. Стоянова І.Д. Мовні засоби реалізації стратегії комунікативного маніпулювання у дискурсі антиутопії // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. – 2013. – № 9(2). – С. 91–97.
205. Суджата Р. Оценка с помощью кавычек // Русская речь. – 1996. – № 3. – С. 50–52.
206. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143с.
207. Темникова Л.Б. О многообразии медиа жанров в современной российской и зарубежной журналистике // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – № 115. – С. 999–1008.
208. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 334 с.
209. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика. – М.: Аспект-пресс, 2010. – 352 с.
210. Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М.: Наука, 1989. – 151 с.
211. Тырыгина В.А. Жанровая стратификация масс-медийного дискурса / отв. ред. Н.С. Бабенко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.
212. Ульянова М.А. Графические средства выражения категории эмотивности в спортивном блоге и комментарии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3. – С. 192–203.
213. Уразметова А.В. Лингвокультурологический аспект изучения топонимов в составе фразеологических единиц (на материале английского и французского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-

историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Уфа, 2006. – 196 с.

214. Федулениова Т.Н. Фразеологическая вариативность как лингвистическая проблема // Вестник ОГУ. – 2005. – № 4. – С. 62–69.

215. Фельде В.Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре. – Омск, 2015. – 152 с.

216. Фомина Т.А. Социокультурная самоидентификация современного российского студенчества: региональный аспект. – Ставрополь, 2007. – 149 с.

217. Фомина Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 154–161.

218. Фролова И.В. Оценочные стратегии в аналитических статьях качественной британской и российской прессы: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Москва, 2016. – 219 с.

219. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983. – С. 11–16.

220. Хлыщева Е.В. Проблема толерантности в диалоге культур // Философские науки. – 2008. – № 4. – С. 46–57.

221. Хорошилова О.А. Оценочный концепт «Good / хороший» как структурный элемент английской и русской языковых картин мира (Рецензирована) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 4. – С. 179–183.

222. Храмова Ю.А. Концептуальная диада «лицемерие-искренность» (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка. – Волгоград, 2010. – 25 с.

223. Цветков В.Л. Конфликтология. – М.: Щит-М., 2004. – 176 с.

224. Цыбикова Н.С. Оценочные коммуникативные стратегии сетевого дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12. – Ч. 1. – С. 195–198. – ISSN 1997-2911.

225. Цыбикова Н.С. Типология Интернет-СМИ // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. 2015. – С. 107–109.
226. Черкашина А.А. Контент и композиционные элементы англоязычных медиатекстов группы «feature» (на примере качественной периодики Великобритании) // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки, 2015. – № 12 (209). – Вып. 26. – С. 120–128.
227. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, индердискурсивность. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.
228. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, индердискурсивность. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 267 с.
229. Чичерина Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 47. – С. 159–166.
230. Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник ВГУ. – 2003. – № 1. – С. 17–25.
231. Шафиков С.Г. Любовь: категория или концепт? // Языковые и речевые единицы в разных языках: сб. науч. ст. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 3–36.
232. Шаховский В.И. Семантика и семиотика оскорбления в конфликтной коммуникативной ситуации // Мир лингвистики и коммуникации. – 2012. – Вып. 26. – С. 1–23.
233. Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика: Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. – М.: УРСС Эдиториал, 2009. – 236 с.
234. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
235. Шибкова О.С. Нормативное представление об оценочной структуре прилагательного в английском и русском языках // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2006. – № 45 – С. 191–197.

236. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 568 с.
237. Шкуратова Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики передачи сообщений о военном конфликте // Вестник Кемеровского государственного. – 2013. – № 2 (54). – С. 204–209.
238. Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. – ISBN 5-94457-036-9.
239. Шмелева Т.В. Медиалингвистика как медийное речеведение // Медиатекст как полиинтенциональная система / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – СПб., 2012. – С. 56–61.
240. Шмелева Т.В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи. – 2012. – № 8. – С. 26–37.
241. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. – № 1. – С. 35–67.
242. Эпштейн М.Н. Язык лукавого раба [Электронный ресурс] // Гефтеровские чтения. – 2012. Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/YAzyk-lukavogo-raba>. (дата обращения: 21.04.2018).
243. Юсупов Ш.Р. Особенности межгосударственных политических конфликтов // Вестник Казанского технологического университета. – 2005. – № 2. – С. 303–309.
244. Якушина Р.М. Динамические параметры оценки: (На материале современного английского языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Уфа, 2003. – 179 с.
245. Anfilova S., Kucherenko S., Mizitova A., Pidporinova K., Sediuk I. «The Own-The Borrowed» in Artistic Culture of the 20th-21st Centuries // Journal of History Culture and Art Research. – 2020. – 9 (1). – P. 258–272.
246. Bartmiński Jerzy. Opozycja swój / obcy a problem językowego obrazu świata The us / them opposition and the problem of linguistic worldwiew // Etnolingwistyka. Problemy Języka I Kultury. – 2007. – Issue No: 19. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. – P. 35–59

247. Bauer L. No phonetic iconicity in evaluative morphology? // *Studia Linguistica*. – 1996. – Vol. 50. – № 1. – P. 189–206.
248. Beharell P. *More bad news* // Glasgow University Media Group. – London: Routledge Revivals, 2009. – 506 p. – ISBN-13: 978-0-4155-6790-9.
249. Bell A. *Approaches to Media Discourse*. – Oxford; Malden, Mass.: Blackwell, 1997. – 304 p.
250. Bell A. *The language of news media*. – Oxford: Blackwell, 1993. – Series: *Language in society*, 17. – 277 p.
251. Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005, xiii. – 299 p.
252. Blundell W. *Feature Writing help* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blundellfeaturessac.blogspot.com/>. (дата обращения: 04.08.2018).
253. Burger H. *Mediensprache: Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien*. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. – 544 S.
254. Byessonova O. *Hierarchy of Values in the English Language Model of the World* // *Humanities across the Borders: collection of papers / editors-in-chief O.L. Byessonova, N.I. Panasenko*. – Donetsk – Trnava: DonNU, 2012. – P. 5–24.
255. Byessonova O.L. *Conceptualisation of emotions and their verbalization in the English language evaluative thesaurus* // *The Subcarpathian Studies in English Language, Literature and Culture. Vol. 1: Linguistics and Methodology / ed. by: Grzegorz A. Kleparski, Ewa Konieczna, Beata Kopecka; recenzował Piotr P. Chruszczewski*. – Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2014. – P. 15–20.
256. Byessonova O.L. *Evaluative designations of person in non-cognate languages* // *Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations / Uberman, A. and Dick-Bursztyn, M. (eds)*. – Berlin: PeterLang, 2018. – P. 77–93.
257. Caffi C., Janney R. *Towards a pragmatics of emotive communication* // *Journal of Pragmatics*. – 1994. – Vol. 22. – P. 325–373.

258. Cava A.M. Evaluative lexis in science // A corpus based study in scientific abstracts. – University of Naples, 2010. – P. 20–38.
259. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. – Chicago: The University of Chicago Press, 1994. – 392 p. – ISBN: 9780226100548.
260. Channel J. Corpus-based analysis of evaluative lexis // Corpus linguistics / W. Teubert (ed.). – Great Britain, MPG Books Ltd, 2007. – P. 244–264.
261. Conboy M. ‘Parochializing the Global: Language and the British Tabloid Press’ In New Media Language // Ed. Jean Aitchison and Diana M. Lewis. – Abingdon and New York: Routledge, 2003. – P.45–54.
262. Constantinou O. Multimodal Discourse Analysis: Media, modes and technologies // Journal of Sociolinguistics. – 2005. – 9/4. – P. 602–618.
263. Cook G. Discourse. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 168 p. – ISBN-10: 0194371409.
264. Corner J. The Scope of Media Linguistics. – BAAL Newsletter, 1998. – 188 p.
265. Crisp R.J., Hewstone M. Multiple social categorization // Advances in experimental social psychology / M. P. Zanna, M. P. Zanna (eds.). – 2007. – Vol. 39. – P. 163–254.
266. Curtis B. Strange days at the Daily Telegraph [Электронный ресурс] // Slate. – OCT. 25, 2006. – Режим доступа: slate.com/articles/news_and_politics/letter_fromlondon/2006/10/paper_tiger.html. (дата обращения: 12.05.2018).
267. Davies M. The Attraction of Opposites: The Ideological Function of Conventional and Created Oppositions in the Construction of In-groups and Out-groups in News Texts [Электронный ресурс] // Stylistics and Social Cognition. – 2007. – P. 71–100. – ISBN: 9789401200646. – Режим доступа: https://doi.org/10.1163/9789401200646_006. (дата обращения: 22.04.2018).
268. Dijk T.A. van. Discourse and Knowledge. A sociocognitive approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 400 p.

269. Dixon J., Elcheroth G., Kerr Ph., Drury J., Bzour Al.M., Subašić E., Durrheim K., Green E.G.T. It's not just "us" versus "them": Moving beyond binary perspectives on intergroup processes // *European Review of Social Psychology*. – 2020. – 31:1. – P. 40–75. – DOI: 10.1080/10463283.2020.1738767.
270. Dominick J.R. *Dynamics of Mass Communication: Media in Transition*. – 12th Edition. – McGraw-Hill Education, 2012. – 496 p.
271. Duranti A. *The Anthropology of Intentions: Language in a World of Others*. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. – 310 p.
272. Dyer G. *Advertising as Communication*. – London: Routledge, 1995. – 230 p.
273. Elcheroth G., Reicher S. *Identity, violence, and power. Mobilising hatred, demobilising dissent*. – Palgrave Macmillan, 2017. – 292 p.
274. Fairclough N. *Language and Power*. – London: Routledge, 2015. – 264 p.
275. Fairclough N. *Media discourse*. – London; New York, 1995. – 156 p. – ISBN 0-340-58889-6.
276. Fetzer A. *Political Discourse in the Media: Cross-cultural perspectives*. – Amsterdam, Netherlands, 2007. – 379 p.
277. Fillmore Ch. J. *Linguistics as a Tool for Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis: V.I. Disciplines of Discourse / ed.by T.A. van Dijk*. – London; Orlando; San Diego etc.: Academic Press, 1985. – P. 11–39. – ISBN 5-733-0424.
278. Flint C. *Introduction to Geopolitics*. – 3rd ed. – London: Routledge, 2016. – 334 p. – ISBN 9781138192164.
279. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. – London: Routledge, 1991. – 254 p.
280. Gadamer H.-G. *Truth and Method*. – 2nd rev. edition. – Trans. J. Weinsheimer and D.G. Marshall. – New York: Crossroad, 2004. – 640 p.
281. Garfinkel M. *The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict*. – Oxford University Press, 2012. – 888 p.

282. Habermas J. *Between Naturalism and Religion: Philosophical Essays*. Polity. – 2008. – 344 p.

283. Hodgson F.W. *Modern Newspaper Practice*. – London, 1984. – 208 p.

284. *Voting Intention by Newspaper Readership Quarter 1 2005* [Электронный ресурс] // Ipsos MORI. – 21 April 2005. – Режим доступа: <http://www.ipsosmori.com/researchpublications/researcharchive/580/Voting-Intention-by-Newspaper-Readership-Quarter-1-2005.aspx>. (дата обращения: 05.02.2019). [Ipsos MORI].

285. Kress G.R. *Literacy in the new media age*. – London: Routledge / Falmer, 2003. – 208 p.

286. McQuail Denis. *McQuail's Mass Communication Theory* [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: [http://www.bou.ac.ir/Portal/file/?171392/Mass.Communication.Theory.6th.Edition-\(McQuails\)-.pdf](http://www.bou.ac.ir/Portal/file/?171392/Mass.Communication.Theory.6th.Edition-(McQuails)-.pdf). (дата обращения: 20.10.2018).

287. Mead G.H. *Mind, self and society: The Definitive Edition*. – Chicago, 2015. – 536 p.

288. Montgomery M. *Discourse of broadcast news. A linguistic approach*. – Routledge, 2007. – 246 p.

289. Reychler L. *Time for Peace: The Essential Role of Time in Conflict and Peace Processes*. – University of Queensland Press, 2015. – 292 p.

290. Rogers T. *What are feature stories? A more Leisurely Pace, A Focus on the Personal (About News)* [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://www.thoughtco.com/what-is-a-feature-story-2074335>. (дата обращения: 04.08.2018).

291. Scanlan C. *The Hourglass: Serving the news, serving the reader* [Электронный ресурс] // Poynter. – June 18, 2003 – Режим доступа: <https://www.poynter.org/news/hourglass-serving-news-serving-reader>. (дата обращения: 04.08.2018).

292. Scollon S. *Political and Somatic Alignment: Habitus, Ideology and Social Practice // Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity* / ed. by

G. Weiss, R. Wodak. – London: Palgrave Macmillan, 2003. – P. 167–198.

293. Stump G.T. How peculiar is evaluative morphology // *Journal of Linguistics*. – 1993. – Vol. 29. – P. 1–37.

294. Tilley J.J. Cultural Relativism // George Ritzer (ed.), *Wiley-Blackwell Encyclopedia of Sociology*. – 2nd ed. – Oxford, UK: Wiley-Blackwell. – Published online, 2017. – DOI: 10.1002/9781405165518.wbeosc176.pub2.

295. Weizman E. Positioning in Media Dialogue: Negotiating Roles in the News Interview (*Dialogue Studies*). – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 208 p.

296. What is a nut graph [Электронный ресурс] // *The Nut Graph*. – Режим доступа: <http://www.thenutgraph.com/about/>. (дата обращения: 04.08.2018).

297. Wright G.H. von. *The Varieties of Goodness*. – N. Y.; London, 1963. – 164 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 567 с.
2. Курьянов Е.И. Англо-русский словарь по средствам массовой информации (с толкованиями). – М.: Московская международная школа переводчиков, 1993. – 320 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с. [ЛЭС].
4. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
5. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2014. – 415 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., испр. – М.: Оникс: Мир и образование, 2018. – 1376 с.
7. Политологический словарь: в 2-х ч. / науч. ред. А.А. Миголатьев. – М.: Рос. акад. управления, 1994. – Ч. 2. – 225 с.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.
9. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. – 64 с.
10. Danesi M. Encyclopedia of Media and Communication. – University of Toronto Press, 2013. – 752 p.
11. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – 8th ed. – 2010. – 1796 p.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. – 4th ed. – Harlow, 2003. – 1950 p. [LDCE].

13. Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/>. (дата обращения: 21.07.2018). [ODEDT].

14. Roget's Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roget.org/>. (дата обращения: 15.02.2019).

15. The Routledge Linguistics Encyclopedia. – 3rd ed. / edited by K. Malmkjaer. – NYC: Routledge, 2010. – 762 p.

16. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. – Oxford University Press, 2002. – Vol. 1–2. – 3809 p. [SOED].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. A Girlhood Without the Taliban // The New York Times. – No. 58,648. – 30 March 2020. – P. A2.
2. Abandoned by U.S. in Syria, Kurds Find New Ally in American Foe [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/10/13/world/middleeast/syria-turkey-invasion-isis.html>. (дата обращения: 14.10.2019).
3. Al-Shabaab says it has killed British 'spy' in Somalia [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/10/al-shabaab-says-it-has-killed-british-spy-in-somalia>. (дата обращения: 11.10.2018).
4. Anti-Muslim incidents 'spiked by 375%' after Boris Johnson mocked Muslim women [Электронный ресурс] // Daily Mirror. – Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/anti-muslim-incident-spiked-375-19164096>. (дата обращения: 05.09.2019).
5. ARE EU SERIOUS? EU boss Jean Claude Juncker brands Boris Johnson a 'liar' who spread 'b*****t' in Brexit referendum [Электронный ресурс] // The Sun. – Режим доступа: <https://www.thesun.co.uk/news/brexit/10209832/brexit-eu-boss-jean-claude-juncker-spread-lies/>. (дата обращения: 25.10.2019).
6. Battle for Tripoli escalates as fighting nears Libyan capital [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/apr/07/libya-us-forces-evacuated-haftar-seeks-military-control>. (дата обращения: 10.04.2019).
7. British volunteers prepare to battle Turkish military in Syria following Erdogan's 'Operation Olive Branch' offensive, saying it is their 'duty' to fight alongside Kurds after helping their struggle against ISIS [Электронный ресурс] // Daily Mail. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5306509/Britons-volunteers-ready-battle-Turkish-military.html>. (дата обращения: 30.01.2018).

8. 'Brought to Jesus': the evangelical grip on the Trump administration [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/jan/11/trump-administration-evangelical-influence-support>. (дата обращения: 15.01.2019).

9. By cancelling the summit with Kim Jong-un, Trump has put peace on the Korean Peninsula at risk – again [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/north-korea-summit-cancelled-trump-kim-jong-un-peace-risk-denuclearisation-a8367596.html>. (дата обращения: 27.05.2018).

10. China blasts Mike Pence's 'arrogance and hypocrisy' over human rights remarks [Электронный ресурс] // New York Post. – Режим доступа: <https://nypost.com/2019/10/25/china-blasts-mike-pences-arrogance-and-hypocrisy-over-human-rights-remarks/>. (дата обращения: 27.10.2019).

11. China fires back after Pence's speech about Hong Kong protests [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/live/2019/oct/25/trump-news-today-impeachment-inquiry-democrats-latest?page=with:block-5db319fb8f08993584c8b543#block-5db319fb8f08993584c8b543>. (дата обращения: 30.10.2019).

12. Congress to launch sanctions on Turkey as Trump measures deemed ineffective [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/15/turkey-syria-congress-trump-sanctions>. (дата обращения: 19.10.2019).

13. Deadly ISIS attack hits an aid group, Save the Children, in Afghanistan [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/01/24/world/asia/save-the-children-afghanistan.html>. (дата обращения: 26.01.2018).

14. Democrats strengthen hand in seeking control of House, even if odds of a blue wave are diminishing [Электронный ресурс] // The Washington Post. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/politics/democrats-strengthen-hand-in-seeking-control-of-house-even-if-odds-of-a-blue-wave-are->

diminishing/2018/06/06/cbabac66-68f5-11e8-9e38-24e693b38637_story.html.

(дата обращения: 10.06.2018).

15. Does Trump really want to get us out of Syria? Apparently, not so much [Электронный ресурс] // USA Today. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2019/11/14/does-trump-really-want-get-out-syria-apparently-not-column/2580931001/>. (дата обращения: 17.11.2019).

16. Donald Trump 'bragged his North Korea summit was bigger than the Oscars' at NATO summit [Электронный ресурс] // Daily Mirror. – Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/donald-trump-bragged-north-korea-12907923>. (дата обращения: 15.07.2018).

17. Donald Trump Jr caught in the middle of far-right insurgency [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/12/trump-jr-why-far-right-jeering-president-son-explained>. (дата обращения: 14.11.2019).

18. Donald Trump launches Iran sanctions branded 'toughest ever' [Электронный ресурс] // Daily Mirror. – Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/donald-trump-launches-iran-sanctions-13535948>. (дата обращения: 26.09.2019).

19. Dozens dead in bombing at Kabul voter registration centre [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/22/dozens-dead-in-kabul-bombing-at-voter-registration-centre-afghanistan>. (дата обращения: 24.04.2018).

20. Edward Snowden says he searched CIA, NSA databases for proof of aliens [Электронный ресурс] // New York Post. – Режим доступа: <https://nypost.com/2019/10/23/edward-snowden-says-he-searched-cia-nsa-databases-for-proof-of-aliens/>. (дата обращения: 25.10.2019).

21. Elizabeth Warren: Who She Is and What She Stands For [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/us/elections/elizabeth-warren.html>. (дата обращения: 19.03.2020).

22. EU savaged for FAILURE to stand up to Iran's brutal regime: 'ACT NOW!' [Электронный ресурс] // Daily Express. – Режим доступа: <https://www.express.co.uk/news/world/1087263/iran-news-us-donald-trump-mike-pence-nuclear-deal-EU-world-war-3-usa>. (дата обращения: 14.02.2019).

23. Fact check: Trump says North Korea summit 'productive.' Was it? [Электронный ресурс] // USA Today. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2019/02/27/trump-kim-summit-fact-checking-trumps-claims-north-korea/2920522002/>. (дата обращения: 01.03.2019).

24. Fighting Trumpism without dropping names // The Washington Post. – 7 January 2019. – P. A3.

25. Foreign Isis fighters must face trial on home soil, Kurds say [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/24/foreign-isis-fighters-must-face-trial-on-home-soil-kurds-say>. (дата обращения: 25.09.2018).

26. France maintains hardline stance on no-deal Brexit [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/apr/05/france-maintains-hardline-stance-on-no-deal-brexit>. (дата обращения: 06.04.2019).

27. Hong Kong authorities block pro-democracy candidate from byelection [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/27/hong-kong-authorities-block-pro-democracy-candidate-from-byelection>. (дата обращения: 29.01.2018).

28. Hong Kong police claim university has become 'refuge for criminals' [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/13/hong-kong-student-protesters-bows-arrows-petrol-bombs-universities>. (дата обращения: 15.11.2019).

29. Hong Kong's universities, the last refuge of protesters, become battlegrounds [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа:

<https://www.nytimes.com/2019/11/13/world/asia/hong-kong-protests-students.html>. (дата обращения: 15.11.2019).

30. How Gillibrand's 'fearlessness' makes her a formidable 2020 contender [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/jan/17/kirsten-gillibrand-formidable-2020-presidential-candidate>. (дата обращения: 20.01.2019).

31. How long after this week's Gaza massacre are we going to continue pretending that the Palestinians are non-people? [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/gaza-palestine-israel-conflict-us-embassy-jerusalem-jared-kushner-donald-trump-a8355631.html>. (дата обращения: 18.05.2018).

32. How Rupert Murdoch's empire of influence remade the world [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/04/03/magazine/james-murdoch-lachlan-succession.html>. (дата обращения: 05.04.2019).

33. If we want to keep Britain inside the EU, we must vote tactically to make it happen [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/boris-johnson-general-election-news-britain-eu-tactical-voting-a9229141.html>. (дата обращения: 04.12.2019).

34. In Guinea, Wave of Protests Leaves at Least 11 Dead [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/03/14/world/africa/guinea-protests-killed.html>. (дата обращения: 15.03.2018).

35. Isis attack on Libya election commission kills more than a dozen [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/03/isis-attack-on-libya-election-commission-kills-more-than-a-dozen>. (дата обращения: 06.05.2018).

36. ISIS still poses MAJOR threat – terror group stashes £230MILLION to fund future attacks [Электронный ресурс] // Daily Express. – Режим доступа:

<https://www.express.co.uk/news/world/1086292/isis-islamic-state-syria-war-europe-threat-un-security-council-report>. (дата обращения: 15.02.2019).

37. 'It's a great plan': Trump to release Middle East peace proposal before meeting with Israeli leaders [Электронный ресурс] // USA Today. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2020/01/23/trump-meet-israels-netanyahu-and-gantz-mideast-peace/4555831002/>. (дата обращения: 25.01.2020).

38. Jalalabad bombing: Gunmen clash with security forces after attack on Save The Children offices in Afghanistan [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/jalalabad-bombing-latest-updates-save-children-offices-attack-gunmen-isis-security-forces-afghanistan-a8175046.html>. (дата обращения: 28.01.2018).

39. Jeremy Corbyn personally accused of 11 acts of anti-Semitism in leaked new dossier revealing the scale of Labour 'cover-up' [Электронный ресурс] // The Daily Telegraph. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2019/12/05/jeremy-corbyn-personally-accused-11-acts-anti-semitism-leaked/>. (дата обращения: 07.12.2019).

40. Kim Jong-un: fragile and under pressure but he won't give up [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/21/fragile-under-pressure-kim-jong-un-wont-give-up>. (дата обращения: 24.04.2018).

41. Kim-chi and El Trumpo tacos: Singapore feeds pre-summit anticipation [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/09/kim-chi-and-el-trumpo-tacos-singapore-feeds-pre-summit-anticipation>. (дата обращения: 10.06.2018).

42. Kurdish forces in Syria launch powerful counterattack to set up extended battle against Turkey [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/kurdish-forces->

syria-turkey-kurdistan-counter-attack-battle-militia-erdogan-olive-branch-latest-a8172851.html. (дата обращения: 25.01.2018).

43. Kurds and Turkey Accuse Each Other of Cease-Fire Violations [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/kurds-say-turkey-is-still-shelling-key-syrian-town-testing-cease-fire-11571488971>. (дата обращения: 20.10.2019).

44. Moscow blames Israel after Syria shoots down Russian military plane [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/18/russia-military-aircraft-syria-jet-lost-contact>. (дата обращения: 21.09.2018).

45. New Ukrainian Church Officially Recognized, Gains Independence From Russia [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/new-ukrainian-church-officially-recognized-gains-independence-from-russia-11546796851>. (дата обращения: 10.01.2019).

46. Nicaragua used 'weapons of war' to kill protesters, says Amnesty International [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/18/nicaragua-amnesty-international-police-killings-daniel-ortega>. (дата обращения: 21.10.2018).

47. Nicaragua's Sandinista stronghold is a city 'at war' with the president [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/06/nicaragua-daniel-ortega-masaya>. (дата обращения: 08.06.2018).

48. No 10 attacks Khan for telling Trump he is unwelcome in UK // The Guardian. – 13 January 2018. – P. 7.

49. No, Trump couldn't shoot someone without being investigated for it [Электронный ресурс] // The Washington Post. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2019/10/24/no-trump-couldnt-shoot-someone-without-being-investigated-it/>. (дата обращения: 26.10.2019).

50. North Korea calls Pompeo 'poisonous plant' for promoting sanctions [Электронный ресурс] // New York Post. – Режим доступа: <https://nypost.com/>

2019/08/23/north-korea-calls-pompeo-diehard-toxin-for-promoting-sanctions/.

(дата обращения: 25.08.2019).

51. North Korea could trigger nuclear arms race, CIA director warns [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/north-korea-latest-nuclear-arms-race-cia-director-warning-a8175941.html>. (дата обращения: 27.01.2018).

52. 'Nothing is ours anymore': Kurds forced out of Afrin after Turkish assault [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/07/too-many-strange-faces-kurds-fear-forced-demographic-shift-in-afrin>. (дата обращения: 10.06.2018).

53. Outcry over chemical attack in Syria // The Guardian. – Issue № 53, 378. – 9 April 2018. – P. 1–9.

54. Peace more distant than ever in Hong Kong as battle grips universities [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/13/peace-more-distant-than-ever-in-hong-kong-as-battle-grips-universities>. (дата обращения: 16.11.2019).

55. Pompeo Calls Attacks on Saudi Arabia 'Act of War' and Seeks Coalition to Counter Iran [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/09/18/world/middleeast/us-iran-saudi-arabia.html>. (дата обращения: 20.09.2019).

56. Russia 'tested its poison on handles' // The Guardian. – Vol. 198. – No 20. 20 April 2018. – P. 7.

57. Russia DEMANDS US pull troops from Syria as Iran issues new threats – 'Fulfil your PLEDGE' [Электронный ресурс] // Daily Express. – Режим доступа: <https://www.express.co.uk/news/world/1086187/Russia-vs-us-syria-russia-iran-military-troops-world-war-3>. (дата обращения: 15.02.2019).

58. Russian military can use 'psychic techniques to read the minds of enemy soldiers' [Электронный ресурс] // Daily Mirror. – Режим доступа:

<https://www.mirror.co.uk/news/world-news/russian-military-can-use-psychic-14237163>. (дата обращения: 14.04.2019).

59. Russian-backed Orthodox Church faces pressure from Kiev and splits within [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/ukrainian-orthodox-church-russia-backed-pressure-kiev-split-a8637426.html>. (дата обращения: 20.11.2018).

60. Saudi Arabia Detains More Activists Despite International Criticism [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-detains-more-activists-despite-international-criticism-11554457406>. (дата обращения: 07.04.2019).

61. Syria: Turkey warned US before strikes against US-backed Kurdish militia [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/syria-air-strikes-latest-turkey-us-warning-kurdish-militia-a8171606.html>. (дата обращения: 25.01.2018).

62. 'The fight of my life': Elizabeth Warren kicks off 2020 bid in Iowa [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/jan/05/elizabeth-warren-2020-iowa-donald-trump>. (дата обращения: 10.01.2019).

63. The Tories' campaign is a mess – their 'attack' on Labour spending is the proof [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/nov/13/tories-campaign-attack-labour-spending-conservative-election>. (дата обращения: 15.11.2019).

64. Trump asked Ukraine president 8 times to investigate Joe Biden's son, say reports [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-whistleblower-dam-schiff-joseph-maguire-intelligence-ukraine-a9114011.html>. (дата обращения: 25.09.2019).

65. Trump backs enemy Putin over U.S. intel // New York Daily News. – 17 July 2018. – P. 6–8, 22.

66. Trump dangles Rose Garden treaty moment in quiet peace effort between Serbia and Kosovo [Электронный ресурс] // The Washington Post. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-dangles-rose-garden-treaty-moment-in-quiet-peace-effort-between-serbia-and-kosovo/2019/01/06/b32f0d76-1067-11e9-84fc-d58c33d6c8c7_story.html. (дата обращения: 10.01.2019).

67. Trump protests: tens of thousands take to streets across UK [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jul/13/baby-blimp-cheers-takes-to-skies-protest>. (дата обращения: 16.07.2018).

68. Trump says his predecessors left North Korea to a president 'that scored the highest on tests' as he accuses Russia of helping Kim Jong-un evade sanctions [Электронный ресурс] // Daily Mail. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5280813/Trump-says-Russia-helping-N-Korea-skirt-sanctions-Pyongyang-getting-close-missile.html>. (дата обращения: 20.01.2018).

69. Trump tells his own spy chiefs to 'go back to school' after they contradict him on North Korea, ISIS, Russia [Электронный ресурс] // New York Daily News. – Режим доступа: <https://www.nydailynews.com/news/politics/ny-pol-trump-spy-chiefs-school-russia-20190130-story.html>. (дата обращения: 02.02.2019).

70. Trump Tries to Kill Obamacare by a Thousand Cuts [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/02/21/opinion/trump-killing-obamacare.html>. (дата обращения: 24.02.2018).

71. Trump tweets his enthusiasm for 'capable' North Korean Communist dictator Kim Jong Un [Электронный ресурс] // New York Daily News. – Режим доступа: <https://www.nydailynews.com/news/politics/ny-pol-trump-kim-hanoi-north-korea-20190208-story.html>. (дата обращения: 10.02.2018).

72. Turkey captures several villages in northern Syria on third day of offensive against US-backed Kurdish militia [Электронный ресурс] // Daily

Mail. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5300165/Turkey-captures-villages-northern-Syria.html>. (дата обращения: 25.01.2018).

73. Turkey invades Kurdish enclave in Syria [Электронный ресурс] // The Financial Times. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/230312de-fea1-11e7-9650-9c0ad2d7c5b5>. (дата обращения: 11.12.2019).

74. Turkey's Erdogan threatens to cut ties with US over jailing of banker [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/turkey-erdogan-us-justice-world-doomed-corruption-banker-case-trump-a8143586.html>. (дата обращения: 09.01.2018).

75. U.N. Panel Links Russia to Potential War Crime in Syria [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/03/06/world/middleeast/syria-russia-un-war-crimes.html>. (дата обращения: 09.03.2018).

76. UK accuses Kremlin of ordering series of 'reckless' cyber-attacks [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2018/oct/04/uk-accuses-kremlin-of-ordering-series-of-reckless-cyber-attacks>. (дата обращения: 06.10.2018).

77. UK-Russia row intensifies as ex-spy 'improves rapidly' // The Guardian. – Issue 53. – 7 April 2018. – P. 8.

78. US and UK blame Russia for 'malicious' cyber-offensive [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2018/apr/16/us-and-uk-blame-russia-for-malicious-cyber-offensive>. (дата обращения: 18.04.2018).

79. US criticizes Russia for arming Myanmar amid Rohingya crisis [Электронный ресурс] // New York Daily News. – Режим доступа: <https://www.nydailynews.com/newswires/news/national/criticizes-russia-arming-myanmar-rohingya-crisis-article-1.3776868>. (дата обращения: 26.01.2018).

80. US official urges Turkey to halt Syria campaign [Электронный ресурс] // New York Daily News. – Режим доступа:

<https://www.nydailynews.com/newswires/news/world/official-urges-turkey-halt-syria-campaign-article-1.3778198>. (дата обращения: 26.01.2018).

81. US v Venezuela: Trump's plot to OUST Maduro and curb influence from Russia and China [Электронный ресурс] // Daily Express. – Режим доступа: <https://www.express.co.uk/news/world/1080805/venezuela-us-donald-trump-Nicolas-Maduro-russia-china-iran>. (дата обращения: 02.02.2019).

82. US-China ties worst in decades after journalist expulsions [Электронный ресурс] // The Financial Times. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/9add09c0-68d7-11ea-800d-da70cff6e4d3>. (дата обращения: 10.12.2020).

83. What Trump Is Hiding From the Impeachment Hearings [Электронный ресурс] // The New York Times. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/11/12/opinion/trump-impeachment-hearings.html>. (дата обращения: 15.11.2019).

84. While Trump wallows in the White House, America's allies are left on their own [Электронный ресурс] // The Washington Post. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/while-trump-wallows-in-the-white-house-americas-allies-are-left-on-their-own/2019/01/06/1f1b4f54-0f6e-11e9-8938-5898adc28fa2_story.html. (дата обращения: 09.01.2019).

85. White supremacist massacre treated as terror [Электронный ресурс] // The Daily Telegraph. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/04/12/far-right-russian-group-claims-donald-trump-labelled-terrorists/>. (дата обращения: 15.04.2020).

86. Why are doctors in the Middle East cosyng up to foreign armies? [Электронный ресурс] // The Independent. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/iraq-mosul-doctors-medicins-sans-frontieres-usa-army-humanitarian-a8160306.html>. (дата обращения: 17.01.2018).

87. Why does Syria still have chemical weapons? [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/>

2018/apr/18/why-does-syria-still-have-chemical-weapons. (дата обращения: 21.04.2018).

88. Why we may never know if British troops committed war crimes in Iraq [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/news/2018/jun/07/british-troops-war-crimes-iraq-historic-allegations-team>. (дата обращения: 10.06.2018).

89. Will Trump let Russia take the Azov Sea? [Электронный ресурс] // The Washington Post. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2018/11/28/will-trump-let-russia-take-azov-sea/>. (дата обращения: 30.11.2018).

90. World reacts to overnight strikes on Syria by US, UK and French forces [Электронный ресурс] // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/14/airstrikes-syria-world-reacts-bombing-us-uk-french-forces>. (дата обращения: 17.04.2018).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Пример для иллюстрации процедуры декодирования оценочных смыслов в медиатексте *ELIZABETH WARREN: WHO SHE IS AND WHAT SHE STANDS FOR* (The New York Times) The New York Times

2020 CANDIDATES

Elizabeth Warren

A senator and former law professor wants to change the rules of the economy.

By [Thomas Kaplan](#) Updated Mar 19, 2020

Elizabeth Warren [dropped out of the presidential race](#) on March 5, 2020. This page is no longer being updated.

Who is Elizabeth Warren?

- 70 years old
- Born in Oklahoma City; lives in Cambridge, Mass., and Washington
- Former law professor; elected to the Senate in 2012
- An expert in bankruptcy law who helped set up the Consumer Financial Protection Bureau during the Obama administration

Warren's signature issues

Senator Elizabeth Warren is running for president promising to bring about “big, structural change,” with the goal of tilting power toward working people and away from big corporations and the rich.

She has become known in the Democratic field for her long list of policy plans, including [creating a wealth tax](#), [canceling student loan debt](#) for most borrowers and [breaking up big technology companies](#). She is also a proponent of “Medicare for all,” and has rolled out proposals to [transition to](#) and [pay for](#) such a system.

She has stood out from many of her opponents by [swearing off fund-raisers with wealthy donors](#), and she spends hours taking pictures

[raisers with wealthy donors](#), and she spends hours taking pictures with voters who wait in a [“selfie line”](#) at the end of her town halls.

Three questions about Elizabeth Warren

1. She has lots of big plans. How would she pay for them?

Ms. Warren has laid out [numerous revenue sources for her various plans](#), but her marquee proposal is to create a wealth tax that would apply to the super rich. She would impose a 2 percent annual tax on a household’s net worth between \$50 million and \$1 billion, and a 6 percent tax on net worth above \$1 billion.

Ms. Warren says the revenue from that tax — estimated at \$3.5 trillion over a decade — would cover the cost of her plans for universal child care, K-12 education, free public college and student debt cancellation. It would also help pay for Medicare for all.

2. Has she always been a Democrat?

No. Ms. Warren was registered as a Republican until 1996, when she was in her 40s. Ms. Warren has said that her switch amounted to going [from “not political” to “political.”](#)

3. What about the controversy over her ancestry?

Ms. Warren has faced scrutiny over her claims of Native American ancestry since she ran for Senate in 2012, and President Trump has repeatedly used a slur to mock her over the subject. Ms. Warren has said that she never used her ancestry claims to advance her career.

Before entering the presidential race, she [released the results of a DNA test](#) that provided evidence that she had a Native American ancestor. But the DNA test [angered some Native Americans](#), and she has since [apologized](#) for the DNA test and for identifying herself as Native American during her career as a law professor.

“When government works only for the wealthy and the well-connected, that is corruption, plain and simple, and we need to call it out.”

Elizabeth Warren

Приложение 2. Типы конфликтов в медиадискурсе Великобритании и США

Тип	Определение	Кол-во британских медиатекстов	Кол-во американских медиатекстов	Пример
<i>Вооруженный</i>	Под вооруженным конфликтом в настоящем исследовании понимается в широком смысле любая акция с применением вооруженной силы или угрозой ее применения (опосредованное применение оружия) как на международной арене, так и во внутривнутриполитической борьбе (Юсупов, 2005).	264	156	<i>Pentagon: Turkey's Syria operations not helpful</i> (New York Daily News, 25.01.2018)
<i>Политический</i>	Политический конфликт рассматривается как это столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением власти или ее перераспределением, а также с изменением их политического статуса в обществе (Политологический словарь, 1994).	228	348	<i>Chile protests: President to sack entire cabinet after more than one million people take to streets</i> (The Independent, 27.10.2019)
<i>Религиозный</i>	Религиозный конфликт понимается как противостояние представителей различных вероисповеданий или противоборство внутри одной религии, в основе которого лежит нетерпимость к инакомыслию (Лучшева, 2017).	60	72	<i>Russian-backed Orthodox Church faces pressure from Kiev and splits within</i> (The Independent, 17.11.2018)
<i>Экономический</i>	Экономический конфликт определяется не просто как рыночная конкуренция, а соперничество за ресурсы между противоборствующими сторонами, которые несут издержки в связи с попытками ослабить или устранить друг друга (Garfinkel, 2012).	48	24	<i>North Korea calls Pompeo 'poisonous plant' for promoting sanctions</i> (The New York Post, 23.08.2019)
Всего:		600	600	

Приложение 3. Пример медиатекста жанра *news report*

CONGRESS TO LAUNCH SANCTIONS ON TURKEY AS TRUMP MEASURES DEEMED INEFFECTIVE

(The Guardian)

News Opinion Sport Culture Lifestyle More ▾

World ▶ Europe US Americas Asia Australia Middle East Africa Inequality Global development

Turkey

● This article is more than 1 year old

Congress to launch sanctions on Turkey as Trump measures deemed ineffective

Bipartisan bill would force Turkish president to halt military campaign amid reports of widespread human rights abuses

Julian Borger in Washington
Tue 15 Oct 2019 23:10 BST

135

▲ Demonstrators protest against the Turkish military operation in Syria, outside the Turkish embassy in Kiev. Photograph: Genya Savilov/AFP via Getty Images

The US Congress will press ahead with a broad package of sanctions on **Turkey**, including cutting military support, **after measures announced by the Trump administration were dismissed as ineffective**, Senate officials have confirmed.

The Republican senator Lindsey Graham and Democrat Chris van Hollen are expected to launch a bipartisan bill on Tuesday aimed at forcing the Turkish president, Recep Tayyip Erdoğan, to halt his military campaign in north-eastern Turkey, amid reports of **widespread human rights abuses** and the release of Isis militants who had been detained there.

The Senate bill would impose restrictive measures on Turkey's political leadership and Turkey's domestic energy sector. It would also prohibit US military support to **Turkey**, a Nato ally.

Donald Trump, widely blamed even by normally loyal supporters for giving a green light to the Turkish invasion, had sought to head off congressional sanctions and regain the initiative with an executive order on Monday.

Advertisement

After 200 years there is still injustice for us to report on and issues for us to investigate. Help us be here for the long haul.

Become a digital subscriber →

The Guardian
For 200 years, a work in progress

Russian troops patrol between Turkish and Syrian forces on border

[Read more](#)

Donald Trump, widely blamed even by normally loyal supporters for giving a green light to the Turkish invasion, had sought to head off congressional sanctions and regain the initiative with an executive order on Monday.

On Tuesday, the [justice department announced](#) new criminal charges against a major Turkish bank for what was described as a multi-billion dollar sanctions busting scheme. Halkbank was charged with fraud, money laundering, and sanctions offenses, for the scheme which involved selling Iranian oil for gold.

“Halkbank’s systemic participation in the illicit movement of billions of dollars’ worth of Iranian oil revenue was designed and executed by senior bank officials,” a justice department statement said. “The bank’s audacious conduct was supported and protected by high-ranking Turkish government officials, some of whom received millions of dollars in bribes to promote and protect the scheme.”

It was unclear whether the unveiling of the charges was in any way coordinated with the sanctions and steep dip in US-Turkish relations. The US has already sentenced the bank’s general manager, and a gold trader, Reza Zarrab, who pleaded guilty and offered cooperation.

Zarrab was a client of Trump’s personal lawyer, Rudy Giuliani, and it was [revealed at the weekend](#) that Trump had repeatedly tried to persuade the former secretary of state, Rex Tillerson, to have the case against him dropped.

Trump’s executive order on Monday imposed a 50% tariff on imports of Turkish steel, called off what officials called a \$100bn bilateral trade deal and gave the state department and Treasury wide powers to impose targeted sanctions on Turkish officials.

However, both administration critics and sanctions analysts said the administration proposal looked more imposing than it was in reality. The White House has yet to rescind a White House invitation to Erdoğan which Trump offered to the Turkish president after being informed of the imminent offensive. And Trump’s sanctions package does not affect US military support to Turkey.

Furthermore it was unclear whether a \$100bn trade deal administration officials said had been shelved had ever existed in the first place.

Advertisement

20%
НА ВИГІДНІШЕ
ВІД ЦІНИ ПОН

7,96 ГРН ЗА КУБ

Завжди надійно
та вигідно

Most viewed

Daniel Morgan's son says Priti Patel has added to family's agony

World expert in scientific misconduct faces legal action for challenging integrity of hydroxychloroquine study

Blind date: 'He pointed out that I'd dropped a tomato on my sweater'

Signs of rise in Covid infections in England amid variant warnings

UK savers given hope as interest rates edge up from all-time lows

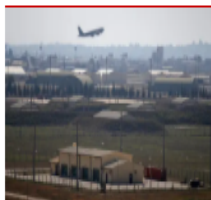
Daniel Tannebaum, a former sanctions official, now head of sanctions at Oliver Wyman management consultants, said: “There has not been any evidence of a deal matching what was described. So there were some shoulder shrugs when this was announced. People asked: ‘What are you referring to?’”

Senator van Hollen called the Trump measures a “pathetic response”, pointing out that steel exports to the US were a fraction of one per cent of Turkey’s total exports. The Trump administration also has a record of slow-rolling sanctions against regimes where the president believes he has a strong personal relationship with the leader, such as Russia and Saudi Arabia.

Turkish equity markets spiked when markets opened on Tuesday, in an apparent sign of relief at the limited nature of the US response to the [Syria](#) invasion.

In Washington the House speaker, Nancy Pelosi, said: “President Trump has unleashed an escalation of chaos and insecurity in Syria. His announcement of a package of sanctions against Turkey falls very short of reversing that humanitarian disaster.”

Peter Harrell, former deputy assistant secretary of state for counter threat finance and sanctions, said: “The executive order has the potential to really be quite broad and impose quite draconian sanctions, but the targets the administration has picked to date have been low to mid-range ... So I think there’s sort of a substantive concern that the president doesn’t actually intend to be particularly aggressive here.”

US nuclear bombs at Turkish airbase complicate rift over Syria invasion

[→ Read more](#)

The most important difference between the congressional and administration sanctions packages could be the issue of military support. The Turkish army and air force is largely reliant on the US to keep up operations. Administration officials have been hesitant about imposing such military sanctions, for fear of pushing Turkey out of Nato altogether, though critics have argued that it has ceased to be an ally in any meaningful sense anyway.

“If the Trump administration were truly serious about rolling back Turkey’s invasion of Syria, it would immediately cut off all US arms supplies to the Turkish military, including spare parts and maintenance,” William Hartung, director of the arms and security project at the Center for International Policy.

“Turkey relies on the US for all of its combat aircraft and two-thirds of its armoured vehicles, so a full withdrawal of US support could degrade its fighting capability. And it would send a stronger message than the minimal economic measures the administration has taken thus far.”

Приложение 4. Пример медиатекста жанра *feature article*

'NOTHING IS OURS ANYMORE': KURDS FORCED OUT OF AFRIN AFTER TURKISH ASSAULT (The Guardian)

News Opinion Sport Culture Lifestyle More ▾

World ▶ Europe US Americas Asia Australia Middle East Africa Inequality Global development

Syria

This article is more than 2 years old

'Nothing is ours anymore': Kurds forced out of Afrin after Turkish assault

Many who fled the violence January say their homes have been given to Arabs

Martin Chulov Middle east correspondent and **Kareem Shaheen**

Thu 7 Jun 2018 05.00 BST

535

▲ A Syrian woman cooks in Afrin. Displaced from their homes in Ghouta, families have sought refuge in abandoned houses in the traditionally Kurdish town (Photograph: Nazeer Al-Khatib/AFP/Getty Images)

When Areen and her clan fled the Turkish assault on Afrin in January, they feared they may never return.

Six months later, the Kurdish family remain in nearby villages with other Afrin locals who left as the conquering **Turks and their Arab proxies swept in**, exiling nearly all its residents.

Recently, strangers from the opposite end of **Syria** have moved into Areen's home and those of her family. The few relatives who have made it back for fleeting visits say the numbers of new arrivals - all Arabs - are rising each week. So too is a resentment towards the newcomers, and a fear that the steady, attritional changes may herald yet another flashpoint in the seven-year conflict.

Unscathed through much of the Syrian war, and a sanctuary for refugees, Afrin has become a focal point of a new and pivotal phase,

Advertisement

Subscribe for facts' sake

After 200 years there is still injustice for us to report on and issues for us to investigate. Help us be here for the long haul.

Become a digital subscriber →

Advertisement

Over 33,000,000 Products All for Your Needs

point of a new and pivotal phase, where the ambitions of regional powers are being laid bare and a coexistence between Arabs and Kurds - delicately poised over decades - is increasingly being threatened.

Over 90,000,000 Products
All for Your Needs
Get Great Offers Here

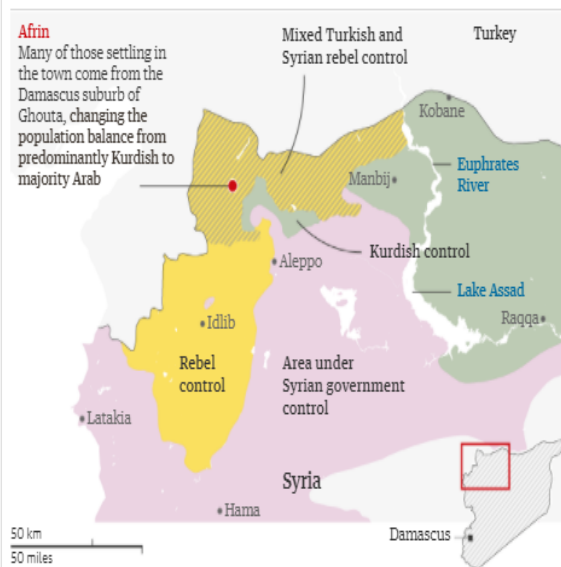
Find China Manufacturers

We help buyers and suppliers communicate and do business with each other efficiently.

The small enclave in northwestern Syria directly reflects the competing agendas of four countries, Turkey, Syria, Russia and the US - though none more so than Ankara, whose creeping influence in the war is anchored in Afrin and the fate of its peoples.

Turkey's newfound stake has given it more control over its nearby border and leverage over its arch foe, the Kurdistan Workers' party (PKK), which had used its presence in Afrin to project its influence northwards.

But the campaign to oust Kurdish militias has raised allegations that Ankara is quietly orchestrating a demographic shift, changing the balance of Afrin's population from predominantly Kurdish to majority Arab, and - more importantly to Turkish leaders - changing the composition of its 500-mile border with Syria.

Guardian graphic. Source: Institute for the Study of War

Ahead of the January assault, the Turkish president, Recep Tayyip Erdoğan, said: "We will return Afrin to its rightful owners."

Erdoğan's comments followed a claim by US officials that it would help transform a Kurdish militia it had raised to fight Islamic State in northeastern Syria into a **more permanent border force**. The announcement incensed

Most viewed

- Trump Hotel raised prices to deter QAnon conspiracists, police files show
- My mum escaped the cruelty of Ireland's mother and baby homes. I might not be alive if she hadn't
- 'It has stood the test of time': was 1971 the greatest year in music?
- Spanish aid volunteer abused online for hugging Senegalese migrant
- World expert in scientific misconduct faces legal action for challenging integrity of hydroxychloroquine study

Advertisement

Join leading thinkers from the arts, politics and beyond at our first digital festival

Turkish leaders, who had long feared that Syria's Kurds would use the chaos of war to advance their ambitions - and to move into a 60-mile area between Afrin and the Euphrates river, which was the only part of the border they didn't inhabit.

Ankara denies it is attempting to choreograph a demographic shift in Afrin, insisting it aimed only to drive out the PKK, not unaffiliated Kurdish locals.

"The people of Afrin didn't choose to live under the PKK," said a senior Turkish official. "Like Isis, the PKK installed a terrorist administration there by force. Under that administration, rival Kurdish factions were silenced violently. [The military campaign] resulted in the removal of terrorists from Afrin and made it possible for the local population to govern themselves. The vast majority of the new local council consists of Kurds and the council's chairperson is also Kurdish."

Many who remain unable to return to Afrin are unconvinced, particularly as the influx from elsewhere in Syria continues. Both exiles and newcomers confirmed to the Guardian that large numbers of those settling in Afrin came from the Damascus suburb of Ghouta, where an anti-regime opposition surrendered to Russian and Syrian forces in April, and accepted being transferred to northern Syria

Between bandits, militiamen, and wayfarers, Afrin is barely recognisable, say Kurdish locals who have made it back. "It's not the Afrin we know," said Areen, 34. "Too many strange faces. Businesses have been taken over by the Syrians, stores changed to Damascene names, properties gone. We feel like the Palestinians.

"The Syrian government couldn't care less to help us reclaim our property, they won't even help us get back into Afrin. We want to go back, we couldn't care less if we're governed by the Kurds or Turks or Assad, we just want our land back."

▲ A Syrian man walks away from the entrance to Afrin. Photograph: Nazeer Al-Khatib/AFP/Getty Images

A second Afrin exile, Salah Mohammed, 40, said: “Lands are being confiscated, farms, wheat, furniture, nothing is ours anymore; it’s us versus their guns. It’s difficult to come back, you have to prove the property is yours and get evidence and other nearly impossible papers to reclaim it.

“There is definitely a demographic change, a lot of Kurds have been forcibly displaced on the count that they’re with the PKK when in fact they weren’t. There are barely any Kurds left in Afrin, no one is helping us go back.”

Another Afrin local, Shiyar Khalil, 32, said: “When the Kurds try to get back to their house they have to jump through hoops. You cannot deny a demographic change, Kurds are not able to go back. Women are veiled, bars are closed; it’s a deliberate erasing of Kurdish culture.”

Umm Abdallah, 25, a new arrival from Ghouta said some Kurds had returned to Afrin, but anyone affiliated with Kurdish militias had been denied entry. “I’ve seen about 300 Kurds come back to Afrin with their families in the past month or so. I don’t know whose house I am living in honestly, but it’s been registered at the police station.”

She said Afrin was lawless and dangerous, with Arab militias whom Turkey had used to lead the assault now holding aegis over the town. “The Turks try to stop the looting but some militias are very malicious,” she said. “They mess with us and the Kurds, it’s not stable here.”

Both Umm Abdallah and another Ghouta resident, Abu Khaled Abbas, 23, had their homes confiscated by the Assad regime before fleeing to the north. “The Assad army stole everything, even the sinks,” said Abbas.

“These militias now are not leaving anyone alone [in Afrin], how do you think they will treat the Kurds? There are bad things happening, murder, harassment, rapes, and theft. They believe they ‘freed’ the land so they own it now.”

Additional reporting: Nadia al-Faour